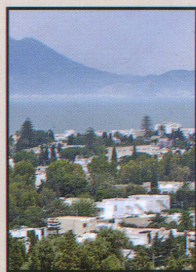

ГИДЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Эди Дриди

КАРФАГЕН и Пунический мир

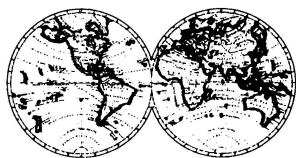

История
Государственное устройство
Военно-морской флот
Сельское хозяйство
Религия
Повседневная жизнь

ЭДИ ДРИДИ

КАРФАГЕН и Пунический мир

Москва
«Вече»
2009

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)31
Д74

*Издание осуществлено при поддержке
Национального центра книги
Министерства культуры Франции*

*Ouvrage publié avec le concours du Ministère français
chargé de la culture – Centre National du Livre*

Перевод с французского Н.И. Озерской

Дриди, Э.
Д74 Карфаген и Пунический мир / Эди Дри-
ди. — М. : Вече, 2008. — 400 с. : ил. — (Гиды ци-
вильзаций).

ISBN 978-5-9533-3781-6

Величественный, мрачный и могучий город, гроз-
ный владыка морей, средоточие кровавого культа Моло-
ха — таков Карфаген в расхожем мнении современного
человека, в романах и кинофильмах. Насколько обосно-
ван такой образ? Автор этой книги на обширном истори-
ческом и археологическом материале воссоздает иную,
но ничуть не менее впечатляющую картину поистине ве-
ликой культуры, незаслуженно забытой, фактически уни-
чтоженной Римом. Нераскрытой тайной веков предстает
перед читателем погибшая литература Карфагена, возмож-
но, хранившая ключи к загадкам Атлантиды. Да и религия
Молоха оказывается на поверку не столь зловещей...

**УДК 94(3)
ББК 63.3(0)31**

Hédi Dridi.
Carthage et Le Monde Punique
ISBN 978-5-9533-3781-6 © 2006, Société d'édition Les Belles Lettres
95, bd Raspail, 75006 Paris
© Озерская Н.И.,
перевод на русский язык, 2009
© ООО «Издательский дом «Вече», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пытаясь призвать к порядку расшалившихся детей, римские матроны эпохи Пунических войн произносили с угрозой в голосе: «Hannibal ad portas!» («Ганнибал у ворот!»). В наши дни имя Ганнибал мало что значит для наших детей, за исключением, может быть, Ганнибала Лектора, утонченного антропофага из «Молчания ягнят». Но между этими двумя персонажами есть и некое сходство: их имя по-прежнему внушает страх и ужас.

Хотя нужно признать очевидное: произведения некоторых классических авторов, пришедшие на смену основополагающему роману «Саламбо» Гюстава Флобера, окончательно сформировали образ Карфагена и в целом пунического мира. И можем ли мы в таком случае согласиться с тем, чтобы любой карфагенянин навсегда остался бы в нашем воображении либо жестоким воином, либо трусливым и алчным торговцем, либо религиозным фанатиком, готовым принести в жертву кровожадному божеству своих детей?

История города и самобытной цивилизации, развивавшейся на протяжении семи веков своего существования, не может быть сведена к лубочным картинкам Эпиналя. Впрочем, греки, как и римляне, не всегда пытались очернить карфагенян. Аристотель выражал свое восхищение политической системой Карфагена. Проживавшие на Сицилии греческие аристократы нашли убежище здесь, когда политическая ситуация на острове начала вызывать опасения. Что касается римлян, то они очень рано заимствовали не-

которые термины и технологии карфагенян. И многие латинские выражения, содержащие дополнение «пунический», это подтверждают: пуническая похлебка, пунические кровати, пуническое яблоко, пунический плуг и т.д. Даже знаменитая латинская формула приветствия «Аве» происходит от пунического термина *Hw'* (произносится как «Хаве» или «Аве»), что означает «Здравствуй».

И не столько латинская или греческая литература, написанная победителями, то есть не беспристрастными людьми, сколько археология смогла предоставить нам самые объективные свидетельства о Карфагене и карфагенянах. И сколько же дорог уже пройдено с того момента, как Шатобриан и Флобер размышляли над руинами пунической метрополии! Раскопки, которые проводились, начиная с XIX столетия, в Карфагене, Керкуане (Тунис), на Мальте, Сицилии и Сардинии, в Алжире, Марокко и Испании, анализ, априори свободный от всяких предвзятостей классических и библейских источников, постоянно обновляемые исследования надписей, содержащих, кстати, весьма полезные сведения, позволили археологам, историкам и эпиграфистам очистить историю Карфагена от романтической мишуры и восстановить наиболее правдоподобный образ этого города и его культуры. Разумеется, отличающейся от греческой и латинской культур в силу своего средиземноморского и африканского окружения. И именно эту самобытную цивилизацию, кусочек Востока, расцветший на африканской земле, мы приглашаем еще раз посетить.

Но прежде, как нам кажется, необходимо уточнить значение некоторых терминов, которые нам предстоит употреблять.

Название этнического финикийца происходит от греческого слова *Phoinikes*, которым греки называли жителей сирийско-палестинского побережья (современные Сирия и Ливан). Его этимология не совсем ясна, но совершенно очевидно, что корень *Phoinos* обозначает на греческом языке красный цвет. Помимо этой, выдвигались многие другие идеи, хотя ни одна из них так и не получила права на существование. Так, этот термин связывали с пурпуром, принесшим финикийцам славу в античные времена, или с оттенком их кожи (рыжевато-коричневым или смуглым, в зависимости от той или иной гипотезы). Что касается Геродота, греческого путешественника V в., то, по его мнению, название, данное финикийцам, видимо, связано с местом их происхождения, а не с их внешностью. Вероятно, они происходили из региона, прилегающего к Индийскому океану, который греки называли Эритрейским морем, а Эритрея также переводится с греческого языка как «красная».

Термин *Phoinikes*, претерпев некоторые изменения, впоследствии перешел в латынь. Дальнейшие превратности истории привели к тому, что римляне начали различать западных финикийцев, которых они называли *Poeni* (искаженное латинское слово, образованное от *Phoinikes*, от которого и произошел современный термин «пунический»), и восточных финикийцев, которых они продолжали называть *Phoinices*. Впрочем, как и греки, называвшие финикийцев (в зависимости от исторических периодов) сидонийцами или тирийцами, римляне называли карфагенянином и жителя Карфагена, и пунийца, то есть любого человека, проживавшего в городах и районах Западного Средиземноморья, в ареале финикийской культуры.

Финикийцы, как и пунийцы, никогда не называли себя карфагенянами. Они называли себя в соответствии с городом их проживания (сидонийцами, тирийцами, арвадийцами, карфагенянами и т.д.), даже если в одном из отрывков Св. Августина они, как нам кажется, идентифицировали себя по региону происхождения — Ханаану.

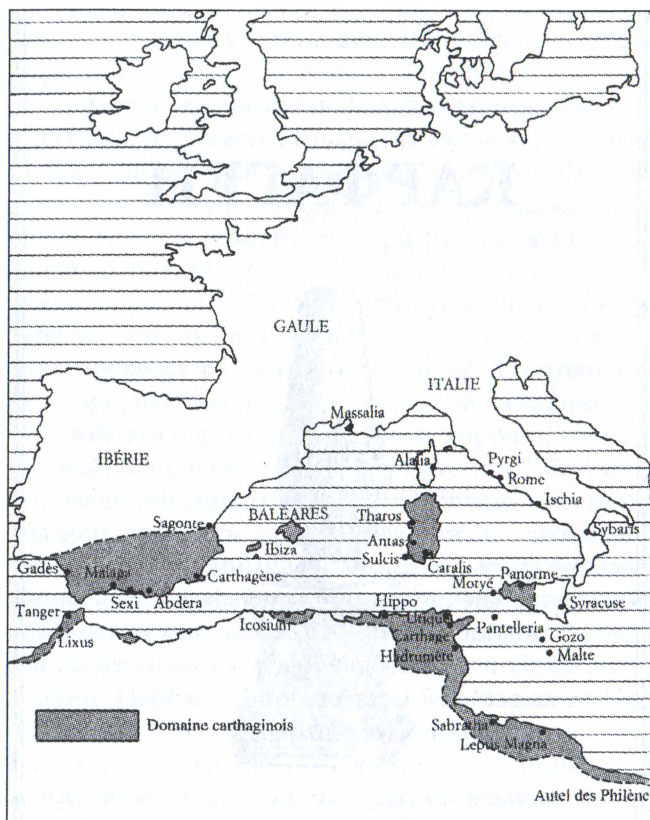
Современное название Карфагена происходит от латинского слова *Carthago*, являющегося, в свою очередь, искажением финикийского *Quarthadašt* (произносится как «Карфаген»). Это наименование не несет в себе ничего оригинального и обозначает «Новый город». И оно не является единственным, поскольку нам известны по крайней мере два других финикийских или пунических города, носящих то же название: первый находился на Кипре, что подтверждается одной из надписей, а второй нам известен достаточно хорошо, так как он является современным Карфагеном (Картагена), расположенным на востоке Испании. Следует, наконец, добавить, что этот обычай был свойственен не только финикийцам, поскольку греческий эквивалент Карфагена, Неаполис, мы встречаем в названиях многих современных городов и районов Центрального Средиземноморья: Неаполь в Италии, Набёль в Тунисе или Санта Мария ди Набули на западном побережье Сардинии.

Как во всех древних семитских языках, пунический алфавит содержал в себе исключительно согласные звуки (см. Язык, гл. VII). Гласные подразумевались, хотя они нам не всегда известны. Мы будем озвучивать пунические термины каждый раз, как это будет возможно.

Н. В. Все даты в этом издании соотносятся с периодом до нашей эры, если не указано иное.

ΚΑΡΦΑΓΕΝ

*Карта западной части Средиземноморского бассейна
и территорий Карфагена*

I

ИСТОРИЯ

Написанная победителями, история Карфагена мрачна и жестока. Она способна погрузить в забвение целые нации и народы, отведя им второстепенную роль фона, на котором разворачивались исторические события. Именно так и произошло с Карфагеном, цивилизации которого не удалось завоевать тот престиж, который был свойственен греческому или египетскому мирам. Но Карфагену повезло в том смысле, что для большей части древних авторов он представлял собой образ идеального врага. Карфагенин, наряду с финикийцем и персом, был жестоким варваром, угрожавшим свободам классического мира и его концепции общества. Благодаря этому, весьма незавидному, положению, в классических источниках сохранилось некоторое количество информации, относящейся к этой цивилизации, которая все еще остается очень ценной для нас, несмотря на то, что обращаться с ней следует с большой долей осторожности. Но даже если не принимать во внимание тот факт, что содержащиеся в них данные, как правило, являются неполными, поскольку они касаются внешней стороны истории Карфагена, то можно с полным основанием предположить, что некоторые авторы, такие, как Полибий (открыто это утверждающий) или Диодор Сицилийский, относились к Карфагену с нескрываемой предвзятостью.

Эти тексты, видимо, никогда не смогут компенсировать отсутствие прямых источников (надписи, переводы карфагенских произведений), которые являются единственной возможностью узнать точку зрения заинтересованных лиц об их собственной истории. Следует ли в таком случае игнорировать труды классических авторов? На самом деле их нельзя обойти вниманием, если мы не хотим свести историю Карфагена к скупым отчетам о проведенных раскопках и к изучению отдельных предметов. Именно по этой причине мы будем часто упоминать о них в этом издании. Хотя содержащаяся в них информация, на которую мы систематически будем ссылаться, по мере возможности будет сравниваться с данными археологии и эпиграфики.

ЭЛИССА, ИЛИ РОЖДЕНИЕ КАРФАГЕНА

Легенда о происхождении Карфагена была обнаружена нами в трудах различных древних авторов (Тимея из Тавромения, Менандра Эфесского и главным образом Юстиниана). В ней говорится, что Муттон / Маттан, царь Тира, завещал свое царство после смерти своим двум детям — Пигмалиону (чье финикийское имя было, вероятно, Пумайатон), в то время достигшему возраста 14 лет, и Элиссе (имя которой писалось как 'lšt или 'ršt, видимо, Элишта или Эришта). Свергнутая с трона народом, отдавшим предпочтение ее брату, Элисса вышла замуж за своего богатого и могущественного дядю Сик(х)арбаса / Ашербаса, великого жреца Геракла (то есть Милькарта, главного божества Тира).

Впоследствии у Пигмалиона, превыше всего ценящего богатство, созрела идея завладеть сокровищами храма Милькарта. И для этого он без колебаний убивает своего дядю и зятя, полагая, что это принудит его сестру искать у него защиты и покровительства. Но Элисса, опираясь на поддержку тирской аристократии, недовольной действиями царя, разрушает его замыслы. Она в подробностях разработала хитрый план, чтобы не дать возможности своему алчному брату в полной мере насладиться богатством своего супруга и сокровищами храма, доверенными ему.

Она дает ему знать, что собирается прибыть к нему в его дворец. Пигмалион, очарованный грядущей перспективой, даже посылает ей своих слуг. Со своей стороны, Элисса велела погрузить на корабль крепко-накрепко завязанные мешки с песком, якобы содержащие сокровища. Как только они вышли в открытое море, она приказала слугам своего брата выбросить мешки в море и принялась вызывать манов своего мужа, умоляя их принять в качестве искупительного подношения «это золото», причинившее им столько горя. Затем она обратилась к слугам, чтобы предостеречь их от гнева царя, если он узнает, что они содействовали исчезновению столь вожделенных для него богатств. Последнее, вне себя от ужаса, согласились ее сопровождать. К кораблю Элиссы впоследствии присоединились корабли поддерживающей ее аристократии, и флотилия, нагруженная сокровищами и предметами культа из храма Милькарта, взяла курс на Кипр.

Здесь великий жрец Юноны (Аштар) вызвался сопровождать беглецов вместе со своей семьей

при условии, что его потомкам будут предоставлены жреческие почести. Далее Юстиниан уточняет, что Элисса приказала похитить восемьдесят девушек, занимающихся священной проституцией, чтобы отдать их в жены своим компаньонам и обеспечить, таким образом, постоянным населением город, который она собиралась основать.

Взбешенный известием о бегстве своей сестры, Пигмалион все более укрепляется в своем решении пуститься вслед за ней. Но пророки отговаривают его от этого шага, напомнив ему, что «нельзя безнаказанно чинить препятствия при закладке нового города, который единственный во всем мире был отмечен благосклонностью богов».

Что касается беглецов, то они направились к побережью Африки. И именно здесь Элисса взяла себе имя Дидоны. Местные жители, оказав им сначала теплый прием, проявили сдержанность, когда Элисса/Дидона попросила у них внаем участок земли, где можно было бы обустроиться. Тирская принцесса, часто проявлявшая смекалку и сообразительность, попросила у них столько земли, сколько могла бы покрыть шкура быка. Африканцы, полагая, что они поставили ее в затруднительное положение, согласились. Разрезав шкуру быка (бирса на греческом языке) на тонкие полоски, Элисса очертила ими довольно обширное пространство, вполне достаточное для того, чтобы она могла на нем расположиться вместе со своими спутниками. Аборигены, попавшие в сети расставленной собственными руками ловушки, сдержали слово и предоставили столь необходимую ей территорию, потребовав взамен ежегодной уплаты дани. Обитатели Утики, сосед-

ней финикийской колонии, послали дары вновь прибывшим, одобряя и поддерживая их в стремлении основать город.

Когда Элисса/Дидона со своими соотечественниками начали копать землю под закладку будущего города в том месте, которое они выбрали, показалась голова быка. Они восприняли это как плохое знамение и переместились на другую часть территории, обнаружив здесь голову коня, знак будущих воинских доблестей и могущества нового города.

Позже, когда город окреп и набрал силу в результате пополнения новым населением (проживавшим до этого на сирийско-ливанском побережье и выходцами из Кипра) и, разумеется, коренных жителей, африканский царь Иарбант (Хиарбас), как гласит легенда, обратился к Элиссе/Дидоне с предложением выйти за него замуж. Она, желая сохранить верность своему почившему супругу, но отдавая себе отчет в тех опасностях, которым мог подвергнуться ее город в случае отказа, в который раз прибегла к уже последней хитрости: она сделала вид, будто бы согласилась на предложение Иарбанта (Хиарбаса), но попросила сначала принести жертву манам своего мужа. В конце церемоний, продлившихся три месяца, она бросилась в костер, избежав, таким образом, нового союза и отодвинув от своих товарищей угрозу войны. Это искупительное жертвоприношение, ознаменовавшее собой рождение Карфагена, нашло отражение в другом таком же жертвоприношении, описанном Аппием и означавшем конец этого города (см. Разгром Карфагена). Эта легенда вдохновила Вергилия на написание им «Энеиды», хотя он так перестро-

ил сюжет, что между нашей героиней и Энеем, предполагаемым основателем династии Юлиев—Клавдиев, оставшимся в живых после Троянской войны, вспыхнула страсть.

В основе всех этих этиологических рассказов (то есть легендах об основании) лежит определенная доля действительно имевших место исторических фактов, и мы приведем четыре из них.

Во-первых, это связи, существовавшие между Карфагеном и Тиром. Во многих источниках говорится, что карфагеняне регулярно посещали Тир, в частности для того, чтобы привезти десятину, которую африканский город должен был платить храму Милькарта. Так, Арриан и Квинт Курций, авторы I столетия нашей эры, сообщают, что во время взятия в 332 году Тира Александр Великий обнаружил в городе карфагенских сановников, прибывших для осуществления жертвоприношения Милькарту. Позже, в начале II века, когда Ганнибал окончательно оставил Карфаген, отправляясь на восток, он, если верить Титу Ливию, прежде всего посетил Тир.

Во-вторых, было установлено, что основателями города были аристократы, и эта характерная черта явно отличает его от остальных городов. Об этом факте свидетельствует легенда, в которой уточняется, что обитатели Утики «старшей» практически подтвердили свою верность и лояльность по отношению к вновь прибывшим, преподнеся Элиссе и ее спутникам дары и поддержав их в решении возвести здесь город.

Оба эти факта приводят нас к мысли, что основание города произошло не вследствие разрыва, имевшего место внутри тирской аристократии, но что это было хорошо продуманное и взвешен-

ное решение, сформировавшееся на самом высоком уровне государства: с согласия царя либо вопреки его воле, но в любом случае с благословения, иначе говоря, при явном пособничестве жрецов Милькарта.

В-третьих, мы отмечаем космополитический характер нового города. Тирские аристократы и, видимо, все мужчины избирали себе жен среди киприотов. Позже (в Африке) предложение руки и сердца, сделанное Иарбантом (Хиарбасом), свидетельствует, как нам кажется, о том, что смешанные браки между вновь прибывшими и африканцами были широко распространенным явлением.

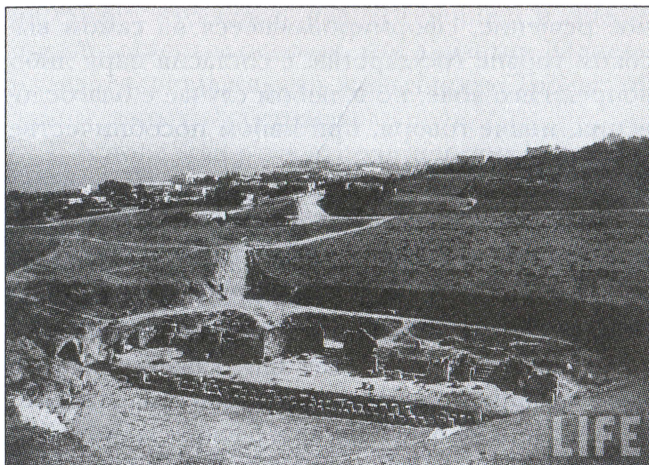
И наконец, Карфаген возводился на уже заселенной территории. Его основателям пришлось вести переговоры с политическими властями о выборе места под строительство, его площади и о размерах уплачиваемой дани.

ДАТА ОСНОВАНИЯ

Довольно долго история становления Карфагена практически не отличалась от легенды. Это относится, в частности, и к дате его основания.

Проблема датировки вызвала к жизни много гипотез, и даже если не удалось добиться согласия относительно точной даты, последние данные археологических раскопок позволяют установить время основания города концом IX века. Но сколько еще предстоит сделать, сколько еще будет жарких дискуссий, прежде чем мы придем к окончательному выводу!

В античных источниках выдвигаются различные даты начала его строительства в зави-

Археологические раскопки Одеона в Карфагене

симости от того или иного предания. Впрочем, установление времени основания такого города, как Карфаген, не может быть свободно от всякого рода политических подоплек. Так, некоторые латинские авторы, среди которых мы встречаем и Цицерона, пытались доказать, что пуническая метрополия была основана сразу же вслед за Римом!

Как бы там ни было, труды хронографов античности передают нам два предания относительно даты основания Карфагена. В основе «восточного» предания лежат архивы Тира, на которые ссылался Менандр Эфесский. Некоторые факты из его произведений дошли до нас благодаря трудам Иосифа Флавия. Он установил относительную хронологию, упоминая о строительстве храма Соломона и основании Карфагена, датируемых последней третью IX века. Это предание мы можем сопоставить с более объективными данными, по-

сколько был обнаружен один текст, позволяющий сократить временной интервал: речь идет о клинообразной надписи ассирийского царя Салманассара III, в которой говорится, что тот получил на восемнадцатый год своего правления дань от царя Баалманзора из Тира. Хронология ассирийских царей установлена благодаря упоминанию о затмении, которое имело место в 763 году. Таким образом, Салманассар III находился у власти с 858 по 824 год. Сопоставив эти данные с хронологией Иосифа Флавия, в которой сообщается, что Пигмалион наследовал Маттану, который в свою очередь сменил Баалманзора, мы пришли к выводу, что дата основания города выпадает на временной интервал между 825 и 820 годами до нашей эры.

Другое предание принято называть «классическим», поскольку описываемые в нем события разворачивались в греческом мире. В действительности Дионисий Галикарнасский (I, 74, 1)

Возведение Карфагена. Художник Уильям Тернер

сообщает нам, что, по свидетельству Тимея из Тавромения, Карфаген был основан за 38 лет до первой Олимпиады. Зная, что первые Олимпийские игры имели место в 776 году, легко определить дату основания Карфагена 814 годом. Принимая во внимание все эти факты, именно с этой датой обычно соотносят основание пунической метрополии.

Существует, таким образом, очевидное совпадение между этими двумя преданиями: в них дата основания выпадает на последнюю четверть IX века. Но литературные источники часто трудно совместить с действительностью, ведь в течение многих лет историкам приходилось мириться с отсутствием результатов археологических исследований, дающих возможность подтвердить эту датировку. И только начиная с 1970 года, когда в некрополях и жилищах, расположенных на равнинах, были обнаружены обломки керамических изделий, датированных VIII веком, а также благодаря повторному исследованию образцов керамики, найденных в некрополях и в тофете*, удалось сократить разрыв между датами, представленными литературными источниками и полученными в ходе проведения археологических раскопок.

* Тофет — центральная часть святилищ, расположенных под открытым небом, и место осуществления жертвоприношений на семитском Востоке, существовавшее в финикийских, ливийских и пунических религиях. Здесь захоранивались урны, содержащие прах детей (до четырехлетнего возраста) или позднее животных, принесенных в жертву богам. (Здесь и далее под звездочкой помещены примечания переводчика.)

ФИНИКИЙСКИЙ КАРФАГЕН

По правде говоря, мы немного знаем о финикийском Карфагене. Вполне возможно, что первые жилища строились у подножия холма Бирса. Архаический порт, все еще не найденный, мог находиться на юге полуострова, на Тунисском озере (см. Карфаген, гл. II). Но не столько результаты раскопок исторического ядра города, сколько данные, полученные в ходе раскопок в тофете и в архаических захоронениях на холмах Дермеш, Юноны или Бирса (см. план Карфагена), предоставляют нам наиболее достоверную и убедительную информацию об этом все еще неясном для историков периоде.

Довольно быстро после своего основания и в течение всего VIII века Карфаген завязывает долговременные отношения, которые он всячески поддерживает, с греческими и финикийскими метрополиями Центрального Средиземноморья. Так, в расположенной на острове Искья эвбейской колонии Пифекуза, основанной во второй четверти VIII века, проживало смешанное население, состоящее из эвбейских и восточных купцов, среди которых должны были находиться и карфагеняне. И, видимо, точно так же эвбейцы проживали в Карфагене и в других финикийских центрах, о чем, как нам кажется, свидетельствуют керамические изделия, очертания и декор которых являются воплощением смешанных форм влияния.

Во второй половине VIII столетия растет количество колониальных городов: финикийских на Мальте, Сицилии (Мотия, Палермо), на юге Сардинии, в Андалузии и греческих в Кумах (Кам-

пания), Таренте (Калабрия), в Сиракузах, Катане и Мегаре Гиблейской (Сицилия). Карфаген, разумеется, не мог не принимать участия в становлении торговых связей, и, как нам кажется, в этот период у пунического города были солидные деловые партнеры.

Особенно дружеские и тесные отношения сложились у него с этрусским миром. Начиная с середины VIII века в карфагенских захоронениях встречаются этрусские керамические изделия в стиле буккери*. А в одной из самых древних могил (датированной первой половиной VI века), обнаруженной на холме, носящем название Санта-Моника, была найдена пластина из слоновой кости, на которой была начертана этрусская надпись. Текст, который мог быть составлен в Вульчи, гласит: «*mī ruinel karthazie*», что обычно переводят как: «Я пуниец из Карфагена». Подобная «визитная карточка» была, очевидно, изготовлена для одного жителя Карфагена, который, несомненно, должен был поддерживать дружеские и теплые взаимоотношения с этрускими партнерами (см. Путешествия, гл. IX). Этим связям придавался священный характер, о чем свидетельствует факт строительства около 500 года в святилище Пирги (современная Санта Севера), расположенном в одном из портов города, Тэфарием Велианой, царем Церветери (античный город-государство Цере), часовни, посвященной Аштарт-Уни. В ознаменование ее возведения была сделана двуязычная надпись на этруском и финикийском языках, которая была выгравирована на золотой пластине, чудом обнаруженной в 1964 году (см. Надписи, гл. VII).

* Буккери — вид этрусской керамики черного цвета.

КАРФАГЕН — МОГУЩЕСТВЕННАЯ АВТОНОМНАЯ ДЕРЖАВА

Если верить Диодору Сицилийскому (V, 16, 2–3), то через 160 лет после своего основания, то есть в 654 году Карфаген сам основал колонию в Ибице. Эта дата свидетельствует о становлении Карфагена как могущественной колониальной державы. Эта информация требует подтверждения убедительными археологическими данными, поскольку если некрополь в Пюиг де Молэн и предоставил нам свидетельства о семитском присутствии в VII веке, то не так просто определить происхождение обнаруженного в нем материала (восточно-финикийский или карфагенский). И поэтому совершенно правомерен вопрос, поставленный авторами «Финикийского мира»: Ибица — это первая карфагенская колония или (что вполне возможно) одна из последних финикийских колоний?

Если абстрагироваться от вопроса о происхождении Ибицы, то все согласны с тем, что Карфаген вошел в историю как автономная держава, сохранявшая этот статус в течение VI века. Судя по литературным источникам, именно в этот период африканский город начинает воспринимать интересы прежних финикийских колоний как свои собственные. И совершенно очевидно, что военные действия карфагенян на Сицилии, Сардинии и на севере западного бассейна Средиземного моря имели своей целью сдержать греческую экспансию, которая угрожала его интересам на Сицилии и в Тирренском море.

Столкнувшись с давлением, оказываемым греческими колонистами на финикийские по-

селения в Западной Сицилии, Карфаген посылает экспедиционный корпус, возглавляемый Малхом. И это явилось началом длинной серии войн, окончившихся в 241 году захватом римлянами Сицилии в ходе Первой пунической войны. Если верить Орозию (IV, 6, 9), эта интервенция вполне могла иметь место в правление персидского царя Кира II (559—529). Она также могла быть вызвана одной из многочисленных попыток со стороны греков заселить западную часть Сицилии.

Обеспечив карфагенское доминирование над этой частью острова, то есть над финикийскими поселениями на Сицилии, генерал Малх, видимо, отсюда в середине VI века направился на Сардинию. Здесь он, как нам кажется, столкнулся с сопротивлением местного населения острова, боровшегося против захвата финикийскими колонистами внутренней части страны, богатой природными ископаемыми. Юстиниан (XVIII, 7) и его комментаторы сообщают, что здесь Малх потерпел настолько жестокое поражение, что был вынужден искать убежища в чужих краях (см. Политические институты и осуществление власти, гл. III). Однако, изучая археологические данные, мы пришли к выводу, что в конце VI века карфагенское присутствие на Сардинии было вполне реальным. Именно в этот период крепость Монте Сираи, основанная веком ранее жителями Сульчиса для осуществления контроля над путями, ведущими в глубь страны, подверглась реорганизации. Плато, на котором она возвышалась, было впоследствии застроено гражданскими жилищами, которые защищал и охранял военный гарнизон (см. карту Сардинии). Святилище Циди

в Антасе (см. Святилища и храмы, гл. VI) является еще одним примером закрепления карфагенян на этой территории, даже если факты, свидетельствующие в пользу этого, относятся к периоду не ранее V столетия.

Ближе к северу фокейцы*, пытаясь избежать персидского давления в Малой Азии, обосновались в Алалии (современная Алерия), на Корсике, поблизости от другой фокейской колонии, Массалии (Марсель). Это новое поселение, выживающее в основном за счет пиратства, вскоре приняло угрожающий характер для карфагенян и прежде всего для их этрусских союзников. Таким образом, в Западном Средиземноморье возник первый крупномасштабный конфликт, о котором упоминается во многих источниках. Столкновение имело место в 540 году на подступах к Алалии. В сражении принимали участие, с одной стороны, корсиканские и марсельские фокейцы, а с другой — карфагеняне и этруски. Исход битвы нам неизвестен, поскольку сведения, предоставляемые отдельными источниками, разнятся. Но совершенно очевидно, что фокейцы были вынуждены покинуть Корсику, предоставив свои владения этрускам. В итоге именно этот конфликт ознаменовал собой первое появление Карфагена на международной арене.

В результате битвы при Алалии западный бассейн Средиземноморья обрел, по всей видимости, мир и спокойствие. В источниках больше

* Фокейцы — жители малоазийского города Фокея (основанного, по преданию, афинянами), выходцы из региона Центральной Греции Фокиды или Аттики.

не упоминается о каких-либо конфликтах между пунийцами и греческими колониями на северном побережье Средиземного моря в Массалии, Ампурии (Каталония), Никайе (Ницца). К концу VI века сферой влияния карфагенян в Центральном Средиземноморье охватывались Сардиния, западная часть Сицилии и Африка. И это подтверждается первым римско-карфагенским договором, заключенным в 509 году, когда, согласно источникам, произошло становление республики в Риме (см. Дипломатия и международные отношения, гл. III). И именно с этой датой принято связывать приход к власти во главе карфагенской олигархии династии Магонидов, получившей свое название от имени ее предполагаемого основателя Магона.

Это был очень хороший период не только для карфагенян, но и для их союзников. Как нам кажется, африканской метрополии удалось сформировать обширный «общий рынок», куда входили прежние финикийские колонии в Андалузии и на Сардинии, а также поселения на Балеарских островах и Североафриканском побережье, включая Мальту. Однако сопоставление данных, предоставляемых литературными источниками, с результатами археологических исследований ставят перед нами вопросы относительно степени независимости их союзников. Отмечается, что им предоставлялась полная свобода в отношении выбора торговых партнеров. Так, Мальта, например, постоянно обращала свои взоры на Восток. А экономика сицилийских колоний, как нам кажется, была теснее связана с греческими городами острова, чем с Карфагеном. Сульчис развивает только ему при-

сущую иконографию на своих вотивных* стелах. Что касается городов, расположенных на побережьях пролива (Ликс, Кадикс), они, видимо, поддерживали более тесные связи с Востоком, чем с Карфагеном.

СИЦИЛИЯ, ПОЛЕ БИТВЫ

Но в то время как рах роена, то есть карфагенский мир, воцарился на большей части Западного Средиземноморья, бряцание оружием не стихало на Сицилии. И именно в этом направлении разворачивались военные усилия Карфагена после урегулирования «фокейского конфликта».

Можно напомнить, что в литературных источниках сообщалось о попытках греков обосноваться в Западной Сицилии. Так, житель Книда Пантатл в 580 году безуспешно пытался основать греческую колонию на мысе Лилибей. А несколько позднее выходец из Спарты Дорией после безрезультатных усилий, затраченных им в Триполитании (см. Владения Карфагена, гл. II), организовал к концу VI века колонию поблизости от горы Эрикс. Это поселение было вскоре разрушено карфагенянами, союзниками которых были элимы из Сегесты.

Начало V века было ознаменовано появлением влиятельных тиранов, стоящих во главе греческих городов на Сицилии. Гелон, тиран Гелы с 491/490 года, захватил власть в Сиракузах, где он и обосновался. Властелин большей части Восточной Сицилии с 485 года, он располагал мощной и хорошо вооруженной армией, многочисленным

* Votivus, посвященный богам (лат.).

флотом и достаточными средствами, чтобы вести длительные военные действия.

Его союзник Ферон был тираном в Агригенте, также процветающем городе, обладающим обширными землями. Стремясь к расширению своих территорий, он атаковал Терилла, тирана Гимеры и союзника Карфагена, которого он изгнал из своей вотчины. Карфаген, полагая с полным основанием, что аппетиты обоих властителей, Сиракуз и Агригента, угрожали его собственному присутствию на острове, воспользовался этой возможностью и вступил в войну.

Пунический город готовился в течение трех лет. Были построены 200 военных кораблей, 3 тысячи транспортных судов, 300 тысяч человек, ливийцев, иберийцев, корсиканцев, лигурийцев, галлов, входили в армию Гамилькара, сына (или внука, это не совсем ясно из источников) Магона, основателя династии Магонидов. Даже если можно заподозрить античные источники в некотором преувеличении, все равно создается впечатление, что карфагеняне решили воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы раз и навсегда покончить с сицилийской проблемой.

Сражение состоялось в 480 году у стен Гимеры. Ферон, осажденный карфагенянами, обратился за помощью к Гелону, который пришел во главе 55-тысячной армии, в которой пять тысяч были всадниками. По словам Геродота (VII, 166–167), битва длилась целый день. Оставив свою армию без руководства, Гамилькар, видимо, был поглощен исполнением ритуалов и принесением жертвоприношений своим божествам в ожидании от них хороших предзнаменований. Но, видя не-

минуемый разгром своих войск в результате наступления армий Гелона и Ферона, он бросился в костер. Диодор Сицилийский (XI, 22–25), объективность которого оставляет желать лучшего, сообщает, что в этот день были истреблены 150 тысяч солдат и что остатки этой замечательной армии были обращены в рабство. Только одному судну удалось спастись и вернуться в Карфаген с известием о сокрушительном поражении. И тогда пунический город предложил мирный договор, который был подписан и который дал ему возможность сохранить сицилийские владения, за что ему пришлось выложить денежное возмещение за причиненный в результате военных действий ущерб в размере 2 тысяч талантов серебром (то есть более 50 тонн!).

Историки не преминули объединить победу тиранов Сиракуз и Агригента с победой, одержанной в битве при Саламине. Например, Геродот (VII, 166) говорит: «К этому можно добавить следующее: в тот же день, когда Гелон и Ферон победили на Сицилии карфагенян под предводительством Гамилькара, греки в битве при Саламине разбили персов». Представляемая таким образом победа греков над варварами воспринималась как результат столкновения двух цивилизаций. На самом деле все было далеко не так. Тот же самый Геродот сообщает нам, что мать Гамилькара, главнокомандующего карфагенской армией, была родом из Сиракуз. И, кстати говоря, Карфаген вступил в войну против тиранов Сиракуз и Агригента, но никак не против греков. Его союзниками, кроме элимов, местного населения, были в этом случае два греческих города: Селинунт и Региум (Реджио).

Экономические и политические последствия этого поражения по-разному оценивались историками Карфагена. Для некоторых этот сокрушительный разгром означал перераспределение зон влияния и исход с острова, продлившийся около столетия. Что касается других, то они полагали, что речь идет об одном из сражений в длинной череде битв, в ходе которых произошло столкновение интересов двух сторон на Сицилии, и ему не следует придавать слишком большого значения. Но что действительно правда, так это то, что это поражение ознаменовало собой поворот в мировоззрении карфагенян. Оно вызвало интерес пунийцев к внутренней территории их страны. В экономическом плане историки в течение многих лет поддерживали идею оставления ими Карфагена, которую обосновывали тем, что в V веке здесь редко встречались захоронения. Повторное изучение керамических изделий и получение в результате археологических раскопок новых данных свидетельствуют о том, что все обстояло несколько иначе. Во-первых, поставки аттических и греческих товаров не прекратились, а во-вторых, продолжала идти своим чередом муниципальная деятельность в нижней части города.

Невмешательство карфагенян в дела сицилийцев продлилось около 70 лет. В конце V века Афины под предлогом защиты интересов Сегесты попытались развязать вооруженный конфликт на Сицилии против Сиракуз. Крах этой экспедиции позволил Селинунту расширить свои территории за счет Сегесты. Не имея больше сил сопротивляться, жители этого города обратились за помощью к Карфагену. Находясь под властью все

тех же Магонидов, пунический город не упустил возможности заявить о своих правах на Сицилию. И с этого момента начался долгий период наступлений и контрнаступлений, когда битвы между армиями греков и пунийцев разгорались то в одном конце острова, то в другом.

Ганнибал, внук Гамилькара, погибшего у стен Гимеры, быстро пришел на помощь Сегесте, которая была осаждена войсками Селинунта. Ради этого он даже высадился в 409 году в Мотии со своей армией, укрепленной войсками элимов. Разбив лагерь поблизости от Селинунта, он за девять дней взял ее приступом. Разграбленная и уничтоженная в пламени пожара, самая западная и самая открытая пуническому миру греческая колония на Сицилии (она дала приют Гискону, отцу Ганнибала, которого изгнали карфагеняне после разгрома армии его отца Гамилькара у стен Гимеры), она никогда больше не обретет прежнего блеска и великолепия. Перейдя окончательно под контроль Карфагена и будучи отчасти заселенной пунийцами, она просуществует до 250 года, когда Карфаген принял решение разобрать ее крепостные стены, а ее население депортировать в Лилибей. Впоследствии армия Ганнибала прошла по всей Сицилии, разбив лагерь возле Гимеры. После небольшого сопротивления город был взят и окончательно разрушен. Желая отомстить за смерть своего деда, погибшего возле стен этого города, Ганнибал, по словам Диодора Сицилийского (XIII, 61–62), велел перерезать горло трем тысячам пленников. Таким образом, после проведенной им трехмесячной военной кампании Ганнибал полностью выполнил поставленные перед собой цели: восстановить военный престиж

карфагенян на острове и изгнать греков. Однако на следующий год Гермократ, герой Сиракуз, опустошил западную оконечность острова, нанеся жителям Мотии и Палермо сокрушительное поражение, хотя впоследствии сложил свою голову, попав в западню, расставленную его же соплеменниками (Диодор Сицилийский. XIII, 63).

Через три года (407/406) карфагенская армия, еще более могущественная и величественная, чем армия 409 года, вернулась под руководством Ганнибала и Гимилькона, сына Ганнона, на Сицилию, разбив лагерь рядом с Агригентом. Защитники разрушили передвижные башни наступающих, которые раскопали агригентские захоронения, чтобы заполнить землей рвы и по образовавшимся террасам добраться до крепостных валов. Этот святотатственный акт вызвал эпидемию, опустошившую армию и стоившую жизни самому Ганнибалу. И тогда Гимилькон отдал приказ о прекращении разрушения гробниц и принес жертву богам. Диодор Сицилийский, являющийся нашим единственным источником, уточняет, что он даже принес в жертву Сатурну ребенка и погрузил в морскую пучину целую толпу людей, чтобы задобрить Нептуна. Однако почести, которые он воздал богам, не помешали ему продолжать осаду города. И через несколько месяцев, несмотря на прибытие в качестве подкрепления сиракузской армии, ему удалось взять город. Отдав его на разграбление и разрушив, он далее отправился в Гелу, которую он также взял в кольцо осады. Войска Сиракуз, возглавляемые теперь уже Дионисием Старшим, попытались разжать тиски блокады, но, несмотря на все их усилия, им не удалось потеснить пуническую ар-

мию. И тогда греки решили приступить к эвакуации города, и на следующий день его постигла та же участь, что и Агригент. В источниках не сообщается, дошел ли Гимилькон до Сиракуз, но совершенно очевидно, что эта военная кампания навела ужас на греков. Кроме того, по ее окончании господство Карфагена признали не только в финикийских колониях, но и в городах, вновь завоеванных Гимильконом.

Относительный мир, который впоследствии воцарился на Сицилии, позволил Дионисию Старшему, союзнику Мессины, расширить свою территорию за счет греческих городов восточного побережья острова и подготовиться к наступлению. В 398 году, полагая, что его армия уже хорошо вооружена и оснащена, и зная, что карфагеняне были ослаблены эпидемией, бушевавшей в Африке, он направился к Мотию во главе огромной армии при поддержке 200 военных кораблей и 500 транспортных судов, примкнувших к нему со стороны южного берега. Гимилькон прибыл с сотней трирем, но, увидев сиракузскую армаду, отказался от любых попыток вступить в сражение. Он вернулся в Африку, оставив жителей Мотию наедине с постигшей их трагической судьбой. После многих дней ожесточенных битв город пал и в 397 году оказался под властью тирана. Кроме разграбления и обращения в рабство населения, он приготовил жестокую пытку для греческих защитников Мотию, велев распять их на кресте (Диодор Сицилийский, XIV, 53, 4).

На следующий год Гимилькон высадился в Палермо во главе многочисленной армии. Он вновь взял под свой контроль западную часть Сицилии и направился северным побережьем к Сиракузам.

Скульптурное изображение Деметры. V в. до н. э.

По дороге он занял, а затем разрушил Мессину. Возле Катаны его флот потопил около сотни греческих кораблей. Армия Гимилькона, усиленная поступлением в нее огромного количества добровольцев из числа местного населения, взяла в кольцо осады Дионисия и его столицу. Но вместо того чтобы начать наступление, Гимилькон довольствовался тем, что опустошил пригородные сиракузские деревни. В один из таких набегов его армия разграбила находящийся за пределами города храм Деметры и Кору, и, если верить древним авторам, этот святотатственный акт причи-

нил много несчастий пунической армии. В более прозаическом смысле Гимилькон совершил большую ошибку, разбив лагерь в очень нездоровом месте, где с наступлением летней жары началась эпидемия. Дионисий, воспользовавшись ослаблением вражеской армии, решил предпринять контрнаступление одновременно со стороны суши и моря. И все это имело самые плачевные последствия для карфагенского флота. Находясь в подавленном состоянии, Гимилькон больше не помышлял о том, чтобы взять реванш. Заключив тайное соглашение с Дионисием, он смог вернуться в Африку, уплатив 300 талантов серебром (около 7,8 тонны), оставив свою армию тирану Сиракуз. Диодор Сицилийский сообщает нам, что, вернувшись к себе, он покончил жизнь самоубийством (XIV, 54—76). Его смерть ознаменовала собой конец династии Магонидов, правившей в Карфагене на протяжении полутора веков. Впоследствии в Карфагене, пытаясь заслужить прощение великих сицилийских божеств после их кощунственного поругания армиями Гимилькона, с большой pompой установили культ Деметры и Коры.

Военные действия возобновились в 393 году под руководством карфагенского предводителя Магона, который опустошил территорию Мессины, после чего его армия была разбита войсками Дионисия. На следующий год он вновь собрал большую армию и направился в страну сикулов, где его уже поджидал Дионисий, союзник тирана Агирона, местного города. Но столкновения между ними так и не произошло. Действующие стороны подписали мирный договор, который был расторгнут только в 383 году. В этот год Дионисий снова атаковал запад Сицилии. Карфаген

и в этот раз набрал армию, главнокомандующим в которой был все тот же Магон. После первого сражения, стоившего жизни карфагенскому полководцу, пуническая армия перешла под командование его сына, которому удалось нанести поражение Дионисию, потерявшему в бою своего брата Лептимия. Все закончилось тем, что обе армии подписали перемирие, которое в целом не отличалось от предыдущих мирных договоров (Диодор Сицилийский, XV. 15–17).

В 367 году Дионисий возобновил военные действия. Он опустошил территорию, подчиненную пунийцам, и разбил лагерь возле Лилибея. Но сопротивление укрепленного города и высадка карфагенской армии вынудили его заключить временное перемирие. И оно было последним в жизни Дионисия. После 40 лет ожесточенной борьбы со своими заклятыми врагами тиран умер весной этого же года в Сиракузах. Его сын, Дионисий-младший, не решился возобновлять военные действия против карфагенян, которые, со своей стороны, не имели намерений, как нам кажется, нападать на него.

И только с наступлением в Сиракузах периода смут и борьбы за власть возобновились военные действия. В 346 году, после того как он был отстранен от власти, Дионисий-младший захватил Сиракузы. И тогда его личные враги обратились к Коринфу, метрополии Сиракуз. Коринф послала одного из своих именитых граждан Тимолеона. Став главой города, несмотря на бесплодные попытки карфагенян помешать этому, он принялся проводить политику своих знаменитых предшественников и направил войска, состоявшие из наемников, на территорию пунийцев. Карфаген

выставил свою армию, и противники встретились в 342 году на берегу Кримиса, возле Сегесты. Воспользовавшись переходом войск Карфагена через реку, Тимoleon бросился в атаку и нанес пунийцам жестокое поражение. Этот новый разгром вынудил старейшин Карфагена вызвать из ссылки Гискона, сына Ганнона. Гискон восстановил карфагенян в их правах на остров и заключил мир с Тимолеоном, что произошло, вероятно, в 329 году. Вслед за заключением соглашения последовал относительно долгий мирный период, который закончился только лишь в 316 году, когда Агафокл, если верить Юстиниану (XXII, 2, 5, 6), захватил власть в Сиракузах с помощью, кстати говоря, одного из карфагенян.

ГРЕЧЕСКАЯ УГРОЗА

Едва обустроившись, этот амбициозный горшечник, выходец из города Термы Гиморские, расположенного на территории, подвластной пунийцам, пошел сначала войной на сикулов, потом на греческие города и, наконец, направил свои войска против карфагенян. Тем, отреагировавшим молниеносно и жестоко, удалось после битвы при Экноме в 311 году, заключить Агафокла в Сиракузах, подвергнув город блокаде со стороны моря. Лишившись союзников и симпатии населения города, будь то греки либо аборигены, тиран Сиракуз принял весьма смелое для себя решение развязать в 310 году войну в Африке (впоследствии этот его шаг будет повторен римлянином Регулом). Разместив на 60 кораблях более 14 тысяч человек (среди которых были этрусские, самнитские и галльские наемники),

он воспользовался суматохой, царившей в порту из-за прибытия продовольственного обоза, и незаметно отчалил. Он высадился в Латомиях, каменоломнях Эль Хауария, расположенных на тунисском мысе Бон. Протащив корабли по суше, он объявил общий сбор и доверительно сообщил своим солдатам, что во время перехода по морю он дал зарок Деметре и Коре, великим сицилийским богиням, принести в жертву им свои корабли. Подкрепляя слова делами, он сжег корабли, отрезав, таким образом, все пути к отступлению для своей армии (Диодор Сицилийский, XX, 7). К слову сказать, средневековые арабские хроникеры сообщают, что в 711 году нашей эры Тарик ибн Зияд, командующий мусульманскими войсками, брошенными на завоевание Испании визиготов, воспользовался тем же хитрым приемом.

Впоследствии Агафокл направился к Карфагену, взяв приступом город, который Диодор Сицилийский называет сначала Мегалополисом, а затем Тунисом или Белым городом. Карфагеняне, придя в ужас от этой внезапной угрозы, возникшей у их стен, быстро собрали армию и вышли, чтобы встретить лицом к лицу врага. Несмотря на их внушительную численность (которую Диодор Сицилийский, видимо, преувеличивает), они были наголову разбиты. Пунийцы, как нам сообщает все тот же Диодор Сицилийский (XX, 14), полагали, что их поражение было обусловлено тем, что они с недостаточным почтением относились к своим богам. И тогда они послали дары в храм Милькарта в Тир и восстановили обычай принесения в жертву богу Кроносу детей из знатнейших семей (см. Тофет и Молох, гл. VI). Что касается Агафокла, то, оставив гарнизон в Тунисе,

он разгромил обитателей мыса Бон и Бизацену. Он также захватил Неаполис (Набёль) и Хадрумет (Сус). Но после того как карфагеняне вновь овладели Тунисом, ему пришлось вернуться и разбить лагерь поблизости от города. Тирану Сиракуз все сложнее становилось сдерживать осаду, его армия быстро теряла силы. Не хватало средств для оплаты солдат, и за неимением денег и людских ресурсов он не мог обеспечить свои войска свежими силами. И тогда он подумал о македонце Офеле, который контролировал греческие колонии в Киренаике. Лелея в связи с ним надежду на завоевание господства в Африке, Агафокл сумел вызвать Офелу с большой армией к себе, но усыпив его бдительность, он убил македонца и возглавил его армию.

Располагая сильной, почти вдвое увеличенной армией, Агафокл решил напасть на северную территорию современного Туниса. Он захватил храбро сопротивлявшуюся Утику, затем Иппу Акру (современную Бизерту, которая в римскую эпоху будет называться Гиппон Диарритус) и завладел, таким образом, большей частью побережья. Закрепив свое положение в Тунисе, он построил корабли и во главе двухтысячного войска отправился в направлении Сицилии, оставив свою армию на попечении своего сына Архагата.

Но Карфаген готовился к контрнаступлению. Сформировав три армии, сенат отправил первую на побережье, вторую — вглубь территории, а третью — на север. Победы, одержанные двумя последними армиями, вынудили Агафокла вернуться в Тунис с остатками своего войска. В ответ на призыв своего сына Агафокл прибыл в Тунис, где он нашел изголодавшихся и деморализованных

солдат. Пытаясь поднять боевой дух и смирить их требования, он решил атаковать ближайший карфагенский лагерь. Но осторожные пунийцы отошли на высоты, откуда без труда перебили большую часть наступающих. Покинутый ливийцами и ослабленный, Агафокл решил вернуться на Сицилию, оставив армию на попечении собственный детей. После четырех лет, проведенных им в Африке в бесконечных сражениях, он в 307 году тайно сел на корабль и отправился в Сиракузы. Здесь вплоть до своей кончины в 289 году он больше не помышлял о том, чтобы прибрать к рукам владения карфагенян.

Смерть Агафокла открыла период междоусобных войн в Сиракузах. Карфаген воспользовался подходящим моментом, чтобы распространить свое господство на Липари. Карфагеняне также принимали участие в политических делах Сиракуз и, заключив союзное соглашение с мамертинцами, наемниками из Кампании, проживающими в Мессине, они уже были в двух шагах от того, чтобы контролировать весь остров в целом. Но Пирр, царь Эпира, призванный сначала в Италию жителями Тарента, высадился в Сиракузах в 278 году. Объединив под своими знаменами греческие города на Сицилии, он занял территорию мамертинцев, то есть почти полностью захватил владения пунийцев. Карфаген начал искать пути для переговоров, предлагая ему взамен Лилибей.

Несгибаемый воин отказался и заключил в кольцо осады этот город, но безуспешно. И тогда он вернулся в Сиракузы и начал приготовления, целью которых была военная экспедиция в Африку. Но его авторитарность по отношению к союзникам, с одной стороны, и воззвания о помо-

щи, доносившиеся к нему из Италии, о возобновлении борьбы с римлянами — с другой, заставили его изменить планы. Он ступил на континент в 276 году, нанеся до этого поражение пришедшей из Африки пунической армии.

РИМ НА СИЦИЛИИ

Избавившись от угрозы со стороны Пирра, Карфаген вновь занял большую часть Сицилии. Но длилось это недолго. Рим, которому удалось изгнать Пирра и стать полновластным хозяином «сапога», начал изыскивать способы, чтобы заявить о своих правах на Сицилию. И такой случай представился. В 264 году мамертинцы, осадившие Мессину, не желая больше мириться с присутствием карфагенского гарнизона, захватили в плен его командира, некоего Ганнона, которому они пообещали свободу при условии, что он эвакуирует солдат цитадели, что он и сделал. Сенат Карфагена, которого не устраивал подобный поворот событий, приговорил к распятию на кресте несчастного командира и послал армию для захвата города. И тогда мамертинцы обратились к римлянам. Легионерам Рима удалось пересечь Мессинский пролив, несмотря на превосходство Карфагена на море. Это явилось началом Первой пунической войны. Высадившись на острове, римляне освободили Мессину и заключили мирный договор с Гиероном Сиракузским. Впоследствии они захватили и разграбили Агригент, стойко обороняемый карфагенской армией. Первые успехи, обеспечившие им присутствие на острове, на которые они даже не могли рассчитывать, окрылили римлян. Отдавая себе отчет в

превосходстве карфагенян на море, они внесли улучшения в тактику атаки, доведя до совершенства изобретенное ими техническое новшество (так называемый ворон), позволявшее им трансформировать морские битвы в сражения на суше. И именно оно дало возможность в 260 году консулу Г. Дуилию одержать первую победу римлян на море у южного побережья Сицилии. Поверив в свои силы, римляне начали военные действия сначала на Корсике, а затем и на Сардинии, хотя им так и не удалось захватить их.

Надеясь повторить «подвиги» Агафокла, Рим решил развязать войну в Африке. По словам Полибия (I, 29—36), на правивших в 256 году консулов Л. Манлия Вулсона и М. Атилия Регула было возложено командование армией численностью в 40 тысяч человек. Погрузившись на 330 кораблей возле мыса Экном, на востоке от Агригента, войска вышли в море, но путь им преградил карфагенский флот, который римляне разбили. Эта победа открыла им дорогу к Африке. Продвигаясь по следам Агафокла, римские консулы решили не высаживаться в Карфагене и избрали Аспис (на латыни Клупеа, которая впоследствии станет Келибией) для того, чтобы развернуть здесь операционную базу в Африке. Но поскольку население города, расположенного на мысе Бон, отказалось их принять, город был взят приступом. Опустошая эту территорию, консулы захватили большое количество военных трофеев, которые Л. Манлий вызвался сопроводить в Рим, оставив Регула в Африке. И тогда карфагеняне обязали двух генералов организовать их защиту, но им так и не удалось помешать Риму грабить их территорию. Римляне, как и их

сиракузский предшественник, засели в Тунисе в ожидании предложения о мире со стороны карфагенян. А в самом Карфагене было принято решение послать в Грецию вербовщиков, которым удалось привести несколько тысяч наемников, а также одного весьма сведущего в военных делах спартанского «кондотьера» Ксантиппу. Он сразу же приступил к обучению войск и в результате собрал армию из 12 тысяч пехотинцев, 4 тысяч всадников и 100 слонов, которая двинулась на встречу захватчику и нанесла сокрушительное поражение римским войскам. И только одному корпусу, насчитывающему около 2 тысяч человек, удалось укрыться в Асписе. Консул и 500 его солдат были взяты в плен. Карфаген щедро вознаграждал Ксантиппу, который поспешил вернуться домой. Однако в некоторых враждебных по отношению к Карфагену источниках сообщается, что пунийцы, после того как заплатили спартанцу, пытались якобы его убить, чтобы помешать ему бахвалиться тем, что он спас их город. Что касается Регула, то в нашем главном источнике — литературном наследии Полибия — о нем больше не говорится ни слова после его пленения. Вполне возможно, как полагает С. Лансель, что он закончил свои дни в карфагенских застенках (где с ним плохо обращались и подвергали пыткам). В других источниках сообщается, что в 251—250 годах Карфаген послал в Рим делегацию в целях проведения переговоров об обмене пленными и заключения мирного договора, куда входил и упомянутый консул. Регул, который дал обещание вернуться в Карфаген в случае провала переговоров, начал подстрекать своих сограждан к продолжению войны. Верный своему слову, он тем не

менее вернулся в Карфаген, где умер в страшных мучениях. Диодор Сицилийский (XXIV, 12) говорит, что жена Регула и его сыновья вымещали на двух находившихся под их охраной пленниках всю свою ненависть за гибель мужа и отца и что только благодаря вмешательству трибунов одному из них удалось спасти жизнь.

На Сицилии римлянам удалось захватить и закрепиться в Палермо в 254 году, несмотря на контратаки карфагенян. Рим медленно, но верно устанавливал свое господство на Сицилии. И только Лилибей и Дрепана (Трапани) продолжали оказывать сопротивление. Многочисленная римская армия осадила Карфаген. Но ловкость и хитрость Гимилькона, командующего местным гарнизоном, не давали римлянам возможности взять город. Разуверившись в том, что они смогут его захватить, римляне организовали длительную блокаду. То же самое произошло и с Дрепаной, оказавшей в 249 году сопротивление войскам под командованием Клавдия Пульхера. Удерживая эти два плацдарма, небольшая армия под руководством Гамилькара Барки, молодого командующего, незадолго до этого присланного на Сицилию, заняла плато Эрикс и неотступно преследовала римскую армию.

Весной 241 года в открытом море возле Эгадских островов произошла решающая битва. Рим выслал многочисленную флотилию, чтобы еще сильнее сжать кольцо блокады вокруг двух пунических городов. Карфаген, со своей стороны, также снарядил мощную флотилию, доверив командование ею некоему Ганнону. В заботах о поисках пропитания для осажденных и управляемая не имеющими опыта в морских сражениях моряка-

ми, флотилия вскоре была разбита, а сам Ганнон заплатил смертью на кресте за свое поражение. Не имея возможности на месте пополнить свои войска свежими силами и испытывая затруднения с продовольствием, Карфаген вынужден был отступить и окончательно сдал Сицилию. Обязанность проведения переговоров с консулом Лутацием Катулом была возложена на Гамилькара Барку. Путем уплаты скромного выкупа он добился для своих солдат, а также для воинов, оборонявших Лилибей, разрешения уйти свободными людьми с почестями и при оружии. Карфаген должен был уплатить Риму возмещение за нанесенный ущерб в результате военных действий в размере 2200 талантов серебром (около 57 тонн) с рассрочкой на десять лет и отказаться от всех своих претензий на Сицилию и Эоловы острова (Полибий, I, 63). Как отметил С. Лансель, Карфаген, проиграв Первую Пуническую войну, потерял гораздо больше, чем один из забытых богом уголков Сицилии: это была первая брешь в поясе, защищавшем пунический город. После Сицилии наступила очередь Сардинии, а через несколько лет и Мальты (218 год).

АФРИКАНСКИЙ КАРФАГЕН

Интерес Карфагена к своей «глубинке» зародился, как нам кажется, после поражения при Гимере в 480 году. Именно в этот период карфагенянам, по всей вероятности, удалось освободиться от уплаты ренты ливийцам, предоставившим им часть своей территории. Кроме земель, Карфаген распоряжался и местным населением, из которого он вербовал солдат для своих войск. Благода-

ря плодородию аннексированных территорий (см. Владения Карфагена, гл. II), Карфаген скоро стал могущественной сельскохозяйственной державой, исключавшей любые бунты на своих землях. Но отношение карфагенян к ливийцам как к людям второго сорта нанесло ощутимый ущерб их репутации. И пунийцы, в противоположность ситуации, сложившейся с римлянами во время военной кампании Ганнибала, располагавшего верными союзниками в Италии, никогда не могли рассчитывать на поддержку африканцев. Об этом свидетельствует та быстрота, с которой они отвернулись от пунийцев, когда серьезный враг оказался на пороге их дома (Агафокл, а затем Регул). А прибытие в большом количестве сицилийских ветеранов предоставило ливийцам еще одну возможность попытаться сбросить иго Карфагена.

Благодаря роману Г. Флобера война с войсками наемников является одним из самых известных эпизодов всей внутренней истории Карфагена. В соответствии с договором от 241 года Карфаген должен был приступить к репатриации своей армии, состоявшей приблизительно из 20 тысяч человек, по большей части наемников, рекрутированных в странах Средиземноморья (иберийцев, балеарцев, галлов, греков, ливийцев и т.д.). Гискон, ведущий переговоры о выводе карфагенских войск с Сицилии, благоразумно решил распределить их отправление во времени, чтобы избежать слишком большого скопления вооруженных людей у ворот города. Но, как сообщает Полибий, он просчитался и не учел некомпетентность и скупость членов карфагенского Сената (Совета старейшин). Эти последние, вместо того

чтобы заплатить наемникам и по мере возможности отправлять их по домам, предпочли выплатить им общую сумму, что не таким тяжким бременем ложилось на государственную казну.

Разместив сначала лагерь наемников у ворот Карфагена, Сенат впоследствии решил переправить доставляющую много неудобств многочисленную армию наемников в Сикку Венерию (современный Кеф в Тунисе). Все закончилось тем, что Сенат обязал Ганнона, военного губернатора пунических владений в Африке, провести переговоры об оплате меньшей суммы, чем было согласовано ранее. Но наемные солдаты, готовые принести свои жизни за дело Карфагена, сочли, что их предали. Осознавая свое численное превосходство, они двинулись на Карфаген. Их поход не мог не испугать членов Сената, которые поспешили заплатить наемникам. Но было уже поздно. Восставшие, разбившие свой лагерь в Тунисе, поставили новые условия. И тогда Карфаген направил Гискона в их лагерь, надеясь, что ему удастся закончить дело миром. Но Спендий, амбициозный уроженец Кампании, имевший, помимо храбрости и физической силы, чутье стратега и хорошо подвешенный язык, убедил Мато, командира ливийцев, что им вполне по силам атаковать Карфаген. Установив контроль над лагерем, они захватили в плен Гискона и его свиту. Они также обратились с воззванием к местным жителям, которые, не раздумывая, примкнули к восставшим, поскольку давно стремились избавиться от налогового бремени, возложенного на них Карфагеном, и предоставили наемникам продовольствие и пополнение свежими силами.

Если верить Полибию (I, 73, 3), армия восставших численностью 90 тысяч человек была поделена на три группы. Две первые направились в современную Бизерту (Гиппу Акра / Гиппон Диарритус) и Утику. Третий отряд встал лагерем в Тунисе, отрезав, таким образом, столицу от ее внутренних областей. После первой попытки Ганнона освободить Утику карфагенский Сенат поручил Гамилькару Барке подавить восстание, принимавшее масштабы гражданской войны. Собрав разношерстную армию численностью 10 тысяч человек (из наемников, перебежчиков и граждан), он пошел на Утику. Застав врага врасплох, он перебил несколько тысяч солдат и снял блокаду с города. Альянс с нумидийским командиром Нар Гавасом и его всадниками позволил ему нанести и другие поражения восставшим. Гамилькар благоразумно пощадил пленных, предложив им либо присоединиться к его армии, либо покинуть африканскую землю в обмен на обещание никогда больше не сражаться против Карфагена. Но вдохновители восстания, разгадав замысел Баркида (то есть представителя клана Барка. — *Примеч. пер.*), превратили мятеж в неминуемую войну: по инициативе вождя галлов Автарита они решили уничтожить Гискона и его свиту, которые все еще находились в их руках, испытывая страшные мучения. Те из восставших, которые принимали участие в их убийстве, были поставлены перед необходимостью и в дальнейшем принимать участие в мятеже. В Карфагене убийство Гискона вынудило Совет старейшин обратиться к Ганнону и Гамилькару с просьбой координировать их совместные усилия для окончательного подавления бунта. Но суще-

ствующие между ними разногласия не могли привести к положительному результату, и тогда Совет предоставил армии право выбора командующего. Им стал Гамилькар.

Ему удалось в 238 году, то есть через три года после начала войны, загнать большую часть восставших в ущелье, которое Полибий (I, 85, 7) называл «Пилой» в силу своего сходства с этим инструментом, а Флобер — «ущельем Топора». Изголодавшиеся и истощенные, окруженные слонами Гамилькара, наемники были перебиты, а их вожди, в частности Спендий, распяты перед крепостными стенами Карфагена. Матон, руководивший осадой Карфагена, был впоследствии схвачен и подвергся очень жестокому наказанию, сравнимому с теми муками, на которые он когда-то обрек пленных, и с тем ужасом, который он наводил на жителей Карфагена. Разгром восстания вынудил оставшееся африканское население склонить головы перед победителями.

Но даже если эта победа позволила Карфагену укрепиться в Африке, усилия, затраченные им в этой войне, обескровили его и лишили возможности вести военные действия на заморских территориях. В 238—237 годах, после подавления бунта, наемники, вернувшиеся на Сардинию, были оттуда изгнаны местными племенами. Они вынуждены были искать убежища в Италии и попросили помощи у Рима, который не преминул воспользоваться сложившимися обстоятельствами и выслал экспедиционный корпус с Титом Семпронием во главе. Он и завладел островом, а также аннексировал Корсику. Карфаген, силы которого после войн на Сицилии и с наемниками были на исходе, не мог противостоять

Риму. И ему даже пришлось заплатить римлянам возмещение в размере 1200 талантов серебром (31 тонну).

ОТХОД НА ИБЕРИЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ*

Карфаген, территория которого оказалась уменьшенной до размеров африканских владений, вполне мог утратить свое значение торговой морской державы. И, по всей вероятности, именно в этот период его стратеги, в частности Гамилькар Барка, обратили свои взоры в сторону Иберийского полуострова, остававшегося долгое время в стороне от их интересов и находившегося под контролем древних финикийских колоний, подчиненных, по крайней мере с моральной точки зрения, старейшему поселению Гадиру (современный Кадикс).

Сосредоточение в этом регионе большого количества полезных ископаемых должно было помочь Карфагену восстановить финансовое положение и могущество, пошатнувшееся вследствие долгих лет войн на Сицилии и в Африке. Полуостров давал еще одно преимущество — он далеко отстоял от Рима.

У историков нет единой точки зрения относительно значения и конечных целей этой операции. И возникает вопрос, чем же была она обусловлена: была ли она столь привычной для карфагенян кампанией, проведенной с попустительства правительства, или скорее это был результат хорошо продуманного правительственного решения, ис-

* Древнее название Пиренейского полуострова.

полнение которого было поручено одному клану, а именно семейству Гамилькара Барки. Но не вызывает сомнения тот факт, что между высадкой Гамилькара Барки в Кадиксе в 237 году и захватом Карфагена в 209 году Сципионом, будущим Сципионом Африканским, прошло 28 лет, в течение которых Баркиды сформировали государство, чеканящее монеты, государственный механизм которого весьма отличался от организации метрополии, а его политическая система больше напоминала монархическую, чем республиканскую.

Проведение этой операции было доверено Гамилькару Барке. Его сопровождали его зять Гасдрубал и юный Ганнибал, которому в то время было всего лишь девять лет. Если верить Титу Ливию (XXI, 1, 4), то незадолго до того, как его армия вошла в Испанию, Гамилькар якобы заставил торжественно поклясться своего сына, что среди его друзей никогда не будет римлян. После высадки в Кадиксе Гамилькар в 231 году основал Акру Левке (вполне вероятно, что это современный Аликанте). Выбор местоположения столицы на испанском востоке, удаленном от финикийских колоний в Андалузии, свидетельствует о том, что речь шла не о захвате прежних финикийских колоний, но о мероприятии иного рода.

Прибегнув к практике заключения союзов и вербовки наемников и целых гарнизонов, что давало возможность защищать сторонников пунийцев от набегов кельтиберов, Баркиды сумели создать жизнеспособную «вотчину». Согласно преданию, Гамилькар погиб в 229 году, утонув при переправе через реку Юкар во время отступления в ходе военных действий с кельтиберами. Его дети Ганнибал и Гасдрубал-младший были еще

очень малы и не могли ему наследовать. Армия выбрала командующим его зятя Гасдрубала. Он продолжил дело своего тестя, укрепляя карфагенские владения и женившись во втором браке на иберийской принцессе. Впоследствии Ганнибал последовал его примеру, взяв в жену местную девушку, уроженку Кастуло, небольшого местечка в высокогорьях Андалузии, где велись разработки полезных ископаемых (Силий Италик, III, 66, 97–107; IV, 774–807). Но самым впечатляющим свидетельством карфагенского возрождения на иберийской земле, бесспорно, является строительство Нового Карфагена (речь идет о том Карфагене, который римляне, в отличие от африканского города, назвали Carthago Nova). Город, основанный около 228 года, то есть немногим более чем через год после гибели Гамилькара, был расположен в идеальном месте и считался неприступным. Он и в наши дни является лучшим средиземноморским портом Испании. Благодаря тому, что в глубине его территорий сосредоточены залежи полезных ископаемых, город располагал значительными богатствами. Молодой Сципион Африканский, который восстановил свою репутацию взятием в 209 году Нового Карфагена, обнаружил здесь 18 300 ливров серебра, о чем нам поведал Полибий (X, 17, 9 и 19, 1–2). Посетив в 133 году город, он описал величественный дворец, построенный Гасдрубалом, а также корабельные верфи и арсеналы. К сожалению, до нас дошло мало материальных свидетельств существования этого пунического города, за исключением золотых, серебряных и бронзовых монет, когда-то чеканившихся в местной мастерской.

Убийство Гасдрубала в 222 году одним из представителей коренного населения (кельтибером) и приход к власти Ганнибала Барки ознаменовали собой переход к новому этапу: после фазы консолидации наступил период возврата к политике наступления Карфагена на Рим.

ГАННИБАЛ, ИЛИ РЕВАНШ БАРКИДОВ

Будучи изгнанными с юга Италии, карфагеняне вернулись туда с севера. После Александра Великого ни один из стратегов не осмелился предпринять такую широкомасштабную операцию. Отправившись с Иберийского полуострова, Ганнибал со своей армией пересек множество рек и гор, чтобы достичь оконечности итальянского «сапога».

Поход Ганнибала (см. карту маршрута Ганнибала) начался не позднее мая 218 года, когда в возрасте 25 лет или немногим менее он покинул иберийский Карфаген во главе своих войск (90 тысяч пехотинцев, 12 тысяч всадников и несколько дюжин слонов), доверив руководство городом своему брату Гасдрубалу-младшему. Его первым пунктом был Сагунт, иберийское поселение, расположенное на юге от реки Эбро, которое годом ранее заключило с римлянами союз. Осада, которой он подверг Сагунт, послужила поводом к войне для Рима, пославшего посольство в Карфаген с объявлением о начале военных действий. Так началась Вторая пуническая война.

На севере от Эбро Ганнибалу пришлось отражать атаки кельтиберского населения Каталонии. Но, несмотря на это, его взоры, с конца

лета 218 года простирались к Роне. Как предположил С. Лансель, он, чтобы избежать первых столкновений с двумя римскими легионами под командованием П. Корнелия Сципиона, отца будущего Сципиона Африканского, высадившимися в Марселе (Массании), перешел реку, по всей вероятности, недалеко от Оранжа. С недоверием относясь к лигурийцам и предвидя возможные атаки римлян со стороны моря, он, перед тем как пересечь Альпы, шел вдоль левого берега реки на север. Если верить древним авторам, в частности Полибию, ему пришлось заплатить высокую цену, положив немало человеческих жизней за быстрый переход через Альпы. На подходе к Турину карфагенская армия насчитывала 20 тысяч человек пехоты и 6 тысяч всадников. Но Ганнибал вполне мог рассчитывать на присоединение к его армии цизальпинских галлов, чрезвычайно враждебно настроенных по отношению к Риму.

Первое столкновение между двумя армиями, пунической и римской, не заставило себя ждать. П. Корнелий Сципион, упустив Ганнибала в Трансальпийской Галлии, направился ему навстречу к Тессину, расположенному поблизости от Новары. Это была первая победа пунического полководца на итальянской земле, за которой последовали и другие. Отдавая себе отчет в том, что единственный способ подчинить себе Рим — это изолировать его от его же союзников, Ганнибал предоставлял последним льготы и послабления, когда они попадали к нему в руки. Он отсылал их по домам, не требуя выкупа и напоминая, что он прибыл в Италию, чтобы освободить их от римского ига. В конце 218 года второй консул Т. Семпроний Лонг испытал на собственной шкуре так-

*Квинт Фабий Максим в Сенате Карфагена.
Художник Дж.-Б. Тьеполо*

тику пунического предводителя, попав в ловушку недалеко от реки Требии, в Эмилии, где он потерял 20 тысяч человек.

После этой первой победы пуническая армия столкнулась зимой с враждебным и холодным климатом Северной Италии. И хотя войска были укреплены поступлением в них нескольких тысяч галлов, много иберийских и африканских солдат погибло. На животных также отразились холод и влажность. Кроме гибели большого числа мулов и лошадей, пали также почти все слоны, а сам Ганнибал лишился глаза на заболоченных берегах Арно.

С наступлением лета 217 года столкновения возобновились. Разграбляя тосканские деревни, чтобы вызвать на бой римскую армию под командованием консула Фламиния, Ганнибал схватил его на выходе из ущелья возле Тразименского озера. Тит Ливий (XXI, 6) сообщает, что всего лишь через три часа после начала сражения римская армия потеряла своего командира и 15 тысяч человек, тогда как пунийцы потеряли всего лишь 2500 человек. И в то время как Рим пребывал в страхе возможной осады, Ганнибал отвел свои войска и встал лагерем в Пицене, на побережье Адриатического моря. Долгое время историки задавались вопросом: по какой причине Ганнибал не пошел сразу на Рим? Но, как мы уже говорили, понесенные потери и некоторые специфические особенности его армии не давали возможности заключить в кольцо осады город, подобный Риму. И Ганнибал, отдавая себе в этом отчет, принял решение сплотить сначала вокруг себя коренных жителей Италии, представ перед ними как их освободитель и защитник от посягательств римлян.

После короткого периода пребывания в Кампании пуническая армия провела зиму в Апулии (217–216 годы). А в это время в Риме с появлением на политической арене Фабия Максима, прозванного Кунктатором, то есть «Медлительным», возрождалась надежда. Избранный диктатором, он придерживался тактики постепенного истощения пунийцев. В Испании, благодаря поддержке Марселя с тыла, был разбит и захвачен в плен пунический командующий Ханнон, который контролировал Каталонию. Римской армии удалось даже дойти до Сагунта, разбив здесь лагерь и от-

резав, таким образом, Ганнибала от его базы. А в самой Италии вновь избранные консулы объявили широкомасштабную мобилизацию.

Были сформированы восемь легионов, готовые в любой момент «разобраться» с пунийцами.

Что же касается армии Ганнибала, то в начале лета 216 года она снялась с места и двинулась, направившись к Пуьи. Провоцируя соперника, Ганнибал захватил крепость Канны, расположенную на реке Офанто, на севере от современного города Барлетта. И именно в этом месте 2 августа 216 года произошла одна из самых знаменитых в истории битв. Противостоя вдвое большей армии (90 тысяч пехотинцев и 6 тысяч всадников), лишившись слонов, Ганнибал нанес римлянам сокрушительное поражение. Более 70 тысяч римских солдат сложили здесь свои головы. Среди них был один из двух консулов текущего года Павел Эмилий, а также оба консула, избранных в предыдущем году (см. Армия, гл. III).

По свидетельству Тита Ливия (XXII, 51, 2), по окончании битвы Махарбал, командир пунической кавалерии, якобы сказал генералу пунийцев, все еще не помышлявшему об осаде Рима: «*Vincere scis, Hannibal, Victoria uti nescis*» («Ты умеешь побеждать, Ганнибал, но ты не умеешь пользоваться плодами твоей победы»). Несмотря на блестяще проведенную военную операцию, Ганнибал не отказался от ранее намеченной им цели: изолировать Рим от его союзников, чтобы, ослабив его, возобновить переговоры по мирным договорам 241 и 226 годов на выгодных для Карфагена условиях. Впрочем, после победы на Тразименском озере его армия в военном плане не претерпела

никаких качественных улучшений: она оставалась неприспособленной к позиционной войне.

И поэтому Ганнибал понимал, что его победа может принести ему плоды только на дипломатическом поприще. Он заключил соглашения с народами, населяющими юг итальянского «сапога»: апулиями, бруттами, луканцами и самнитами. Его внимание было сосредоточено главным образом на Капуе, жители которой оказали радужный прием пунической армии, и в этой связи уместно вспомнить Тита Ливия и его знаменитое описание «капуанской неги» (XXIII, 18, 10–15). Видимо, Ганнибал рассчитывал превратить этот город в столицу южно-италийской федерации типа карфагенского протектората, целью которого было бы блокирование продвижения римлян к югу. За пределами Италии Ганнибал заключил пакт с Филиппом V Македонским, который не имел продолжения (см. Дипломатия и международные отношения, гл. III). На Сицилию после смерти тирана Сиракуз Гиерона Ганнибал командировал своих эмиссаров, подписав соглашение, согласно которому часть острова должна была отойти Сиракузам.

Но, к несчастью для знаменитого карфагенянина, все эти усилия не могли свести на нет римскую оппозицию, сила которой заключалась в необычайной способности быстро приводить в боевую готовность свои вооруженные силы. И сиракузяне, проживавшие на Сицилии и находившиеся с конца 215 года в состоянии войны с римлянами, никак не могли ни добиться преимущества, ни снять блокаду, в которой римляне держали город, и это несмотря на поддержку со стороны Карфагена и использование военных

машин, разработанных Архимедом. В 212 году, по истечении трех лет осады, город пал, а гениальный греческий ученый погиб от меча римского солдата. В Италии захват Тарента дал Ганнибалу возможность основать здесь порт, хотя это так и не помогло ему вновь обрести господство на море. Мало-помалу с падением в 211 году Капуи и взятием в 209 году Тарента Риму удалось остановить продвижение гениального Баркида, ограничив его границами Калабрии.

Одновременно с этим римляне взяли на вооружение политику Ганнибала, начав военные действия в самом центре державы Баркидов, в Карфагене. В 209 году Публий Корнелий Сципион высадился в Испании там, где двумя годами ранее его отец и дядя были убиты солдатами Гасдрубала-младшего. Имея 25 лет от роду, он уже участвовал в сражениях с войсками Ганнибала в Италии и в силу этого приобрел некоторый опыт и понимание тактики ведения войны Баркидами. Ему удалось захватить Карфаген, практически не встретив сопротивления, что дало ему возможность сконцентрировать здесь большое количество военных машин и кораблей и укрепить материально-техническую базу. Весной 208 года, поднимаясь по долине Гвадалквивира к золотым и серебряным рудникам, разработка которых велась Баркидами, он встретился с Гасдрубалом, одержавшим победу над его родными на востоке Кордовы. Он чуть было не разгромил его войска, но Гасдрубалу удалось вырваться и продолжить путь в Италию, на помощь своему брату. Повторяя маршрут Ганнибала и стремясь избежать столкновения с римскими войсками, стоявшими в Каталонии, он сначала пересек Пиренеи со сто-

роны басков, а затем и Альпы. Риму, обеспокоенному возможностью воссоединения двух армий, удалось перехватить гонца с донесением, посланного Гасдрубалом, в котором он назначал Ганнибалу свидание в Умбрии. В то время как один из консулов, К. Клавдий Нерон, удерживал Ганнибала в Бруттии, второй, М. Ливий, разгромил войска Гасдрубала-младшего на подступах к реке Метавр, недалеко от Римини, на Адриатическом побережье.

Потеряв всякую надежду помочь своему брату и на поддержку Филиппа V, который в конечном итоге начал вести переговоры с Римом, Ганнибал оказался в изоляции. Вторая армия под командованием Магона, младшего брата Ганнибала, спешившая ему на помощь, оказалась парализованной в Лигурии, не имея возможности воссоединиться с войсками Ганнибала. Что же касается римлян, то им удалось в 204 году высадить в Африке армию под командованием Сципиона. После безуспешной попытки взять Утику, в 203 году Сципион напал на карфагенские и нумидийские войска в Кампи Магни, в среднем течении Меджерды*. Битва закончилась победой Сципиона, захватившего в плен царя нумидийцев Сифакса. У Карфагена, предчувствовавшего реальную опасность, не было другого выхода, кроме как обратиться за помощью к двум Баркидам. Но Магон, раненный в боях, не выдержал перехода и скончался.

В Африке в римско-карфагенской дуэли принимала участие еще одна, третья, сторона, полностью выполнившая выпавшую на ее долю роль, — нумидийцы. Эти последние распались в начале

* Река в Тунисе.

злоключений Ганнибала на два царства. На царство Масаэсил с Сифаксом во главе, которое простиралось от Сиги на западе (современный Такембрит в регионе Орана) до Сирты (Константина) на востоке, и на царство Массиль, меньшее по размерам, расположенное на стыке современной тунисско-алжирской границы. В 206 году, после кончины Гайи, царя Массиля, его сын Массиниса, воевавший в Испании на стороне пунийцев, должен был вернуться в Африку, чтобы вступить в права наследования. Но Сифакс, аннексировав его царство, вынудил его удалиться в изгнание, толкнув тем самым непосредственно в руки к римлянам.

Что касается Ганнибала, то, вернувшись в Африку после 25-летнего отсутствия, он решил высадиться не в Карфагене, где заправляли его политические противники и в двух шагах от которого находился лагерь Сципиона, разбитый в Тунисе, а в Лептис-Минор (современная Лампта в тунисском Сахеле), где у его семьи были владения.

В течение всей зимы обе армии простояли в бездействии, наблюдая друг за другом. Этот статус-кво мог бы продлиться и сколь угодно долго, поскольку карфагеняне были вовлечены в мирный переговорный процесс, который был начат еще до прибытия Ганнибала в Африку. Но ситуация разрешилась весной 202 года, когда карфагенские корабли атаковали судно, перевозившее переговорщиков Сципиона. Избежать битвы стало невозможно. Ганнибал отвел свою армию к Заму (современный Эль-Джам, в 30 км на север от тунисского Мактара). Сражение произошло в конце лета. Пехота Ганнибала превосходила по численности пехоту Сципиона, но его конница не мог-

Битва при Заме

ла соперничать с кавалерией Массиниссы, перешедшего на сторону врага. Следует отметить, что Сципион, обладая большим опытом ведения войны с пунийцами, смог ловко уклониться от атаки слонов, защитив проходы на своих рубежах. Доведенная до совершенства тактика, разработанная римлянами, принесла свои плоды, обеспечив им полную победу. Армия Ганнибала, захваченная с тыла римской и нумидийской кавалериями, была истреблена. Но пуническому полководцу в сопровождении очень небольшого эскорта удалось тем не менее пробраться в Хадрумет (современный Сус), где находилась его ставка.

Как Ганнибал по отношению к Риму, так и Сципион не имел ни намерений, ни, видимо, возможностей захватить Карфаген. Целью Рима было полное и безусловное подавление его соперника, чтобы он никогда больше не смог ему угрожать. Мирный договор, условия которого были очень тяжелыми и невыгодными для пунийцев, был

подписан в 201 году. Возмещение за причиненный в ходе военных действий ущерб, установленный Римом, доходило до 10 тысяч талантов (то есть 258,5 тонны серебром; для сравнения — после Первой пунической войны было затребовано 57 тонн) с рассрочкой уплаты в 50 лет. Территория Карфагена отныне ограничивалась «Пуническими рвами» — *Fossae Punicae* (см. Африканская территория, гл. II). Пунийцы не имели права вести войну без согласования с Римом, они должны были возвратить своих слонов их прежним владельцам и никогда не приобретать других. Что касается их военного флота, то он был отведен в открытое море, где на глазах собравшихся на берегу карфагенян был сожжен. Рим оставлял за Карфагеном право иметь не более десяти кораблей.

Поражение при Заме не подорвало доверия, с которым некоторая часть населения Карфагена относилась к Ганнибалу. Он сохранил, если верить Корнелию Непоту (Ханнибал, VII, 1–4), командование армией, оставленной Римом, солдат которой он направил на сельскохозяйственные работы в Бизацену (см. Сельское хозяйство, гл. IV). А через пять лет, благодаря поддержке части населения, недовольной тем, как находящиеся у власти олигархи управляли делами города, он был избран суфкетом на 196 год (см. Политические институты и осуществление власти, гл. III). Он также воспользовался предоставленными ему полномочиями, чтобы ограничить всевластие Сената, по отношению к которому он испытывал неприязненные чувства, и провел ряд реформ по оздоровлению карфагенской финансовой системы. Но его действия пришлись не по вкусу

правлящей верхушке, направившей на него жалобу в Рим. Предчувствуя опасность, Баркид тайно покинул Карфаген, направившись в Хадрумет. Отсюда он перебрался на остров Церцина (современная Керкена в Тунисе), затем в Тир, на прародину Карфагена. Его же собственный город решил как можно скорее забыть о нем, конфисковав его имущество и дочиста разграбив его дом. Оставшуюся часть своей жизни он провел в скитаниях, закончившихся в 183 году в Бифинии (Вифинии, Северо-Запад Малой Азии, на территории современной Турции), где преданный царем Прусием, готовым выдать его римлянам, он покончил жизнь самоубийством в 63-летнем возрасте. И в этом же году обрел смерть Сципион Африканский, еще одно действующее лицо драмы, разыгранной по воле Ганнибала.

КОНЕЦ КАРФАГЕНА: В КОЛЬЦЕ ВРАГОВ, НО ПРОЦВЕТАЮЩИЙ

В результате поражения при Заме Карфаген потерял свои заморские территории и лишился большей части африканских владений. И можно было бы предположить, что, оказавшись без продовольственных ресурсов и находясь под опекой римлян, эти полвека, прошедшие с момента разгрома при Заме до окончательной гибели города, должны были бы вылиться в медленную агонию. Но ничуть не бывало, и даже наоборот. Аппиан сообщает нам о вновь обретенном процветании и о приросте населения. Тит Ливий несколько раз упоминает о том, что Карфаген поставлял боль-

шое количество пшеницы в Рим и в его армии, ведущие военные действия в Македонии (Тит Ливий. XXXI, 19, 2; XXXVI, 4, 9). А через десять лет Карфаген даже предложил Риму досрочно погасить задолженность по возмещению ущерба в результате военных действий, в чем Сенат ему отказал (Тит Ливий. XXXVI, 4, 7). Археология полностью подтверждает эти сведения. Кроме того, город начал несколько широкомасштабных работ, которые порождают множество вопросов, сводящихся к одному: насколько реален был контроль, осуществляемый римлянами? Так, в дополнение к застройке южной стороны холма Бирса, начатой в эти полвека (откуда и происходит название, данное этому району археологами, «квартал Ганнибала»), заканчивалось оборудование двух портов, один из которых был военным. И может показаться удивительным, почему город, которому было предоставлено право иметь всего лишь десять кораблей, решился на возведение военного порта. Эти работы, как нам кажется, внушили некоторые опасения Гулуссе, одному из сыновей Массиниссы, который донес римлянам, что карфагеняне собираются построить большую флотилию, которую они якобы рассчитывают использовать в военных действиях против них. Материал, собранный археологами, ведущими раскопки в Карфагене, также свидетельствует о процветании города. Были обнаружены многочисленные родосские амфоры и керамические изделия, завозимые из Кампании, а в самом Риме и других регионах находили предметы карфагенского производства, датируемые II веком, что подтверждает динамизм карфагенских купцов, высмеянных и представленных в карикатурном виде в комедии

«Пуниец» латинского автора III века Плавта. Несмотря на выпавшие на его долю испытания, пунический город оставался перекрестком, где сходились пути международной торговли.

На протяжении этого полувека римские посольства часто направлялись в Карфаген, чтобы контролировать проводимую им политику и главным образом чтобы на месте выносить решения по поводу многочисленных конфликтов, возникающих у него с нумидийским соседом. В соответствии с условиями мирного договора, подписанного с Римом, пунический город не имел полномочий регулировать их самостоятельно. Около 152 года Катон Старший оказался в Карфагене в качестве члена одного из таких посольств. Жизнеспособность города убедила его в том, что он по-прежнему представляет угрозу для Рима. И с этого момента он включал в каждое из своих выступлений в Сенате, вне зависимости от обсуждавшейся темы, следующие слова: «*Delenda est Carthago*», что означает «Карфаген должен быть разрушен» (Флор «Римская история». II, 15). А чтобы еще больше поразить воображение своих коллег, он, как гласит легенда, представил на курии свежую винную ягоду, утверждая, что она была сорвана тремя днями ранее в Карфагене. По его мнению, Рим не мог себе позволить иметь врага в двух шагах от своих ворот (Аппиан. Ливийская книга. 69; Плутарх. Катон Старший. 26).

РАЗГРОМ КАРФАГЕНА

Несмотря на существование в римском Сенате партии, на все лады расхваливающей существующее положение в стране, верх взяла ми-

литаристская группировка. Предстояло найти предлог. Им оказалось еще одно из целой череды вторжений Массиниссы на территорию Карфагена, который, будучи не в силах выносить его агрессию и не надеясь на справедливый и беспристрастный римский суд, решился применить оружие. Это произошло в 150 году, после выплаты последней части возмещения, причитающегося Риму, и вскоре после смерти Катона Старшего, возглавлявшего антикарфагенскую партию. Рим, приняв решение начать войну, не торопился с объявлением о ее начале. Римляне сначала подготовили почву для наступления, собрав войска на Сицилии. Карфагеняне, прознав о мобилизации, послали в Рим посольство с выражением своей преданности. Римский Сенат, не объявляя о своих намерениях, потребовал выслать на Сицилию 300 заложников сроком на 30 дней.

Утика, не испытывая по этому поводу никаких угрызений совести, поступила под покровительство Рима и в силу этого стала, начиная со 149 года, главной ставкой римского экспедиционного корпуса, куда прибыли оба консула текущего года Маний Манилий и Л. Марций Цензорин, потребовавшие от Карфагена, чтобы он сдал все свое оружие и военные машины. Не считаясь с мнением народа, карфагенский Сенат собрал представлявший весьма печальное зрелище обоз, состоявший из баллист, катапульт, личного оружия, который был направлен в Утику. Весной 149 года, как только город был полностью разрушен, консулы объявили о своих истинных намерениях: карфагеняне могли остаться свободными людьми при условии, что они согласятся покинуть город, который Рим собирался разру-

шить, и разумеется, по крайней мере в 80 стадиях от побережья, то есть в 15 км. Столкнувшись с подобным диктатом, напомнившим им, что «римская честность» (*fides romana*) мало в чем уступала пресловутой «честности пунической» (*fides punica*), обесславленной древними авторами, карфагеняне встали перед необходимостью сражаться, поскольку оставить Карфаген означало для них отречение от своих корней и самобытности. Морякам и купцам, которыми они были, предстояло стать крестьянами, состоящими на службе у Рима.

В самом Карфагене гнев народа, вызванный этой новостью, обрушился сначала на гонцов, принесших эту весть, а затем на тех из сенаторов, которых карфагеняне считали продажными. Они также истребили итальянских торговцев, устроившихся на площади со своими товарами.

В то время как народ строил баррикады на улицах, Сенат объявил о военном положении. Так началась Третья пуническая война. Были освобождены рабы, сразу же зачислившиеся в армию, и вызван Гасдрубал Бозтарх, которого, чтобы доставить удовольствие Риму, когда-то приговорили к смертной казни, но которому удалось скрыться и избежать трагической участи. На него была возложена обязанность защиты внешней части города. Разбив лагерь в Загуане, он неотступно преследовал перемещавшиеся римские части, прервав их связь с городами, перешедшими под их контроль (Хадруметом, Тапсом, Лептисом и Ахоллой). Внутри же городских стен операцию возглавлял еще один Гасдрубал, родственник Массиниссы.

Охватившая карфагенян энергия отчаяния придала им невиданные силы. На местах они организовывали мастерские по производству оружия. Женщины также не остались в долгу: они отдавали свои золотые украшения и даже обрезали волосы, из которых изготавливали связующие элементы для военных машин.

Что касается римских консулов, то они упустили момент наступления на город, когда он был лишен необходимой защиты. И только летом 149 года они предстали перед крепостными валами. Недооценивая способность карфагенян к сопротивлению, оказавшихся без оружия в результате предательства, они даже не могли себе представить, что осада продлится целых три года!

Сразу же по прибытии Манилий предпринял безуспешную атаку со стороны тройной крепостной стены, пересекающей перешеек. Что касается Цензорина, то он во главе флотилии расположился на побережье Тунисского озера, в том месте, где эта самая тройная стена образовывала угол с простой крепостной стеной, защищающей юг полуострова (см. Карфаген, гл. II). После двух попыток, благодаря тарану, которым управляло 6 тысяч человек, ему удалось пробить брешь, но ввести и удержать войска внутри городских стен он так и не смог. Год закончился тем, что, несмотря на осаду, город для римских консулов все еще оставался неприступным.

В начале 148 года другой заклятый враг Карфагена, Массинисса, исчез, так и не увидев разрушения пунического города. Новые римские главнокомандующие, Л. Кальпурний Писон и его легат Л. Гостилий Манцин, приняли решение напасть на города, остававшиеся верными Карфа-

гену, чтобы отрезать его от источников пополнения продовольствием и людскими ресурсами. Клупеа (Келибия) сопротивлялась, но Неаполис (Набэль) сдался и был разграблен.

Весной 147 года Манцин во главе флотилии попытался взять город приступом со стороны обрывистой скалы Сиди бу Саид. Сначала ему удалось проникнуть за крепостные стены города, но отсутствие продовольствия и недостаточная подготовка наступавших чуть было не стоили им жизни, если бы не подоспевшая вовремя помощь молодого консула Сципиона Эмилиана, на чьи плечи было возложено руководство Африканской армией.

Разбив укрепленный лагерь перед тройной стеной, пересекающей перешеек, он преградил доступ к портам благодаря возведенной им плотины. Он хотел тем самым лишить Карфаген любых сношений с внешним миром. Пунийцы быстро нашли выход, пробив брешь ближе к северу. Прорыв канал, они вывели в море флотилию, состоящую из трирем и квинквирем, и застали врага врасплох. Но, по свидетельству Аппиана (Ливийская книга. 121), они так и не смогли в полной мере воспользоваться эффектом внезапности.

Благодаря сооружению плотины, Сципион Эмилиан смог захватить внешнюю гавань. Забресжил конец Карфагена. В начале зимы 147/146 года, изгнав последних защитников с этого дебаркадера, он возвел фортификационные сооружения, которые охраняли 4 тысячи человек. Окончание зимы он провел в ликвидации последних очагов сопротивления карфагенян, продолжавших отчаянно сражаться на мысе Бон.

И только весной (март — апрель) он решил нанести последний удар.

Как об этом говорится в древних текстах, римская армия, без труда пройдя через круглый порт, расположилась на главной площади (Аппиан называет ее агорой). На следующий день несколько солдат блокировали, чтобы его разграбить, храм, выходящий на площадь. В этот раз их добычей стали золотые пластины, украшавшие часовню, посвященную божеству, отождествленному греками с Аполлоном, которые они отколупывали остриями мечей. Аппиан оставил нам впечатляющее по силе воздействия описание (на которое вдохновил его сам Полибий) о продвижении римских войск. Последнее каре сопротивляющихся, состоящее из женщин и детей, укрылось на вершине холма в «цитадели Бирса». Как говорит Аппиан, Сципион вел своих солдат по улицам, застроенным шестиэтажными домами. Автор приводит в деталях потрясающие по своей жестокости сцены, в которых мертвых и живых давили копытами лошадей и колесницами. В результате раскопок, проведенных французской миссией, были обнаружены останки карфагенян, нашедших смерть и погребенных под развалинами.

После шести дней и шести ночей кровавых сражений делегация осажденных вышла из крепости с просьбой о пощаде. Сципион Эмилиан оставил жизнь (но не свободу) 50 тысячам осажденных, которые предпочли сдаться в плен. Около тысячи непокорных, продолжавшие сопротивление, укрылись на вершине цитадели в храме Эшмуна. К Гасдрубалу Боэтарх присоединились лица из его ближайшего окружения. Вызывает недоумение тот факт, что, согласно источникам,

мужественный защитник города дрогнул в последний момент и, держа в руках ветвь побежденного, простерся перед Сципионом, умоляя его о снисхождении. Его жена, чье имя не осталось в истории, потрясенная его низостью, одевшись в свои самые красивые наряды, на глазах у собственного мужа и Сципиона бросилась вместе со своими детьми с высокой стены храма в костер, разожженный осажденными, предпочтя пламя стыду, как гласит одна тунисская поговорка. Так, образом женщины, бросающейся в костер ради сохранения своей свободы, закончилась история Карфагена, с которого она, впрочем, и началась. И со времен античности историки не устают проводить параллель между этими двумя эпизодами (Флор. Эпитомы римской истории. I, 31; II, 15).

В ответ на этот костер римляне разожгли пожар, не сравнимый по масштабам, который охватил весь город. Если верить некоторым источникам, он не прекращался в течение десяти дней. А затем на место пожарища прибыла посланная римским Сенатом комиссия. Она отдала приказ стереть с лица земли все, что осталось от города, а его периметр объявила проклятым (Аппиан. Ливийская книга. 134). И, видимо, на основе этого события сформировался высосанный из пальца образ, сфабрикованный современными авторами, будто бы римляне прошлись плугом по земле Карфагена, предварительно обильно сдобренной солью. На самом деле ничего подобного не было, или этот акт имел чисто символическое значение. Разумеется, разрушения затронули весь город в целом, но нигде не отмечалось такого неумолимого ожесточения, о котором сообщают некоторые историки. Раскопки французских

*Окончательное разрушение Карфагена римлянами.
Художник А. Дадли*

исследователей, проведенные на южном склоне холма Бирса, свидетельствуют о том, что требование Сената сровнять город с землей не было исполнено буквально. И даже есть мнение, что захватчики нашли время для того, чтобы совершить погребение погибших, если только вывод, сделанный на основе изучения останков из общей могилы, обнаруженной отцом Делаттром, крупным археологом и исследователем Карфагена, верен. Найденные им трупы были сложены один на другой и ориентированы по вершине

холма. А наличие монет среди останков говорит о том, что погребение могло быть совершено карфагенянами (пленными?).

СЛЕД, ОСТАВЛЕННЫЙ КАРФАГЕНОМ В ИСТОРИИ

По-настоящему посмертным реваншем для последних защитников «цитадели Бирса» мог бы стать тот факт, что спустя много веков институты, религия и главным образом язык Карфагена все еще продолжали свое существование в Африке.

Еще в V веке нашей эры св. Августин объяснял своей пастве, что *deus* (то есть бог) на латыни означает то же самое, что *theos* на греческом или

Вид с холма Бирса

ulim на пуническом языках. А за два столетия до св. Августина пунический все еще оставался живым языком, и Септимий Север (193–211 годы нашей эры), римский император, родившийся в Лептис-Мagne, древней тирской колонии, стыдился некоторых из своих родственников, которые говорили только на пуническом языке (Жизнеописания Августов. XXVI, 7). И о глубоком укоренении пунического языка на африканской почве свидетельствуют не столько тексты древних авторов, сколько результаты археологических находок: спустя более чем два века после гибели Карфагена, резчики по камню все еще продолжали выбивать на стелах надписи на пуническом языке. А в Триполитании были обнаружены стелы, датируемые IV веком нашей эры, на которых пунический текст был выгравирован латинскими буквами. Но долгая жизнь пунического языка отмечалась не только в Африке. На Сардинии, в Битийе, была найдена надпись, датируемая эпохой правления императора Марка Аврелия (161–180 годы нашей эры).

Что касается религии, то Карфаген так глубоко повлиял на мировоззрение африканцев, что ни его исчезновение, ни проникновение других народов в империю не смогли привести к забвению двух главных божеств Карфагена: Баал Хаммона и Тиннит. Разумеется, им присвоили другие наименования: африканский Сатурн и Юнона Каэлестис соответственно, кроме того, их черты претерпели эволюционные изменения, но их культ, в частности культ Сатурна, продержался вплоть до триумфа монотеизма.

Что же касается институтов, то по крайней мере соотносящиеся с ними пунические титулы:

суффет, баалим или *раб*^{*}, заимствованные и впоследствии распространенные нумидийскими царями на контролируемые ими территории, а затем сохраненные иностранными городами, будут встречаться вплоть до эпохи правления Траяна (98—117 годы нашей эры).

* Здесь и далее титул *раб* будет выделен курсивом (в отличие от раба-невольника).

II

ГОРОД И ЕГО «ИМПЕРИЯ»

В отличие от западных греческих колоний, городские поселения которых были тесно связаны с их хорой, то есть с сельскохозяйственной глубиной, и в противоположность главным образом Риму, который контролировал завоеванные территории посредством прокладывания дорог, охраняемых границ или устройства военных лагерей, Карфаген, как нам кажется, в большей степени был озабочен формированием торговых сетей, чем созданием империи. До V века ни в редчайших археологических свидетельствах, ни в литературных источниках нет даже намека на

Карфаген. Современный вид

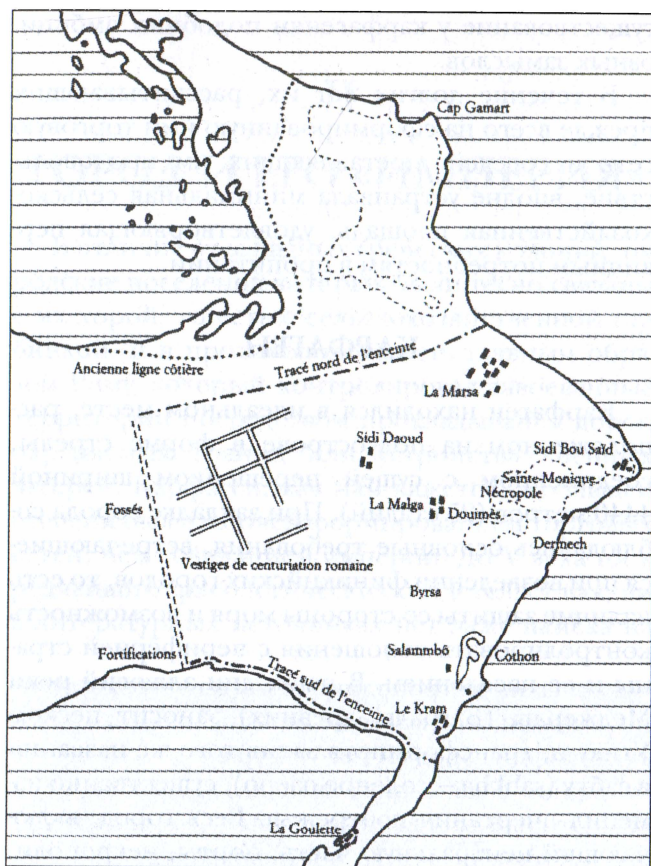
существование у карфагенян подобных амбициозных замыслов.

В течение долгих лет их, рассчитывающих прежде всего на сформированную ими торговую сеть и соседей, поставляющих им продовольствие, вполне устраивала минимальная сельскохозяйственная площадь, удовлетворяющая первичным потребностям в пропитании.

КАРФАГЕН

Карфаген находился в идеальном месте, расположенном на полуострове в форме стрелы, соединенном с сушей перешейком шириной 4440 метров (25 стадий). При закладке города соблюдались основные требования, встречающиеся при возведении финикийских городов, то есть наличие защиты со стороны моря и возможность контролировать отношения с периферией страны и ее населением. В наши дни аллювий реки Меджерды (Баграды древних) заносит песком Утику и, трансформируя залив того же названия в сабху (sabkha — соленое озеро), существенно изменил очертания побережья. Весь город, включающий центральную часть, порты, некрополи, сельскохозяйственные угодья, был защищен крепостной стеной, простирающейся в длину приблизительно на 33 км.

Начиная с XIX века удалось в общих чертах идентифицировать местонахождение городской агломерации. Карфаген занимал прибрежную равнину, одну сторону которой обнимало полукружье холмов с расположенными в них некрополями (плато Бордж-Джедид или «холм по соседству со святой Моникой», обнаруженный в ходе раско-

Карта полуострова и Карфагена и предположительное местонахождение северной и южной крепостных стен (указаны линией «точка-тире», точками изображена древняя линия побережья, двойным пунктиром – рвы. – Примеч. пер.)

пок, проведенных отцом Делаттром, плато Одеон, холм носящий имя Юноны и холм Бирса или «св.той Людовик»). С южной стороны город граничил с болотистой зоной под названием Саламбо.

Это пространство, простирающееся в длину максимум на 1,5 км в направлении север-юг и на полкилометра в направлении восток-запад, занимало полезную площадь размером около 50 га. Но даже если городской периметр определился очень давно, у нас не хватало археологических подтверждений этому факту, и, кроме того, чередование периодов его развития нам также почти неизвестно. Хотя к этому можно добавить, что международная организация, осуществившая раскопки в 70-х и 80-х годах прошлого века, а также точечные раскопки, ведущиеся в наше время, дали возможность восполнить некоторые пробелы. Но чтобы ни у кого не возникало сомнений по этому поводу, скажем, что наши знания относительно пунической метрополии остаются весьма ограниченными, а некоторые детали, относящиеся к топографии города и к его застройке, упомянутые Аппианом и заимствованные им у Полибия, автора, который застал пунический Карфаген перед его закатом, не всегда подтверждаются документально. Так обстоит с агорой, которая в литературных источниках располагалась недалеко от портов, не подтверждается также факт мощения улиц и площадей и наличие шестиэтажных домов.

◆ Крепостная стена

Судя по древним источникам, широкая крепостная стена, достигающая в длину 33 км, защищала Карфаген и его полуостров. Площадь,

окруженная этой стеной, идущей по периметру города, могла достигать 250 га. По словам Аппиана (Ливийская книга, 95), это была тройная стена, пересекающая полуостров и защищающая город и его пригороды от «глубинки» страны. Видимо, речь идет о тройной защите, состоящей из рва, частокола, установленного на земляной насыпи, и, наконец, собственно стены. Как говорит Аппиан, она была 30 футов шириной (около 9 м) и 30 локтей высотой (примерно 15 м). Стена была зубчатой, двухэтажной, а через каждые 60 м ее прерывали башни. Внизу располагались стойла, где могли быть размещены 300 слонов. На втором этаже находились конюшни для 4 тысяч лошадей. Здесь также были устроены хранилища для фуража и ячменя и казармы для 20 тысяч пехотинцев и 4 тысяч всадников. Сложность этого сооружения с многочисленными отделениями свидетельствует о том, что оно могло быть построено не ранее середины III века, хотя вполне возможно, что линия защиты была возведена задолго до этого. С южной стороны это защитное ограждение представляло собой простую стену, идущую вдоль берега Тунисского озера и оканчивающуюся у входа в торговый порт. На севере горный обрывистый рельеф с холмами Гамартх, Марса и Сиди бу Саид также венчала простая крепостная стена.

Археологам было непросто отыскать это защитное ограждение, которое им удалось идентифицировать только в нескольких редких местах. Так, немецкие исследователи обнаружили впечатляющих размеров стену, идущую вдоль моря. Они не только выявили ее основание во многих местах, расположенных между северной

стороной круглого порта и «кварталом Магон» (см. карту), но также нашли единичные блоки, из которых она была сложена, и венчающие стену элементы, украшенные лепкой. Все они были покрыты белой как снег штукатуркой, что было свойственно эллинистической архитектуре, элементы которой встречаются в Помпеях.

♦ Численность народонаселения

Только один-единственный из древних авторов сообщает нам информацию о численности жителей Карфагена. Речь идет о Страбоне (XVII, 3,15). Но цифры, которые он называет — 700 тысяч душ в начале Третьей пунической войны, — кажутся многим историкам значительно преувеличенными, они отмечают, что, по мнению других авторов, численность карфагенского населения была гораздо скромнее. Так, по словам Аппиана (Ливийская книга. 120), Гасдрубал Боэтарх, последний защитник Карфагена, возглавлял армию, состоящую из 30 тысяч человек. Тот же Аппиан сообщает нам, что численность последних повстанцев, укрывшихся на холме Бирса, доходила до 50 000 человек (мужчин и женщин). Флор (I, 31, 16) считает, что их было всего 36 тысяч, в то время как Павел Орозий (IV, 23, 3) приводит иные цифры: 25 тысяч женщин и 30 тысяч мужчин.

Определение численности проживающего в античном городе народа остается нелегким делом. И это представляет еще большие трудности в случае с Карфагеном, поскольку у нас не хватает данных. Отсутствуют прямые литературные или эпиграфические источники. Нам неизвестно, ка-

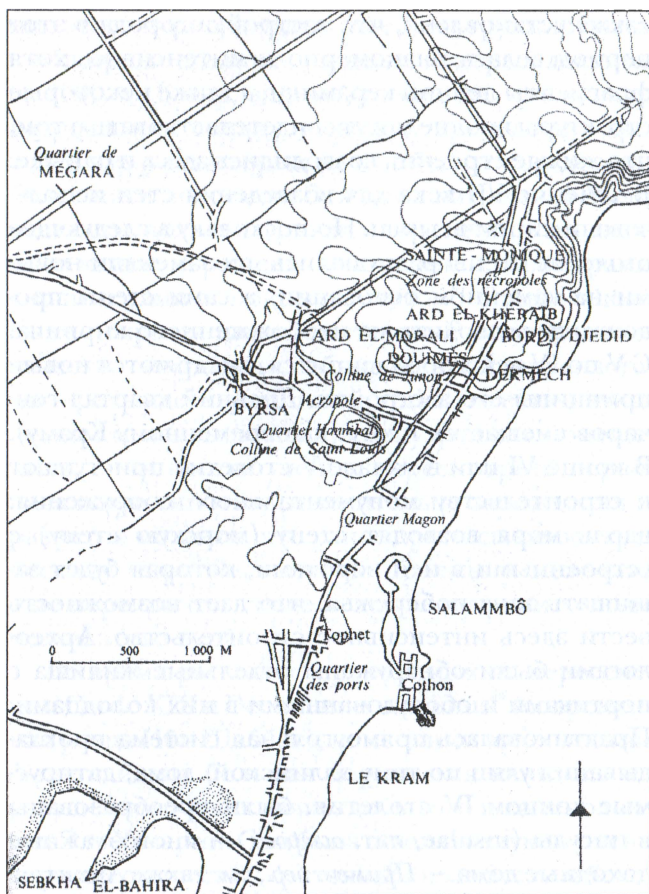
кова была плотность застройки города, и поэтому, при современном уровне наших знаний, мы не можем составить себе более или менее правдоподобное представление о числе проживающих в нем жителей, исходя из количества жилых зданий.

◆ Нижний город

В надписи на пуническом языке, датируемой первой половиной III века, одна часть городской агломерации Карфагена указана под наименованием «равнина города». По всей вероятности, речь идет о нижнем городе, который простирался вдоль береговой равнины. По мнению Фридриха Ракоба, немецкого архитектора, руководившего раскопками в этой зоне, так, видимо, называли Неаполис, о котором упоминается в античных источниках. Эта часть города занимала равнину, ограниченную с севера холмами Гамилькар и Сиди бу Саид, на западе — холмами Юнона и Бирса, а на юге — болотистой зоной Саламбо, где со временем возвели торговый и военный порты.

Раскопки немецких ученых, проводимые в разных секторах равнины, дали нам возможность точно проследить эволюцию этой части пунической метрополии за период от ее становления до рокового 146 года. Бурное развитие этого района в течение V столетия, то есть в эпоху правления Магонидов, навело немецких археологов на мысль присвоить ему название «квартала Магон».

И именно в этом секторе были обнаружены обломки самых древних в Карфагене керамических изделий, датированных началом VIII века. Было

*Карта Карфагена с указанием основных топонимов,
встречающихся в тексте*

также установлено, что застройка города в этот период велась планомерно и интенсивно, хотя фрагменты лепной керамики, а также некоторые структуры вполне могут свидетельствовать о том, что жилые строения возводились здесь и раньше. В течение VII века для возведения стен использовали кирпич-сырец. Но поскольку в следующее столетие стены разрушались, их заменяли новыми на каменном основании, а сами стены продолжали возводить из необожженного кирпича. С V по IV век город ширится, внедряются новые принципы его застройки. Древний квартал гончаров смещается к югу (к современному Краму). В конце VI или в начале V столетия приступают к строительству монументального сооружения: вдоль моря возводят стену (морскую стену) с устроенными в ней воротами, которая будет защищать зону побережья, что дает возможность вести здесь интенсивное строительство. Археологами были обнаружены отдельные жилища с портиками и оборудованными в них колодцами. Практиковалась прямоугольная система прокладывания улиц по типу эллинской, дома, датированные концом IV столетия, были преобразованы в инсулы (*insulae*, лат. *острова́* — многоэтажные доходные дома. — *Примеч. пер.*; см. также Архитектура, гл. VIII).

Позже, начиная с первой половины III века, начинают возводить новые монументальные здания, по всему городу ведутся земляные работы (в портах, вокруг домов на побережье, в квартале Бирса). Прямоугольный план застройки равнинной части города, идущей вдоль побережья, получает новое направление и становится радиальным по мере приближения к холму Бирса. В тече-

ние этого периода отдельные дома группируются в обширные жилища, площадь которых достигает 1000 м². В них, видимо, совместно проживали разросшиеся семьи, поскольку археологи отметили, что в некоторых из них было оборудовано более пяти водоемов. Эти дома патрициев были отделаны архитектурными элементами из цветного камня, украшены колоннами и пилястрами с капителями и покрыты стуком*. Стены также были покрыты цветным стуком. Разнообразие и качество «мозаики», обнаруженной археологами — речь идет о *pavimenta punica*, то есть о пуническом мозаичном поле во внутренних помещениях, — заставили ученых пересмотреть первоначальную гипотезу относительно зарождения и развития мозаики, что ранее приписывалось греческому миру. Лестничные проемы и межэтажные перекрытия также покрывались плиточным полом этого типа.

Во время раскопок, проводимых на пересечении *Cardo XIII* и *Decumanus maximus*** (современная улица Ибн Шаббат), немецкими археологами была найдена большая дорическая капитель из ракушечного известняка, добытого в каменоломнях Эль Хаварии. Она была покрыта стуком очень хорошего качества, состоящим из извести и белого мраморного напыления, и датируется вместе с другими обнаруженными фрагментами концом

* Стук — легкая смесь на основе гипса и мраморной пудры (имитация мрамора), применялась для отделки стен и потолков.

** Древнеримская градостроительная схема: улицы под названием *decumanus* шли с севера на юг, *cardo* — с востока на запад. — *Примеч. ред.*

III столетия. С эхином*, достигающим 90 см, эта капитель была самой большой из всех найденных до сего дня в Карфагене. По всей вероятности, она относилась к какому-то монументальному зданию, которым вполне мог быть храм. Ее нашли в том месте, где мог размещаться «храм Аполлона», упоминаемый Аппианом, который считает, что он находился в районе агоры. Во дворе этого здания было найдено впечатляющее количество печатей, последних свидетельств существования архивов (см. Дипломатия и международные отношения, гл. III).

♦ Холм Бирса

Именно от этой агоры, по словам Аппиана, отходили три улицы, ведущие в акрополь, расположенный на холме Бирса. Несмотря на неоднократные попытки, семитская этимология этого названия, которое с греческого языка можно перевести как «шкура быка», остается все еще неясной.

В древних источниках говорится, что в этом месте стояла цитадель, частью которой являлась крепостная стена, окружавшая стоявший на вершине знаменитый храм Эшмуна и лестницу в шестьдесят ступенек, по которой можно было подняться в здание. Видимо, именно здесь укрывались последние защитники Карфагена во время взятия и разрушения города Сципионом Эмилианом.

Подтвердить эти сведения уже невозможно, поскольку римские архитекторы снесли и разровняли вершину холма, создав искусственную

* Эхин — выступ под абакой (верхней частью) дорической капители.

На холме Бирса

платформу для строительства монументального центра города, задуманного Августом в конце I века. Но если в результате работ, проведенных в эпоху правления Августа, были сметены с лица земли руины пунических сооружений на вершине холма, то развалины зданий, расположенных по его боковым сторонам, сохранились. Они были обнаружены на возвышении, образованном мощной насыпью, расположенной по его бокам, которое поддерживали прочные стены. Насыпь позволила сохранить целый квартал, возведенный непосредственно перед падением пунического Карфагена. Освобожденный французской миссией от наслоений времени, он был назван «кварталом Ганнибала» (см. карту).

В результате работ, проведенных этой миссией, здесь был обнаружен жилой район, состоящий из нескольких блоков зданий, который археологи называли «продуктом хорошо спланированной застройки». Им удалось идентифицировать перекресток, от которого отходили улицы, поднимавшиеся уступами к вершине холма. Жилые строения характеризовались тщательностью отделки. Площадь, занимаемая ими на земле, была невелика, но вверх они могли возвышаться на несколько уровней (см. Архитектура, гл. VIII). Как удалось выяснить, в этом районе проживало, вероятно, относительно однородное население. Предназначался ли он для чиновников карфагенского государства, а может быть, в нем нашли приют беглые, изгнанные со своих земель нумидийцами, нам неизвестно.

Этот жилой квартал был возведен непосредственно перед разрушением Карфагена. А ранее здесь располагались мастерские ремесленников (металлургическое производство), а до этого — архаический некрополь. Все вышесказанное наводит на мысль, что холм Бирса никогда не был центром первичной застройки Карфагена.

♦ Пунические порты

Подлетая к Тунису на самолете на низкой высоте, легко можно различить лагуны Карфагена, эти все еще красноречивые свидетельства существования портов, возведенных перед закатом пунической цивилизации. Их форма настолько хорошо сохранилась, что, даже не обладая особым воображением, можно себе представить, как они выглядели в тот период, когда их видел Поли-

бий, непосредственный участник и наблюдатель падения Карфагена: «Порты соединялись друг с другом, и корабли входили в них из открытого моря через широкий проход в 70 футов шириной (21,3 м), который закрывали железными цепями. В первой внутренней гавани находили пристанище торговые суда, и здесь было обнаружено большое количество якорей самой разнообразной формы. Во внутренней гавани располагался остров, и оба они, остров и гавань, были окружены большими дамбами, в которых размещались отсеки для стоянки 220 кораблей и склады для хранения снастей триер. Перед каждым отсеком возвышались по две ионические колонны, придававшие острову и гавани по периферии вид портика. На острове возвышался павильон, где располагался ничего не упускавший из виду наварх (командующий флотом в Древней Греции), звук рожка которого служил сигналом, и глашатай, передававший его приказы».

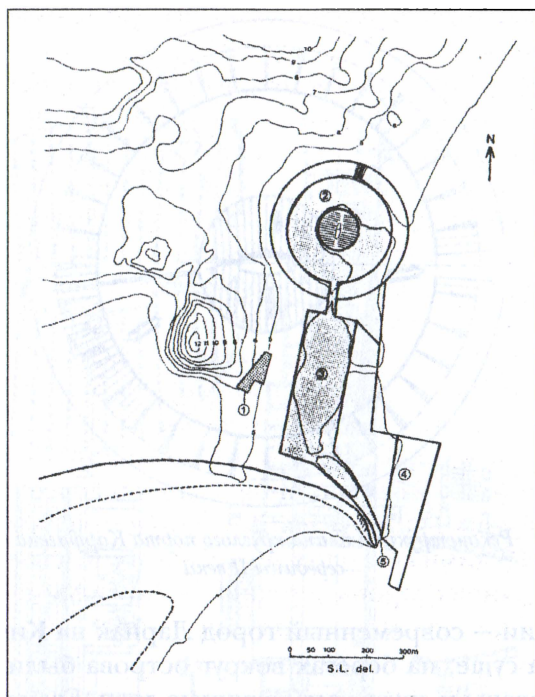
Это описание, которое мы нашли у Аппиана (Ливийская книга, 96) и которое перевел на французский язык С. Лансель, демонстрирует всю сложность этого сооружения, потрясшего древних авторов (в частности, Страбона и Диодора Сицилийского). Оно выявило оригинальность решения, разработанного карфагенянами, в котором гармонично сочетались экономические императивы с тайной, непременно окутывавшей военный флот (в целях предотвращения шпионажа). Работа, шедшая своим чередом, и корабли, циркулирующие в водоеме круглого порта, были скрыты от любопытных глаз двойной стеной, а ворота, предусмотренные в прямоугольном порту, давали возможность куп-

цам, разгрузившим свои товары, выходить прямо в город.

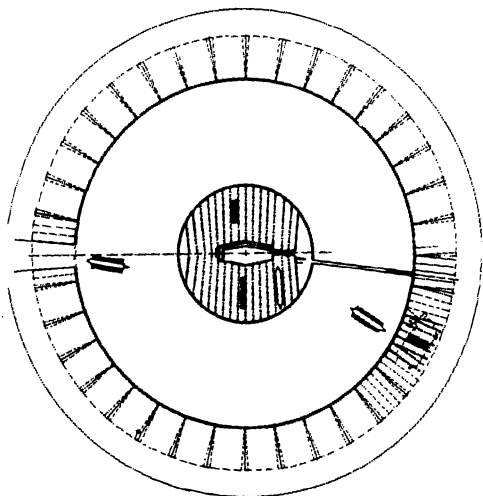
Пунический порт Карфагена представляет собой довольно сложное сооружение, определяемое понятием «кофон». Этим словом, по всей вероятности финикийского происхождения, классические авторы называли пунические порты, снабженные искусственными водоемами. Такие сооружения были обнаружены во многих пунических городах: в Махдие (Тунис), в Рашгуне (Алжир), в Мотии (Сицилия) или в Сульчисе (Сардиния). Но, в противоположность их карфагенскому аналогу, их размеры были небольшими. Например, порт в Мотии не мог принимать корабли более 4,5 м шириной и длиной более 19 м.

Раскопки, проведенные американскими и британскими археологами в Карфагене, позволили, с одной стороны, уточнить некоторые детали описания Аппиана, а с другой — определить временные рамки возведения этого грандиозного сооружения. Так, на острове круглого порта британским исследователям удалось идентифицировать сухие доки и восстановить серию из 30 доков, расположенных с одной и другой стороны оси, в центре которой была разбита шестиугольная площадка, а на ней возвышалась дозорная башня. Видимо, имеется в виду павильон наварха в том виде, как его описал Аппиан. Доки, длиной от 30 до 50 м, были снабжены глинобитным покатым спуском, обеспечивая перепад высот в 10 %. Деревянные поперечные перекладины из бруса (нечто вроде спускового фундамента стапеля) способствовали скольжению судов. Постройки такого рода мы встречаем во многих сухих доках, обнаруженных в Средиземноморье (в Афинах, в

- 1 – тофет;
 2 – план водного пространства в круглом порту;
 3 – план водного пространства в прямоугольном порту;
 4 – четырехугольник Фальбе (шома)*;
 5 – вход в порт, защищенный стрелкой мола шома
- Реконструкция плана портового квартала
 Карфагена незадолго до падения города
 (середина II столетия)*

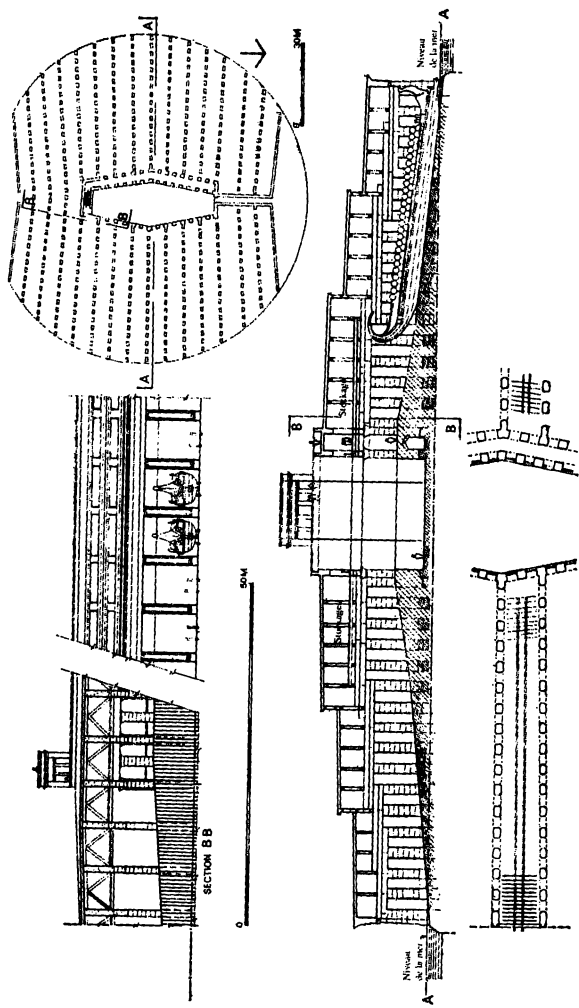
* Четырехугольник Фальбе — это насыпная земляная площадка или шома, названная по имени открывшего ее в XIX столетии датского архитектора Фальбе, предназначенная для разгрузки кораблей, складирования товаров, осуществления маневров и защиты входа в порт от морских ветров.

*Реконструкция плана круглого порта Карфагена
середины II века*

Китии — современный город Ларнак на Кипре). А на суше, на берегах вокруг острова были оборудованы и другие аналогичные доки. Если взять за основу среднюю ширину этих доков, достигавших в длину 40 м, то, по мнению археологов, на всей этой территории могли быть размещены от 134 до 140 доков. Таким образом, если предположить, что в одном доке мог встать на стоянку только один корабль, то в круглом порту могли найти пристанище от 165 до 170 судов, что меньше 220 кораблей, упоминаемых Аппианом, хотя их количество может приближаться к этому числу, если допустить, что в одном доке можно было разместить более одного судна.

Аппиан утверждает, что круглый порт сообщался с четырехугольным посредством канала, который так и не удалось обнаружить археоло-

Графическая реконструкция сооружений, расположенных на острове адмиралтейства
(круглый порт Карфагена), II век

гам. Но были найдены часть западного причала, а также северо-западный угол водоема. Угол оказался не прямым, а тупым, что свидетельствует о том, что бассейн, описанный Аппианом как четырехугольный, имел скорее всего форму шестиугольника. По мнению американских археологов, эта форма подтверждает факт переоборудования водоема, которое произвели уже после падения Карфагена, во II веке нашей эры.

Главный вывод, к которому пришли обе группы археологов после изучения результатов раскопок, проведенных в обоих водоемах, заключается в том, что ввод в действие порта был осуществлен лишь в конце III столетия. Английским исследователям удалось убедительно доказать, что строительство круглого порта началось довольно поздно. В частности, строительство сухих доков закончилось, по всей вероятности, в середине первой половины II века до нашей эры, то есть незадолго до падения Карфагена. Что касается американских археологов, то они сходятся во мнении, что самые старые элементы четырехугольного водоема датируются второй половиной III столетия. И как полагает С. Лансель, не может не вызвать удивления тот факт, что Карфаген начал строительство военного порта после поражения при Заме и в условиях полной подчиненности и зависимости от Рима. Может быть, реализация этого проекта началась без ведома римского Сената или была предпринята до Второй пунической войны?

Как бы там ни было, нам кажется, что первоначально порты Карфагена имели другой вид и даже, что вполне вероятно, находились в другом месте. И действительно, обнаружение в зоне

портов руин гончарных мастерских совершенно ясно указывает на то, что водоемы круглого и прямоугольного портов имели искусственное происхождение и были вырыты в этой заболоченной местности в более позднюю эпоху, между IV и II веками. Где же в таком случае находились порты предшествующих периодов?

На этот вопрос до сих пор нет окончательного ответа. И если возможно допустить, что на любом песчаном берегу можно устроить временную стоянку для судов, то представить, что город, который в V столетии контролировал большую часть западного бассейна Средиземноморья, мог обходиться без большого порта, соответствующего его уровню, невозможно. Содержание военного флота, не говоря уж о торговых судах, предполагает как минимум наличие складов, сухих доков и т.д.

Раскопки, проведенные в 70-х годах XX века, малакологические (изучающие моллюсков. – *Примеч. пер.*) и геоархеологические исследования привнесли новые результаты. Группами британских и американских археологов были обнаружены в зоне раскопок следы канала, параллельного линии побережья, который проходил на западе от четырехугольного порта, там, где в наше время находится круглый порт. Судя по результатам анализов осадочных пород и останков живых организмов, этот рукотворный канал впадал, как нам кажется, не в море, а в Тунисское озеро. Эти наблюдения были подкреплены результатами изучения эволюции конфигурации побережья Карфагена, которые свидетельствуют о том, что северный берег Тунисского озера находился в то время, видимо, на уровне высоты водоема четы-

рехугольного порта. Что же касается канала, то археологи, которым удалось проследить его русло длиной около 400 м, пришли к заключению, что его заилило в течение второй половины IV века.

Взяв за основу эти сведения, ученые предположили, что порт (или якорная стоянка для судов) в архаическую, а затем и в классическую эпоху занимал бухту на северном берегу Тунисского озера, расположенную на юго-западе от тофета. Что же касается канала, обнаруженного совместными усилиями британских и американских исследователей, то он, видимо, соединял этот порт с арсеналами, находящимися на юге «старого города», там, где позже возвели круглый порт. Наряду с этим предположением, подкрепленным данными, полученными в ходе раскопок, другие, более старые гипотезы все еще имеют право на существование. Доктор Л. Картон, который познакомился с Карфагеном в те времена, когда строительство в нем почти не велось, предложил, например, локализовать архаические порты в том месте, где теперь находятся термы Антонина. Будучи достойным наследником финикийских городов (Тир, Сидон), Карфаген должен был располагать и другими местами якорных стоянок, находившимися, вероятно, между скалой Сиди бу Саид и термами Антонина.

◆ Сады

Идет ли речь об Аппиане, упоминающем о «садах Гамилькара», или о Диодоре Сицилийском, описывающем продвижение армии Агафокла по мысу Бон, единодушие древних авторов поража-

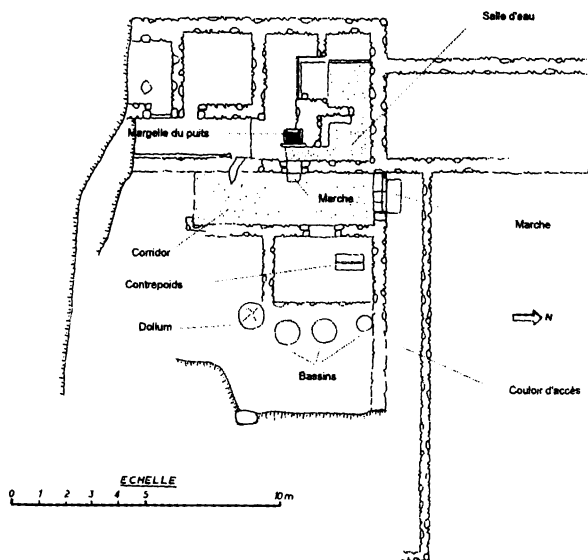

ет, когда они начинают на все лады расхваливать красоту пунических садов.

Расположенный поблизости от Карфагена сельский пригород Мегара покрывал своей территорией север и запад полуострова. Защищенный внешней стеной, именно об этой тройной стене говорит Аппиан (Ливийская книга. 95; см. также Крепостная стена), он был засажен виноградниками и огородными культурами. Выращиваемые здесь продукты дополняли рацион жителей города. И именно благодаря садам удалось так долго продержаться последним защитникам Карфагена. В наши дни пуническую Мегару идентифицируют с современным Гамартхом, бальнеологическим курортом, расположенным на севере Карфагена. Современное название нам кажется чем-то вроде метатезы* Мегары, слова, имеющего, несомненно, семитское происхождение. Но у специалистов возникают разногласия относительно смыслового значения его корня. Полагают, что оно могло происходить от термина *Me'arah*, что означает «грот, пещера», или от термина *megor* или *magor*, переводимого как «резиденция, поместье».

Руины пунической эпохи редко встречаются в Гамартхе. Но мы располагаем по крайней мере одним весьма интересным свидетельством: речь идет о ферме, датируемой II веком. Она была обнаружена в 60-х годах прошлого столетия во время строительства отеля. Площадь здания достигала 200 м², а коридором длиной 6,75 м и шириной 2 м оно было поделено на два крыла. За-

* Метатеза — перестановка звуков в слове, например, «тарелка» вместо «талерка» (от нем. *Teller*).

План пунической виллы в Гамартхе.

*Couloir d'accès – входной коридор;
basins – бассейны-резервуары; dolium – долиум;
contrepoids – противовес; corridor – коридор;
marche – ступенька; salle d'eau – зал с бассейном;
margelle de puits – край колодца*

падное крыло было, видимо, предназначено для проживания. В нем было не менее двух комнат, а также зал с бассейном, вода в который поступала из колодца. Найденные здесь ионические капители, а также фрагмент покрытой стуком керамики свидетельствуют о том, что отделке этой части дома, напоминавшей описания Диодора Сицилийского ферм с мыса Бон, придавали особое значение. Восточное крыло, по всей вероятности, выполняло сельскохозяйственные функции, и здесь скорее всего производили масло. Археоло-

гам удалось обнаружить противовес, три круглых бассейна-резервуара, а также место, где был врыт долиум (большой глиняный сосуд шарообразной формы), от которого сохранилось только дно.

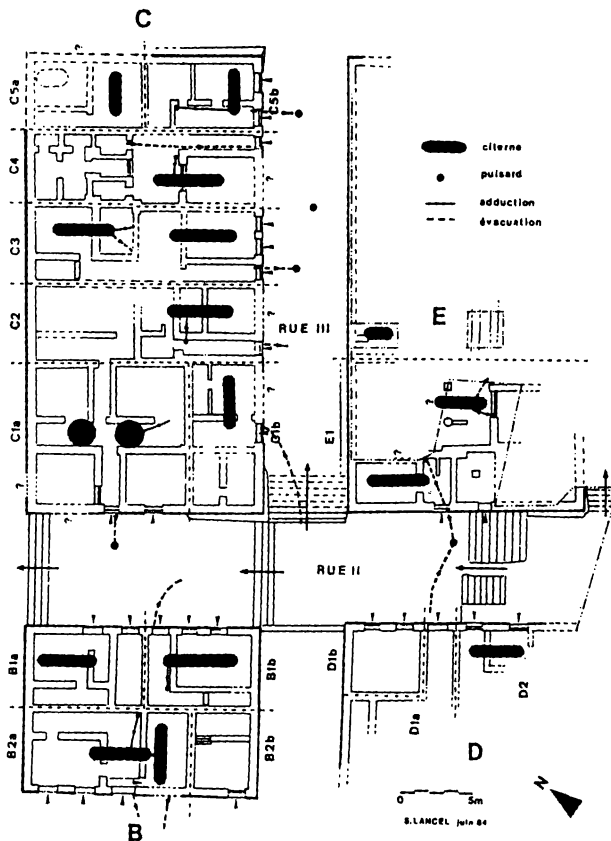
♦ Вода

Среди многих анахронизмов, которые Г. Флобер ввел в свое повествование, акведук эпохи войны наемников является самым безобидным. Хотя надо признать, что, как об этом говорит сам автор, благодаря ему оба героя, Спендий и Матон, выглядели вполне достойно, входя в Карфаген.

На самом деле в пуническом Карфагене не было акведуков. Тот, о котором упоминает Флобер и развалины которого все еще можно встретить на дороге в Загуан, был построен значительно позже, во II веке нашей эры. Таким образом,

Резервуары для хранения воды

*Квартал «Ганнибала»,
расположенный на холме Бирса
в Карфагене: система ввода и отвода воды (II век).
Подпись на карте: citerne – резервуар, puisard – сточный
колодезь, adduction – ввод, évacuation – отвод воды*

система отвода воды из естественных источников отсутствовала (известно, что в Карфагене был единственный источник, называемый «фонтан тысячи амфор», приток воды которого не мог удовлетворить потребности всех жителей го-

рода), поскольку существование городской сети снабжения водой не подтверждается. Но руины колодцев и резервуаров говорят о том, что забота об обеспечении себя водой была возложена на плечи каждого проживающего в Карфагене.

В Карфагене, хотя существовали индивидуальные колодцы, питьевая вода накапливалась главным образом в узких резервуарах продолговатой формы, которые оборудовали под каждым домом и размещали либо под центральным двором, либо под залом для гостей (или приемов, *oecus*). Уникальными были не только их форма, но и внутреннее покрытие, изготавливаемое на основе пепла, что придавало им характерный серый цвет. Другой особенностью этих резервуаров были их «крышки». Одни были закрыты плашмя лежащими на них плитами, а другие покрывались плитами, установленными под углом друг к другу, как на двускатных покрытиях, встречающихся в архаических захоронениях, по поводу которых Ш. Тиссо, исследователь Туниса XIX века, сказал, что в данном случае идет речь о любопытных сооружениях, внешний вид которых напоминает могилы, а внутреннее покрытие — резервуары для воды.

Создается впечатление, что в Керкуане отдавали предпочтение не резервуарам для воды, а колодцам, которые были в каждом доме. До наших дней сохранились выступающие над землей края этих колодцев, прорытых в центре дворов или при входе в помещение для омовений.

Что касается эвакуации сточных вод, то немецкие археологи, работавшие в квартале Магон, наряду с французскими исследователями, проводившими раскопки на холме Бирса, отме-

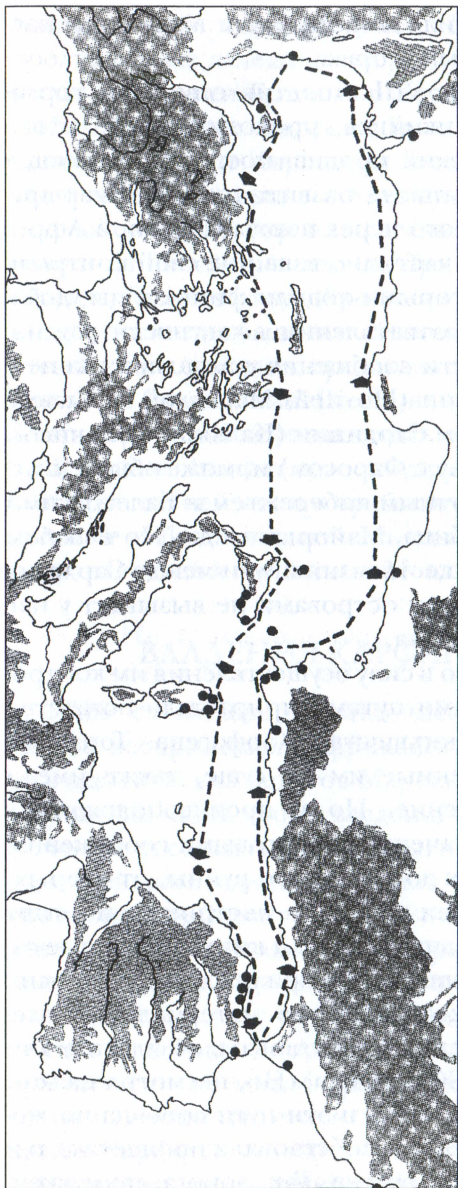

чают, что использованная вода, за несколькими исключениями, собиралась в глубокие отстойники, расположенные под улицами. Но кроме этого, группой ученых из университета Гамбурга были обнаружены в Карфагене специфические гидротехнические устройства типа сточных канав, с которыми не понаслышке были знакомы проживавшие в Керкуане карфагеняне, прокладывавшие вдоль осевых направлений города выложенные камнем желоба для стока вод.

Кроме жилых зданий, вода в больших количествах потреблялась храмами и святилищами во время проведения ритуальных очищений и омовений. В Карфагене в тофете были обнаружены емкость для воды и колодец. А на мысе Бон, в Рас-эд-Дреке были найдены развалины, по всей вероятности, храма, где была устроена емкость для воды в форме буквы L, широко распространенной в пуническом мире. Подобные бассейны-резервуары были также обнаружены в Карфагене, на склоне холма Бирса, и в Норе, на Сардинии, под так называемым неопуническим храмом.

♦ Пути сообщения

При внимательном изучении торговых путей, проложенных в начале I тысячелетия, создается впечатление, что Карфаген находился в стороне от главного торгового пути финикийцев, протянувшегося на расстояние более 2 тысяч морских миль и соединявшего Восточное побережье с Иберийским полуостровом. Исходя из этого, можно предположить, что его становление как политической и экономической державы суще-

Морские торговые пути финикийцев

ственно изменило морские пути в западном бассейне Средиземноморья.

Так, к концу VIII столетия северный торговый путь финикийцев, проходивший до этого через Мессинский пролив, постепенно пришел в упадок в результате развития южного маршрута, проложенного через порты Северной Африки. Карфаген, частично взяв под свой контроль маршруты, которыми ходили финикийцы, добавил к ним свои ответвления, в частности, установил прямые пути сообщения с западной оконечностью Сицилии (Мотией, Марсалай и выше с Палермо), югом Сардинии (Кальяри, Сульчисом и выше к северу с Фаросом) и, может быть, с испанским Восточным побережьем и Балеарскими островами (Ибица, Майорка и т.д.). Но в любом случае факт существования пути между Сардинией и Балеарскими островами не вызывает у нас никакого сомнения.

Но не только в силу осуществления им контроля над морскими путями прирастало богатство и ширилось могущество Карфагена. Торговые пути, проложенные им по суше, также имели большое значение. Но в противоположность первым, обозначенным портовыми сооружениями, от которых до нас дошли руины, от вторых, только если они не были построены по типу римских дорог, практически ничего не осталось. И лишь межевые столбы, при условии, что от них сохранились хоть какие-то материальные следы, могли бы свидетельствовать об их наличии (см. Владения Карфагена). Но, несмотря на это, нельзя игнорировать и эти пути сообщения, которые во многом способствовали процветанию и обогащению Карфагена. Так, дорога, проложен-

ная вдоль побережья Африки до Гибралтарского пролива, была далеко не второстепенной. Именно по ней пошел Гамилькар Барка, направляясь в Испанию. Другая дорога, проходившая через Триполитанию и Киренаику и соединяющая далее Северную Африку с Египтом, имела колоссальное значение для Карфагена, поскольку она вела в финикийские города Триполитании и в Египет. Упомянутая Геродотом (IV, 181–185), эта дорога всегда была самой оживленной: по ней отправились в Египет представители ливийской династии (основанной Шешонком I), чтобы приблизительно в X веке захватить трон и власть в этой стране. Значительно позднее, в VII веке нашей эры, по ней пошли арабские завоеватели, а затем ее избрали паломники из стран Магриба, направлявшиеся группами в Мекку.

ВЛАДЕНИЯ КАРФАГЕНА

У нас сложилось впечатление, что Карфаген всегда воспринимал Африканское побережье, от атлантических берегов Марокко до Большого Сирта, как часть своих владений. Многие исторические рассказы или легенды, приписываемые карфагенянам, свидетельствуют о том, что метрополия в действительности очень рано определила «свой заповедник», внутри которого она не терпела никакого иностранного присутствия. Это пространство, почти официально ограниченное с востока Алтарями Филенов (см. ниже), практически не имело границ на западе. Хотя следует напомнить, что до вторжения Рима в Испанию Карфаген не ощущал угрозы ни со стороны Ампурии, ни со стороны Марселя.

Согласно условиям первого римско-карфагенского договора (см. Дипломатия и международные отношения, гл. III), Риму запрещалась навигация за пределами «прекрасного и высокого мыса» (современный мыс Бон), что свидетельствует о неослабном стремлении карфагенян удержать в своих руках контроль над Восточным побережьем Африки вплоть до Триполитании. Интервенция конца VI столетия, направленная на уничтожение колонии, которую спартанец Дорей попытался основать на востоке от Лептис-Магны, является примером другого рода. У нас создалось впечатление, что карфагенское господство над этой территорией было настолько прочным, что оно ощущалось даже во II веке, поскольку, по словам Тита Ливия (XXXIV), в это время ему продолжали платить дань города, расположенные на берегах Большого Сирта.

За исключением прибрежных портов и территории мыса Бон, внутренние территории страны, интерес к которым проснулся значительно позднее, мало заботили Карфаген.

♦ Африканская территория

Контроль над своей территорией, столь ревностно поддерживаемый Карфагеном, может быть проиллюстрирован весьма показательной греческой легендой об Алтарях Филенов, переданной нам латинскими авторами, в частности Саллюстием (Югурта. LXXIX). Суть легенды такова: Карфаген и Кирены, устав от бесконечных войн, которые они вели друг против друга, решили, что границы, разделяющие их территории, будут определены в ходе соревнования между их

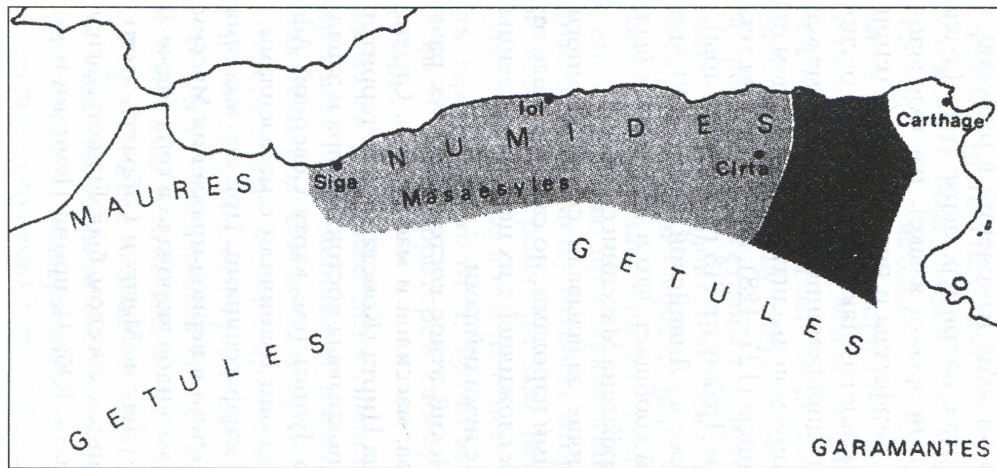
лучшими спортсменами. Эти последние должны были, отправляясь из своих городов, бежать навстречу друг другу сколько хватит сил. Два карфагенских чемпиона, братья Филены (Philainoi — «достойные хвалы»), сумели пробежать большее расстояние, чем их противники. И тогда жители Кирены обвинили их в плутовстве и предложили им новую сделку: либо их живыми закопают в землю в том месте, которого они достигли, либо они отправятся обратно, давая возможность спортсменам Кирены пробежать еще какое-то расстояние. Мужественные карфагеняне отказались отступить и принесли в жертву отечеству свои жизни. В знак признательности Карфаген, видимо, воздвиг в их честь алтари. Из источников нам непонятно, какова была форма этих монументов (по мнению Страбона, это были столбы или колонны; и естественные образования, по словам Плиния Старшего) и в каких именно местах их устанавливали. А что касается другой оконечности Африки, то Карфаген в меньшей степени боялся непрошенных гостей, чем неизвестности. Но это не помешало Ганнону осуществлять разведывательные миссии и прокладывать дороги, которыми владел только Карфаген (см. Путешествия, гл. IX).

Но если господство Карфагена на Африканском побережье казалось незыблемым, то оценить уровень контроля, осуществляемого им над территориями, расположенными в глубине страны, не просто. У нас создалось впечатление, что в течение первых веков своего существования Карфаген даже не пытался простереть свое владычество на эти земли, предпочитая вести переговоры с нумидийским населением. И только в результате поражения при Гимере на Сицилии

пунический город обратил свои взоры к своей богатой периферии. Вполне может быть, что этот новый интерес был вызван не только сужением сицилийских горизонтов, реальность которого, впрочем, еще предстоит доказать. Карфагеняне потерпели поражение от городов, в основе могущества которых лежал не только их торговый флот, но и разумная эксплуатация своих земель. Они вдруг поняли, что для того, чтобы продолжать играть ведущую роль на международной арене, необходимо располагать значительными территориями и людскими ресурсами. Согласно древним авторам, к концу V столетия пуническому городу удалось освободиться от уплаты дани ливийцам в обмен на предоставление ему территории. Позже, еще до того как он вновь вступит на Сицилию, Карфаген упрочит сначала свое положение в собственной «глубинке».

Размеры захваченных им владений в Африке можно себе представить по протяженности первой африканской провинции Рима «Африка Ветус», сформированной после разрушения Карфагена и возвращения нумидийцам земель, которые они по праву считали своими. На востоке они ограничивались «Фосса Регия», демаркационной линией, прочерченной Сципионом Эмилием, которая налагалась во многих местах на «Фосса Пуника». Эта провинция, занимавшая почти пятую часть современного Туниса, простиралась с севера на юг и занимала регион Табарки, низменности Меджерды и пересыхающие русла рек Мелиана и Бизацена (современный тунисский Сахель). Если верить древним источникам, то именно в этом регионе у Карфагена были сельскохозяйственные земли.

*Народы, проживавшие в Северной Африке,
и протяженность нумидийских царств в конце III столетия*

Территория Карфагена была поделена на округа (арцот — на пуническом языке, пагус — на латыни и хора — на греческом), и это деление не претерпело никаких изменений в римскую эпоху. Существовал, например, округ Туска (Тушкат, Tšk't — на пуническом языке), расположенный в 150 км от Карфагена и покрывавший территорию современного Мактара. Об этом регионе, упомянутом одновременно в надписи на межевом столбе, датируемой двадцать первым годом правления Миципсы (127–128), и в латинском тексте (посвящение Траяну от 113 года нашей эры), говорится также в «Ливийской книге» (59) Аппиана, который сообщает, что в 152 году он был захвачен у Карфагена Массиниссой.

Карфагеняне завязывали связи со многими африканскими народами, но самые тесные отношения у них сложились с их непосредственными соседями — с нумидийцами.

Нумидийский этнос состоял из двух различных народов: массилов и масаэсиров. Столицей первых была Цирта (Константина), территория их царства покрывала восток Алжира и запад современного Туниса (см. карту Северной Африки). С запада они граничили с масаэсилами, а с востока — с карфагенянами. При его максимальном расширении в период правления Массиниссы царство массилов включало в себя также Триполитанию (Лептис-Магну и Сабрату), а его непосредственным соседом был Египет Лагидов*. Кстати сказать, Юба II, принц Нумидии и мило-

* Лагиды (Птолемеи) — царская династия в эллинистическом Египте, основана Птолемеем I, сыном Лага и полководцем Александра Македонского.

стью Августа царь Мавретании, самый образованный, по мнению Плутарха, из всех принцев того времени, женился на Клеопатре Селене, дочери великой Клеопатры (Клеопатра VIII) и Антония.

Масаэсилы были западными нумидийцами. Их столица, Сига, находилась поблизости от современного Тлемсена. С востока они граничили с массаилами, а с запада — с Мавретанией. Их первоначальная территория занимала приблизительно западную половину современного Алжира, хотя протяженность страны варьировалась в зависимости от периодов его истории. Так, в конце III века, в правление Сифакса, царя масаэсильев, союзника Карфагена и первого супруга Софонисбы, его государство простиралось на восток до Цирты (Константины). Но после Второй пунической войны и разгрома при Заме Вермина, сын Сифакса, наследовал всего лишь незначительную часть царства своего отца, будучи вынужден отдать восточные территории своему сопернику Массиниссе.

Далее на запад находилось царство мавров, Мавретания (современный Марокко). Источники, какого бы рода они ни были, археологические или литературные, весьма сдержанны касательно отношений, сложившихся у финикийцев, а затем и у пунийцев с этим народом. Но в то же время они позволяют выделить несколько ключевых моментов. Так, в Танжере первые финикийцы должны были каким-то образом сосуществовать с местным населением, поддерживающим, в свою очередь, тесные отношения с югом Испании. Позже пунийцы начали потихоньку разрабатывать свою периферию, что предполагает наличие отношений с местным населением (соглашения, отноше-

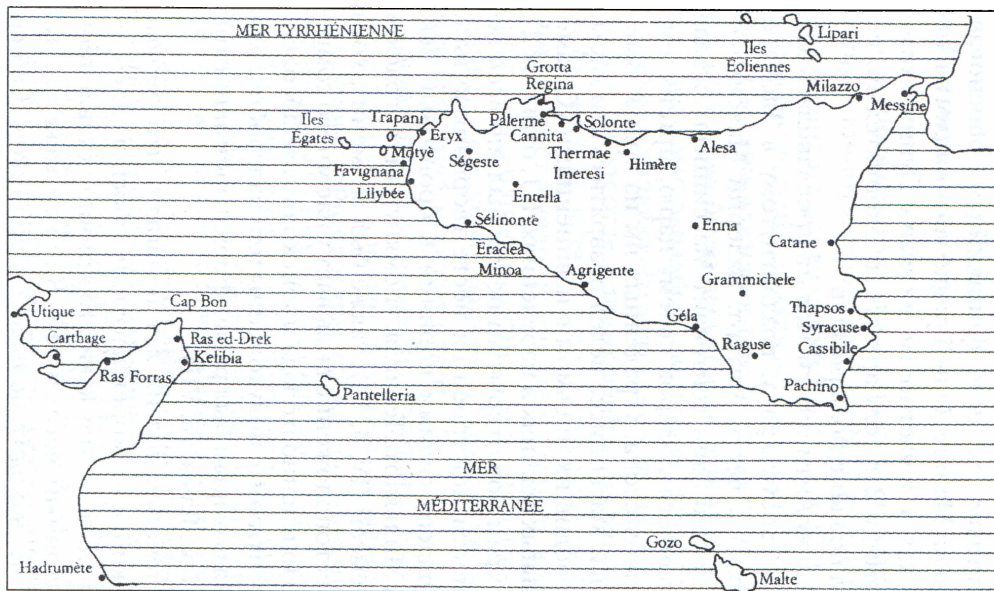

ния подчиненности, рабство?). Например, в произведениях Псевдоскилака (§ 112) упоминается Ликс, одна из самых старых финикийских колоний на западе, которая была основана напротив одного автохтонного поселения, на противоположном берегу реки Луккус. А на острове Эссави-ра были обнаружены керамические изделия, происходящие из другого автохтонного поселения, на континенте. Но все же, как нам кажется, за исключением Ликса и Танжера, этот регион был лишь отчасти отмечен финикийским, а затем пуническим присутствием. Может быть, этот факт объясняется тем, что непримиримое местное население сумело оказать достойный отпор как римлянам, так и пунийцам?

♦ Мальта

Мальта — это архипелаг, состоящий из трех островов (Мальта, Гозо и Комино), довольно бедных и не имеющих полезных ископаемых. Но его главным козырем является его расположение — у входа в западный бассейн Средиземноморья. Моряки, направлявшиеся с востока, находили здесь идеальное пристанище для своих кораблей. И финикийцы очень рано проложили здесь один из своих главных маршрутов мореплавания.

Следует отметить, что историки и археологи неоднократно подчеркивали уникальность Мальты в пуническом мире. Хотя архипелаг направлял свои взоры скорее на Восток. И именно к этой мысли приходишь после изучения археологических материалов пунического периода (керамика, саркофаги из обожженной глины). Так, несмотря на их близость к тунисским берегам, мальтийские

Карта Сицилии, мыса Бон и Мальты

острова оставались на задворках пунического мира. Однако Этьен Византийский приписывает основание Ахоллы, городка в тунисском Сахеле, мальтийцам, то есть финикийцам, обосновавшимся на Мальте. О ней редко упоминалось в источниках и, в частности, в связи с Пуническими войнами; в 218 году архипелаг окончательно перешел под контроль римлян.

В эпоху Античности Мальта прославилась благодаря своему храму, воздвигнутому в Тас-Силг (на Гозо) в честь Аштарт. Валерий Максим сообщает, что один лейтенант Массиниссы, желая преподнести подарок своему царю, принес ему два бивня слона, украденных им из храма. Возбешенный Массинисса велел возвратить эти дары, сопроводив их письмом с извинениями (О замечательных деяниях и изречениях. I, 1, отрывок 2). Этот храм под открытым небом был, по всей вероятности, построен на месте творения культа, ушедшего своими корнями в бронзовый век. Храм Милькарта-Геракла, упомянутый географом Птолемеем (IV, 3, 13), также был знаменит, хотя его местоположение вызывает у нас много сомнений. Но именно отсюда происходят две абсолютно идентичные полуколонны или надгробия, благодаря которым был расшифрован финикийский язык (см. Язык, гл. VII).

В течение долгих лет полагали, что первые финикийские мореплаватели обосновались на архипелаге, в силу каких-то причин оставленном автохтонным населением. Как нам кажется, эта идея не находит больше сторонников. Сейчас принято считать, что оба народа, аборигены-мальтийцы и финикийцы, мирно сосуществовали, до такой степени растворившись друг в друге,

что не представляется возможным дать однозначную оценку всему тому, что дошло до нас от этого местного населения.

♦ Сицилия

На протяжении всей своей истории Карфаген беспрестанно вел сражения, чтобы упрочить свое положение и продлить присутствие на Сицилии, а если представится такая возможность, то и расширить свои владения (см. Сицилия, поле битвы, гл. I). Ему было необходимо сохранить свой контроль над западной оконечностью острова, которая защищала его африканскую территорию (менее 150 км отделяли оконечность Сицилии от мыса Бон). И, кстати говоря, сохранение Сицилии предоставляло пуническому городу возможность контролировать канал, носящий то же название, а следовательно, всю совокупность проходящих здесь морских путей.

Знаменитый отрывок из Фукидида (VI, 2, 6) передает очень хорошо ситуацию, сложившуюся на острове: «Финикийцы также обосновались на побережьях Сицилии. Они завладели некоторым количеством мысов и расположенных поблизости островков, чтобы вести торговлю с сикулами. Но когда греки начали толпами прибывать на Сицилию, открывая здесь свои торговые отделения, они основали колонии в Мотии, Солонте и Палермо по соседству с элимами, на союз с которыми они могли рассчитывать. И именно по этим местам проходил бы самый короткий для Карфагена путь к завоеванию всей Сицилии» (пер. на фр. яз. Д. Русселя, собрание «Библиотека Плеяды». С. 1107–1108).

И главным образом эти города, к которым следует добавить Лилибей, современную Марсалу, возведенную после разрушения Моти, в 397 году были главными плацдармами карфагенян на Сицилии. После многих побед и неудач в конце V столетия в результате захвата Гимеры, Селинунта, Агригента и Гёлы определилась сфера влияния карфагенян, простиравшаяся на запад от реки Халик (современное название Платани) и охватившая треть острова. Насаждая свое господство, карфагеняне опирались на нерушимый союз с элимами, одним из трех, наряду с сиканами (в центре) и сикулами (на востоке), автохтонных народов. И именно в силу этого союза следы карфагенского и финикийского присутствия в глубине территории острова встречаются крайне редко, чего нельзя сказать о двух сидонских саркофагах из мрамора, найденных в Пиццо Каннита, расположенном в прилегающей к Солонте местности. Совершенно очевидно, что Карфаген опирался исключительно на политическую и военную власть, что давало ему возможность вести переговоры с греками, но право управления территориями было, видимо, предоставлено элимам и сиканам.

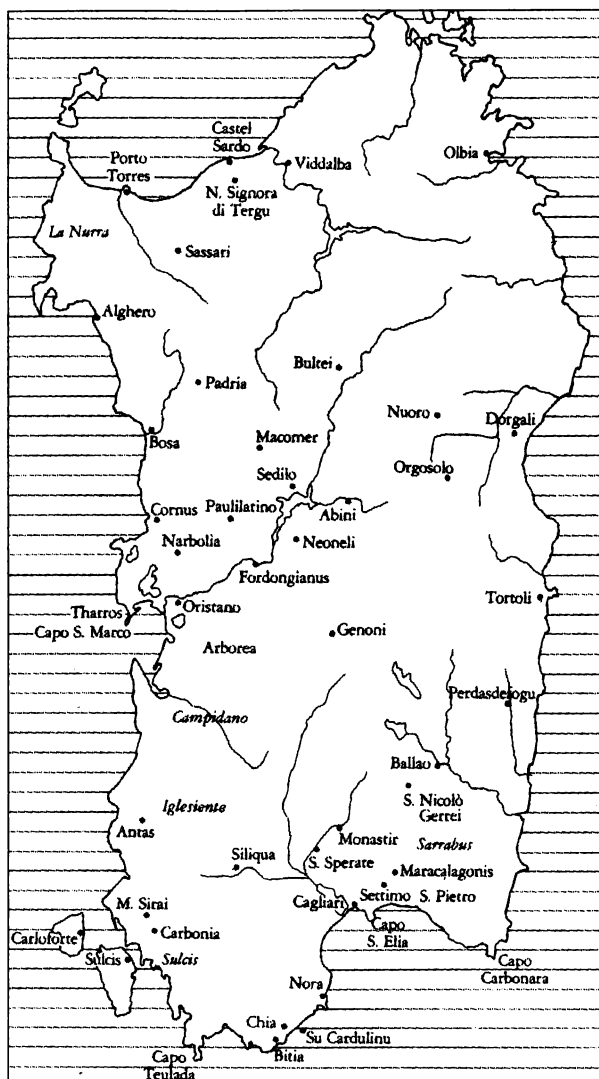
И именно вследствие этого альянса элимы смогли основать практически в центре пунической территории города Сегесту и Эрикс. Эрикс прославился в эпоху античности благодаря святилищу в честь Аштарт, где, о чем свидетельствуют древние литературные и эпиграфические источники, практиковалась священная проституция. Позже, когда остров перешел под контроль римлян, этот культ переродился в культ Венеры Эрицинской.

♦ Сардиния

Даже в большей степени, чем Сицилия, за которую карфагеняне и греки вели беспрестанную войну, Сардиния воспринималась Карфагеном как их личное владение. И условия первого римско-карфагенского договора от 509 года не оставляют никакого сомнения по этому поводу. Позже мирный договор узаконил потерю в 241 году Сицилии, что позволило Карфагену сохранить Сардинию, хотя и в течение очень небольшого промежутка времени. Окончательно остров перешел под контроль римлян в 238 году, и Карфаген безуспешно пытался возвратить себе Сардинию, когда в ответ на воззвание восставших сардов оказал им в 215 году военную помощь. Восстание было подавлено римлянами в битве при Корнусе.

Сардиния, и в частности южное и западное побережья, с давних пор была одним из перевалочных пунктов на морских путях финикийцев, шедших на запад. На стеле из города Нора (установленной в Капо ди Пула, на западе от пролива Кальяри) начертана надпись, датируемая IX веком. Но вскоре, начиная с середины VI столетия, Карфаген, организуя военные кампании под руководством сначала Малха, а затем Магона (Юстиниан. XVIII, 7, 1), устремился на завоевание глубинной части острова в целях овладения рудниками Иглезиенте и плодородной равниной Кампидано, расположенных по диагонали, соединяющей Ористано на западе с Кальяри на юге. Сражение с фокейцами при Алалии, состоявшееся в 545 году поблизости от Корсики, все еще свидетельствовало о ревнивном стремлении

Карта Сардинии

Карфагена сохранить свои владения. Юстиниан добавляет (XIX, I, 7.19), что несколько позднее Гасдрубал Магонид привел сюда экспедицию, за которой последовала еще одна, возглавляемая Гамилькаром Магонидом (484–480) и организованная незадолго до его поражения при Гимере. Археология подтверждает данные литературных источников. И об этом свидетельствует расположенное в зоне рудников, в 5 км по прямой от побережья, поселение Монте Сираи. По всей вероятности, основанное жителями Сульчиса, оно было предназначено для осуществления контроля над поставками сырья, добываемого на рудниках Иглезиенте. Но вскоре небольшая крепость трансформировалась в настоящий город со всеми соответствующими пуническому городу элементами: храмами, тофетом, некрополем и т.д. А немного севернее, за пределами города, был основан храм бога Цида в Антасе (Sid BBY; см. Храмы и святилища, гл. VI), который также свидетельствует о глубоком укоренении карфагенян на Сардинии.

Местное население Сардинии обладало весьма характерной культурой, автохтонные сооружения которой отличались от финикийских построек. Свидетельствами этой цивилизации (название которой нурагская или нурагическая происходит от сардинского термина «нураг», что означает круглую башню, сложенную из каменных блоков) и являются эти башни, усеявшие всю Сардинию, за исключением мест древней финикийской колонизации, то есть юго-западной четверти острова, где они практически не встречаются. Сопоставление литературных источников с результатами археологических исследований

позволяет предположить, что после периода мирного сосуществования во времена первых путешествий финикийцев на запад отношения между аборигенами и карфагенянами, новыми владельцами финикийских колоний, испортились. В результате военных кампаний под руководством Малха, а также других последовавших за ней операций, возглавляемых карфагенскими генералами, смешанное местное население (финикийцы, карфагеняне и сарды, сумевшие интегрироваться в финикийско-пуническую культуру) было вынуждено сняться с насиженных мест обитания и переселиться в глубь острова к горам, что позволило Карфагену прочно обосноваться на этой территории и извлекать прибыль от ее эксплуатации.

Несмотря на военный контроль со стороны карфагенян, местное население, как нам кажется, пользовалось широкой автономией, как, впрочем, и большинство старых финикийских колоний. Об этом свидетельствует подношение, которое местное население, по словам Павсания (X, 17), преподнесло в святилище в Дельфах.

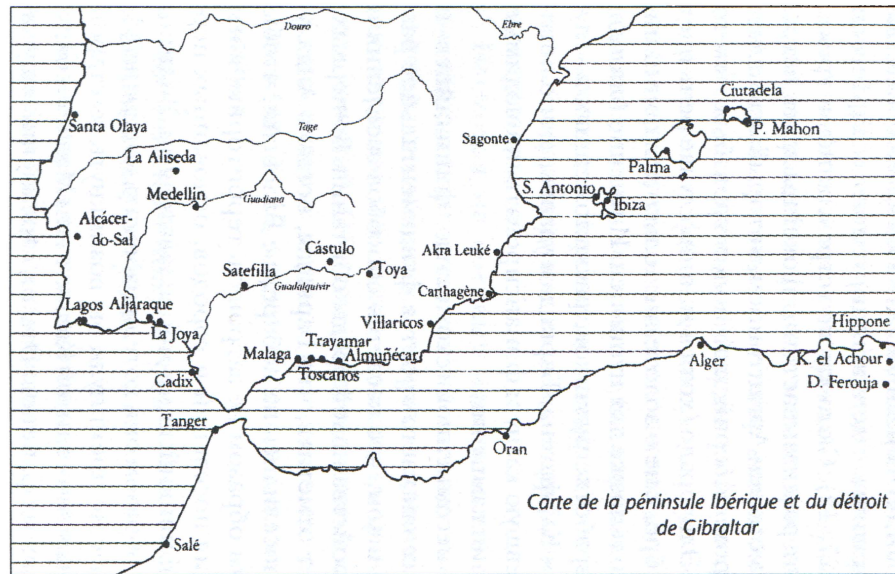
♦ Иберийский полуостров и Балеарские острова

Левантинцы были знакомы с Иберийским полуостровом с конца II тысячелетия. На это указывает дата основания Кадикса (около 1100 года). Диодор Сицилийский (V, 35, 4–5) говорит, что серебра здесь было так много, что финикийцы, дабы погрузить его побольше на корабли, заме-

няли свинцовые якоря на серебряные. Богатство этого края вызвало интерес евреев, соседей финикийцев, поскольку, по словам пророка Иезекииля, царь Соломон якобы примкнул к морякам Тира, когда отправился за сказочными богатствами Таршиша, идентифицируемого с Тартессом (Иез. 27, 12). Сюда также устремлялись и греки. Геродот рассказывает, что фокейцы здесь встретились с царем Аргантоном, который осыпал их серебром. Иберийский полуостров был чем-то вроде Эльдорадо (хотя в данном случае речь идет о серебре, а не о золоте) не только для финикийцев, но и позже для пунийцев. И именно благодаря разработке рудников, расположенных в «глубинке» Карфагена, Баркидам удалось пополнить опустевшую казну и финансировать проводимые в Италии кампании.

За несомненной схожестью финикийцев и карфагенян часто кроется фундаментальное различие в том, что касается способов заселения и обустройства новой среды обитания. Во-первых, следует отметить, что Баркиды, оставив Андалусию, поселились на побережье Валенсии, чтобы никоим образом не затронуть территорию зоны влияния поселений и городов, основанных первыми финикийскими мореплавателями. Видимо, таким образом они хотели избежать конфликтов, которые не преминули бы возникнуть со старой колониальной элитой Кадикса или Малаги и окружающих их районов. Это их стремление ощущается особенно сильно при рассмотрении карты. Ареал Баркидов простирался от Вилларикосе на юге до Эбро на севере (если верить условиям договора, подписанного между Гасдрубалом и рим-

Карта Иберийского полуострова и Гибралтарского пролива

лянами: см. Полибий. II, 13,7; III, 27, 9). К этой береговой полосе следует прибавить Балеарские острова (Ибицу, Майорку и Минорку), бывшие владения карфагенян, перешедшие под контроль Баркидов. Если из литературных источников нам известно, что они основали сначала Акру Левке (Аликанте?), а затем в 228 году Карфаген, то об их деятельности внутри страны мы знаем мало, за исключением некоторых намеков на разработку ими рудников и факта проведения военных операций.

Эти довольно скудные сведения наводят тем не менее нас на мысль, что в противоположность их предкам, довольствующимся выкачиванием богатств и оставившим тартессонцам право руководить добычей и упаковкой руды и минералов, карфагеняне в большей степени стремились укорениться на иберийской земле, навязывая свое военное превосходство и организуя ее эксплуатацию. И именно это послужило причиной частых столкновений с местным населением. Проводимая ими политика стоила жизни многим Баркидам: в ходе военной операции, проводимой против иберийцев, утонул Гамилькар, а один ибериец убил Гасдрубала, его зятя.

Однако карфагенские стратеги, отдавая себе отчет в малочисленности своих войск, завязали тесные отношения с местным населением, скрепленные брачными союзами. Так произошло с Гасдрубалом, взявшим в жены (по крайней мере, во втором браке) иберийскую принцессу. А позже его примеру последовал Ганнибал. А иберийцы, со своей стороны, не испытывали враждебных чувств по отношению к карфагенянам. Они го-

рячо приветствовали Гасдрубала, когда он сменил Гамилькара. И следует добавить, что читая древние источники, приходишь к заключению, что иберийцы наряду с балеарцами входили неотъемлемой частью в карфагенские армии. Они участвовали в войнах на Сицилии в IV веке, а балеарские воины-пращники пользовались особой благосклонностью древних авторов.

III

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Опираясь на превосходно организованное государство, обладающее всеми необходимыми органами для его нормального функционирования (финансовая система, армия, архивы и т.д.), карфагенское общество, наследуя структуры ближневосточных государств, было выстроено жестко иерархически. Все богатства, а также политическая и религиозная власть были сосредоточены в руках аристократии, ревниво охраняющей свои привилегии и не оставляющей шансов «новым людям». Именно к такому выводу приходишь, читая погребальные надписи, обнаруженные в своем большинстве в Карфагене. Но консерватизм, подразумеваемый самим содержанием этих надписей, не должен затмевать динамизма, свойственного пуническому обществу, будь то в сфере социальной мобильности (о чем свидетельствуют частые упоминания о проведении процедур по освобождению рабов) либо в области демократической эволюции ее конституции.

СОЦИАЛЬНЫЕ КЛАССЫ

Структура финикийского и пунического обществ нам мало известна. И нашими скудными сведениями мы обязаны более всего внешним ис-

точникам, библейским или классическим. А они часто предлагают искаженное и ошибочное видение общества, упуская из виду всю его сложность и тонкости. Но, к счастью для историков, эпиграфические источники (надписи) дают возможность исправить это видение и выделить по крайней мере четыре социальных класса.

◆ Аристократия

Она состояла из богатых судовладельцев и торговцев, к которым позже присоединились крупные землевладельцы. Все эти аристократы, представители великих кланов (Магониды, Баркиды), совмещали одновременно несколько должностей, например суффета, члена Сената и великого жреца, которые передавались от отца к сыну. Обнаружение Р.П. Делаттром в конце XIX столетия в Карфагене некрополя, принадлежащего, по всей вероятности, обеспеченной прослойке общества, позволило составить представление о погребальных практиках и богатстве этих семей. Ученые пришли к выводу, что, не отвергая свои восточные корни (о чем свидетельствовали положение тела усопшего, наличие амулетов, попытки «мумифицирования»), многие из них впитали достижения греческого мира, не только приняв его эстетику (скульптура, саркофаги), но также и многие из его эсхатологических концепций. Погребальные надписи, расположенные у входа в склепы оказались не менее ценными: на них были начертаны имена усопших, а также имена их предков с указанием титулов, которые они носили. И это дало возможность констатировать

наличие практически наследственной передачи высоких политических и религиозных постов и обязанностей.

◆ Граждане

Полноправные граждане, баалим (B'lm, единственное число — B'l), составляли «средний класс» Карфагена, даже если внутри него существовали значительные различия в уровне жизни. Этот класс был чем-то вроде плебса в римском мире. Избирательное право позволяло им высказывать свое мнение по любому предложению, представленному на рассмотрение Народной ассамблеей, в заседаниях которой они могли принимать участие. Сюда входили чиновники, лавочники, ремесленники или люди, занимающиеся сельским хозяйством. Судя по некоторым отрывкам из произведений Тита Ливия (в частности, XXXIII, 47, 2), у нас сложилось впечатление, что эти граждане были освобождены от уплаты налогов, поскольку одной из инициатив Ганнибала, когда в 196 году он был избран суффетом, было именно освобождение от уплаты чрезмерно высоких пошлин, введенных олигархией с целью возложить на плечи граждан контрибуцию, причитающуюся Риму. Они были, как нам кажется, также освобождены от обязательной службы в армии. Среди всей совокупности пунических надписей многие упомянутые в них лица, к которым были обращены посвящения, указываются не как баалим, то есть граждане, но как члены Народной ассамблеи их города. Вполне возможно, что в данном случае речь идет именно о тех людях, на которых была возложена миссия постоянного участия в заседаниях ассамблеи.

Положение женщин в Карфагене вызывает еще больше вопросов. Нам даже неизвестно, считались ли они полноправными гражданками (см. Семья, женщина, дети, гл. X).

◆ Вольноотпущенники

Вольноотпущенники ('š šdn) составляли промежуточный класс (в юридическом отношении, но не в том, что касается материального положения, как в Риме). Мы плохо знаем, какими правами они пользовались, обладали ли они свободой передвижения и имели ли возможность заниматься любыми видами деятельности. До нас дошло большое количество текстов, начертанных по заказу вольноотпущенников на votивных стелах. Эти надписи дают нам возможность лучше узнать процедуру освобождения, применяемую по крайней мере для некоторых категорий рабов.

В них систематически встречается формулировка: «Lmy'ms 'm Qrthdšt», что обычно переводится как «В соответствии с ордонансом Народной ассамблеи Карфагена». Это выражение свидетельствует о том, что освобождение рабов происходило с одобрения Народной ассамблеи. Но маловероятно, чтобы это относилось ко всем рабам. Эту процедуру проходили только определенные категории несвободных людей. Может быть, она касалась исключительно общественных рабов, принадлежащих государству и, следовательно, всем гражданам Карфагена.

Освобождение личных рабов должно было происходить в домах их хозяев, а факт освобождения подтверждался документом, скрепленным печатью собственника. В результате освобожде-

ния раб должен был заплатить денежную компенсацию своему хозяину, что подразумевается в одной votивной надписи на стеле, воздвигнутой неким Ганнибалом в честь своего освобождения.

♦ Рабы

Абд ('bd) — это термин, которым в пуническом мире и Карфагене обозначали раба. Но это семитское слово, которое встречается в арабском языке и в иврите, может также означать человека, обслуживающего культ того или иного божества. Оба значения присутствуют в пунических надписях, хотя часто в зависимости от контекста их можно различить. У этих людей был разный статус, поскольку тот, кто провозгласил себя слугой божества, часто был свободным и мог занимать высокое положение в обществе. Раб же располагался в самом низу социальной лестницы, даже если, как и в римском мире, он мог выполнять важные функции в государстве.

По словам древних авторов, в Карфагене было сконцентрировано такое большое количество рабов, что они даже могли угрожать существующему строю. Так, Ганнон в бесплодной попытке совершить государственный переворот собрал в 340 году под свои знамена 20 тысяч рабов (Юстиниан. XXI, 4, 6). И точно так же, как в римском и греческом мирах, рабы были наделены различными статусами (общественные или личные рабы) и выполняли самые разнообразные работы как в городе, так и в деревне. Личные рабы в городе занимались домашней работой или осуществляли деятельность, приносящую доход их хозяину (ре-

Пленники. Мозаика

месленничество, воспитание детей и т.д.). Общественные рабы могли либо состоять на службе в храмах, либо могли служить городу, например заниматься охраной публичных лиц или поддержанием в нормальном состоянии путей сообщения. Содержание многих votивных надписей свидетельствует о том, что они располагали средствами и пользовались относительной свободой: они могли осуществлять от своего собственного имени подношения, хотя в этом случае в надписях упоминалось лишь их имя без указания предков,

которые заменялись перечислением имен хозяев и их генеалогий. И весьма показателен в этом смысле случай с Эвклеей. Речь идет об одной женщине, по всей вероятности, рабского происхождения, поскольку она не приводит свою генеалогию, но которая не преминула указать в пунической votивной надписи свое имя на греческом языке. Рабы могли жениться, о чем свидетельствует отрывок из Плавта, который писал в III веке: «Рабы могут жениться или попросить девушку в жены? Это что-то новенькое, чего нигде нет в мире! А я вам говорю, что это происходит в Греции и в Карфагене» (Казина. Пролог).

Как и повсюду, положение сельскохозяйственных рабов было незавидным. Описывая фермы на мысе Бон (в Тунисе), Диодор Сицилийский (XX, 69, 2; 69, 5) отмечает, что большое количество рабов, используемых на сельскохозяйственных работах, принадлежало богатым карфагенянам. Карьеры и рудники также поглощали много рабочей силы, и в произведениях древних авторов отзываются эхом страдания иностранных пленников, занятых на каменоломнях в Эль Хаварии.

♦ Иностранцы

Место и роль иностранцев в карфагенском обществе нам мало известны, но в различных источниках (литературных, эпиграфических) говорится, что их было немало и что они были выходцами из стран Средиземноморья. Среди них были нумидийцы, греки, этруски, киприоты и представители восточных стран. Они занимали самое разное положение: от рабов до находящихся в изгнании аристократов, не говоря уж о

ремесленниках, специализирующихся в какой-то одной узкой области, и женах карфагенян (см. Семья, женщина, дети, гл. X). Принято считать, что карфагенское общество было относительно закрытым и что его не тяготила та изоляция, в которой оно находилось. Но при повторном внимательном рассмотрении археологических и литературных данных эта точка зрения претерпевает некоторые изменения.

Нумидийцы, непосредственные соседи карфагенян, всегда являлись неотъемлемой частью населения города (см. Элисса, или Рождение Карфагена, гл. I). Интеграция рабочих, в том числе и сельскохозяйственных, рабов, воинов, принцев в карфагенское общество была настолько полной, что их можно отличить только в том случае, если они носят ливийские имена.

Проживание в пунической метрополии этрусков, давних союзников карфагенян, подтверждается как эпиграфическими и археологическими данными (этруские надписи, материал, обнаруженный в ходе раскопок), так и литературными источниками, в которых упоминается об этруских всадниках, сражающихся на стороне карфагенян.

Греческое присутствие в Карфагене нам кажется столь же давним, как и этруское. Как и на Сицилии, а еще раньше в Питекусе (где их ближайшими соседями были эвбейцы и восточные народы), финикийцы, а затем и карфагеняне всегда проживали вместе с греками, несмотря на столкновения и войны, которыми было отмечено их сосуществование. Греческая колония в Карфагене очень часто упоминается в источниках. Именно на эту колонию была возложена обя-

занность обслуживания культа Деметры и Кору, введенного с большой пышностью в пуническом городе после поражения в 398 году на Сицилии. Члены этой колонии занимали в обществе самое разное положение. Так, как нам кажется, Карфаген часто с распростертыми объятиями принимал греческих аристократов. В этом смысле уместно вспомнить о Дионе Сиракузском, зяте Дионисия Старшего, который некоторое время гостил здесь и завязал дружеские отношения с некоторыми карфагенянами. Гиппократ и Эпикид, лейтенанты Ганнибала, родились в Карфагене, хотя были греками по происхождению и потомками одного нашедшего здесь убежище жителя Сиракуз. Кроме аристократов, в этой колонии проживали и квалифицированные ремесленники (скульпторы, художники), пребывание которых подтверждается археологическими данными, в частности высокохудожественными фрагментами настенного декора и большой дорической капителью, обнаруженными немецкими археологами. Наконец, нижнюю ступень социальной лестницы занимали многочисленные греки-рабы, как, например, гречанка Эвклея, о которой мы упоминали выше.

Будучи финикийским городом на западе, Карфаген в равной степени привлекал и финикийцев, которых часто сложно отличить от коренного населения, хотя в некоторых надписях они открыто заявляют о себе как об уроженцах (сыновьях) Тира или называют себя арвадитами. А один финикиец, уточнивший, что он родом из Китиона (современная Ларнака на Кипре), вывез мраморную погребальную стелу, характерную для кипрского искусства классического периода. Еги-

петское присутствие, хотя и не подтвержденное документально, как нам кажется, также имело место. Многие авторы надписей упоминают в них о своих предках-египтянах.

Итальянские торговцы, видимо уроженцы Помпей, где были обнаружены осколки пунических амфор и надписи, обосновались в Карфагене накануне Третьей пунической войны. Они явились и ее первыми жертвами: население города, взбешенное известием об объявлении римлянами войны, истребило их всех до одного.

Но эти сведения не дают представления о том, каково было положение финикийцев и пунийцев, родившихся за пределами Карфагена. Каков, например, был статус пунийцев уроженцев Сардинии, финикийцев родом с востока или киприотов? Пользовались ли они какими-нибудь привилегиями по сравнению с другими иностранцами? Осуществлялись ли процедуры натурализации, что подразумевается многими латинскими авторами, которые сообщают, что Ганнибал обещал солдатам получение карфагенского гражданства в случае победы?

И наконец, присутствие иностранцев ограничивалось не только Карфагеном. Они проживали в большей части пунических городов, хотя документального подтверждения этому почти не встречается. И Мотия на Сицилии — одно из редких исключений. Кроме свидетельства Диодора Сицилийского, который сообщает, что греки имели здесь храмы и сражались на стороне финикийцев и пунийцев против Дионисия Старшего, скульптуры (например, статуя молодого человека из Мотии; см. Скульптура и рельефы, гл. VIII) и надписи подтверждают их присутствие.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ОТПРАВЛЕНИЕ ВЛАСТИ.

Небольшое количество прямых источников и сложности, которые должны были испытывать греческие или латинские авторы, пытавшиеся ощутить и понять всю сложность и все тонкости карфагенского общества, призывают нас к осторожности в оценке его политической организации. Но тем не менее именно им, в частности Аристотелю (книги II и V его «Политики»), мы обязаны теми отрывочными сведениями, которыми мы располагаем в отношении карфагенских властных институтов.

Что касается Аристотеля, то по крайней мере в своей второй книге он утверждает, что система управления была хорошо отлаженной, а конституция Карфагена «с многих точек зрения превосходила все остальные». Эту последнюю он определяет как смешанную, поскольку она вбирала в себя как аристократические, так и демократические черты: «Цари вместе со Старейшинами в случае их полного согласия принимали решение по тому или иному делу. Если между ними возникали разногласия, дело передавалось на рассмотрение народу, которому предоставлялось право не только заслушивать доводы властей, но и самостоятельно принимать решения, и каждый гражданин, если он того пожелает, может представить свои контраргументы, что не было свойственно никаким другим конституциям» (Политика. II, 11, 5—6). Эта конституция, которую так расхваливал Аристотель, не смогла тем не менее предотвратить государственные перевороты. Первый из них приписывается Малху, который в VI веке,

заклучив город в кольцо осады, пытался установить тиранию, за что был предан смертной казни (Юстиниан. XVIII, 7, 18). Позднее, в 310 году, в эпоху военных походов Агафокла в Африку, Бомилькар воспользовался неразберихой, царившей в Карфагене, чтобы также провозгласить себя тираном. Но карфагеняне, молниеносно отреагировав, распяли его на кресте. Из всего этого следует, что тирания или диктатура, в противоположность, например, сицилийским городам, никогда не могли быть введены в Карфагене.

Согласно Аристотелю, в основе политической организации Карфагена лежали четыре института: цари (басилеис / басилевс), Совет старейшин (герусия), Народная ассамблея (демос) и, наконец, трибунал, состоявший из 104 магистратов, который он также называет «Верховной магистратурой ста». В действительности эта картина только отчасти описывает политическую организацию пунического города, которая, кстати говоря, развивалась со временем. Сопоставление литературных источников с эпиграфикой позволило получить дополнительные сведения о различных политических функциях и органах принятия решений в Карфагене.

♦ Царь в Карфагене?

Классические авторы, намекая на наличие царей (базилевс, рекс) в Карфагене, положили начало научному спору между сторонниками и противниками существования монархической фазы в развитии пунического общества. Но если на финикийском Востоке институт царей был непоколебим и царь сосредоточивал в своих руках

политические, военные и священные функции, о чем свидетельствует длинная надпись, выгравированная на саркофаге Эшмуназара II, царя Сидона, правившего в V столетии, на финикийском Западе, в частности в Карфагене, все обстояло иначе. Большая часть исследователей пришли к единому мнению, что у термина «царь», упоминаемого в греческих и латинских текстах, не было аналога в пуническом мире. Прежде всего отмечается, что этот титул употреблялся преимущественно во множественном числе, что может показаться странным для монархии, хотя тем самым он достаточно полно отражал карфагенские политические реалии, если допустить, что цари, о которых говорится в этих источниках, были, по крайней мере, в данную эпоху суффетами (см. ниже). Во-вторых, многообразие греческих и латинских терминов (базилевс, стратег, дукс, рекс), употребляемых авторами, свидетельствует о трудностях, с которыми они столкнулись при наименовании функции, суть которой они плохо улавливали. Но если это недопонимание можно как-то объяснить в отношении греков, то в том, что касается римлян, среди политических институтов которых был консулат, выполняющий функции, подобные функциям, возложенным на суффетов, это кажется удивительным.

В прямых источниках явно не утверждается, что в один из исторических периодов развития в Карфагене существовал монархический строй. Так, если в финикийских надписях, обнаруженных на восточном побережье или Кипре, встречается упоминание о царях, то ни в одном пуническом тексте, относящемся к Карфагену или любому другому пуническому городу, о них не говорится.

Случай с фьефом, который Баркиды выкроили себе в Испании, а именно в Валенсии (Аликанте, Новый Карфаген), свидетельствует о совершенно ином явлении. В древних источниках говорится о династической преемственности: Гамилькар, Гасдрубал, Ганнибал, затем Гасдрубал-младший. Опираясь на факт сосредоточения власти в руках Баркидов и на их автономию (в частности, в том, что касалось чеканки монет), многие исследователи наделили членов этого клана стремлением основать военную монархию по типу эллинистической. В серии портретов, изображенных на монетах, выпущенных в Испании, усмотрели отблеск официальной пропаганды, которая в попытке уподобить Баркидов божествам стремилась представить их монархами, увенчанными лавровыми венками либо с царскими диадемами, либо с булавой Геракла-Милькарта. Нельзя, разумеется, отрицать влияние Александра и его преемников, которое они не могли не оказывать на аристократию Средиземноморского бассейна, но в настоящий момент в нашем распоряжении нет ни одного серьезного доказательства, свидетельствующего в пользу существования независимого царства Баркидов в Испании. Автономная чеканка монет не может рассматриваться в качестве доказательства, поскольку она вообще была свойственна пуническому миру, и подтверждением этому служит чеканка монет на Сицилии, произведенная для оплаты наемных войск. И ничего нет удивительного в том, что то же самое происходило и в Испании, где Баркиды были вынуждены содержать несколько армий. Следует напомнить, что Баркиды никогда и не пытались окончательно разорвать отношения с Карфагеном.

Напротив, они, как нам кажется, неукоснительно следили за тем, чтобы получить одобрение со стороны карфагенских властей в отношении всех их начинаний и действий. В частности, они предоставили в полное распоряжение их родного города колоссальные залежи полезных ископаемых Нового Карфагена для финансирования уплаты военных контрибуций и перевооружения армии.

♦ Суффеты

Авторы, писавшие на греческом языке, называли суффетов базилевсами или архонтами, тогда как латинские авторы называли их рексами, дуксами, преторами или императорами, используя в своих произведениях также транскрипцию финикийского слова «суфет» или «суффет». Многообразие терминов, используемых этими авторами, является отражением сложности нахождения точного эквивалента для обозначения этой функции в греческом и латинском мирах. Как мы уже говорили выше, многообразие используемых терминов, в частности использование слов «рекс» на латыни и «басилевс» на греческом языке, породили путаницу — видимо, уже со времен античности — в отношении реального существования монархического строя в Карфагене. В наши дни ученые пришли к единому мнению, основанному на предположении, высказанном около века тому назад крупным исследователем Северной Африки Стефаном Гзеллем, согласно которому термины «басилевс», «рекс» и «суффет» являются синонимами.

Первоначальное значение корня *špt*, произношение которого несколько отличается от

его произношения на иврите (суфет вместо шофет), — это больше чем судья, правитель или тот, кто осуществляет власть. О присвоении этого титула в Карфагене или на подвластных ему территориях можно судить по большому количеству эпиграфических посвящений. Институт суффетов существовал и на Востоке, где он получал развитие там, где монархический строй приходил в упадок. По свидетельству Иосифа Флавия, так произошло в Тире в VI веке, когда в 585 году, после тринадцатилетней осады Тира войсками Навуходоносора, управление городом было доверено суффетам. Отдельные упоминания об этой постепенно затухающей функции встречаются также в IV—III веках, а ее существование, кроме стран Востока, прослеживается в Кitione в IV столетии.

На финикийском Западе институт суффетов был широко распространен, и подтверждения этому мы встречаем и в Карфагене, и в целом в Северной Африке, на Сицилии, Сардинии и, видимо, если верить Титу Ливию (XXVIII), он существовал в Испании, в Кадиксе. Будучи муниципальным образованием, он не канул в лету после падения Карфагена, поскольку мы встречаем этот титул и в неопунических надписях или в латинской транскрипции (суф или суфф, суфет или суффет во множественном числе).

В карфагенских текстах упоминается около ста суффетов, что говорит о том, что этот титул присуждался лицу, исполняющему возложенные на него обязанности, пожизненно. Многие карфагеняне называли себя таким-то сыном такого-то суффета. Ввиду неоднозначности этого термина (верховный магистрат или простой судья) неко-

торые комментаторы задаются вопросом: все ли эти лица осуществляли функции, относящиеся к верховной магистратуре, или между ними существовала иерархия?

Но даже если упоминания о них встречаются часто, что позволило понять некоторые характерные особенности института суффетов (способ назначения, привилегии), отдельные стороны их деятельности все еще остаются для нас неясными. Это, в частности, относится к их количеству. Нам известно, что в III—II столетиях, то есть в период Пунических войн, два суффета-эпонима (давших свои имена годам правления) руководили Карфагеном. По мнению некоторых исследователей, их число было зафиксировано после реформы, имевшей место в то же время. По мнению других, в V веке избиралось вдвое большее число суффетов.

Согласно древним авторам, должность суффета не была наследуемой. Кандидаты в суффеты избирались ежегодно в зависимости от их достоинств и заслуг и более всего в зависимости от их материального положения. Аристотель видел в этом залог их эффективной работы: имея состояние, они бы не стремились обогащаться за счет своих сограждан. Нам неизвестно, имели ли они право повторно избираться после окончания срока их полномочий. Будучи раз избранными, суффеты присваивали свои имена текущему году (см. Измерение времени, гл. V). Многие надписи, содержащие посвящение или составленные в ознаменование какого-либо события, датировались следующим образом: в год суффетов X и Y, сыновей Z. А в одной из них говорится о переходе из одной магистратуры в другую. Подобный

тип указания даты встречается также на Сицилии и на Сардинии.

Существует предположение, что карфагеняне или по крайней мере Совет старейшин (сенаторы) неустанно следили за справедливым распределением обязанностей между двумя суффетами-эпонимами, поскольку, если и можно выделить нечто постоянное в политической организации пунического мира, так это стремление никогда не допускать концентрации власти в руках одного магистрата, будь он гражданским лицом или военным.

Древние авторы, в частности Аристотель, наделяли суффетов многими привилегиями, например, они обладали правом созывать Совет старейшин (Сенат), возглавлять его и назначать повестку дня. Они вникали в вопросы судопроизводства, но круг их обязанностей в этом случае нам определить не удалось. Их полномочия и поле их деятельности также далеко не всегда нам понятны. Так, нам неизвестно, каким образом происходило разделение власти (внутренние/внешние дела; гражданское администрирование/управление военным ведомством и т.д.). При современном состоянии имеющихся в нашем распоряжении документов полномочиями суффетов, как нам кажется, охватывалась не только военная сфера. Например, Ганнибал Барка, избранный суффетом в 196 году, не совмещал, по всей вероятности, обязанности суффета с функциями главнокомандующего армией. Стефан Гзелль полагал, опираясь на литературные свидетельства, что некоторые «цари» (подразумевается суффеты) проводили военные кампании в период действия их полномочий. У нас нет в этом полной уверенности, по-

сколько, если принимать во внимание тот факт, что титул сохранялся и после окончания срока полномочий. Вполне возможно, что лица, упомянутые древними авторами, осуществляли свои функции суффетов до того, как на них было возложено командование армией. Наконец, мы также не уверены в том, что суффеты, в отличие от римских консулов и финикийских царей, должны были исполнять, кроме основных обязанностей, и жреческие функции.

♦ Рабы*

Титул *раб* (Rb) нам известен только лишь из текстов надписей. Буквально он означает «глава, руководитель». Вместе с дополнением он может обозначать главу или главнокомандующего армией (Rb Mhnt, см. Армия), главу жрецов или верховного жреца (Rb Khnm), главу писцов (Rb Sprgm) и т.д. Как нам кажется, между ними существовала иерархия, поскольку в надписях упоминаются *рабы* второй и третьей категории (см. Армия).

В Карфагене (что вообще не характерно для стран Востока) этот титул, употребляемый вместе с артиклем, может сопровождать имя собственное, как в случае с Баалшиллеком *рабом*, останки которого были обнаружены в конце XIX века. Эти персонажи, вероятно, занимали в обществе высокое положение, поскольку иногда они носили титул суффетов или фигурировали в надписях наряду с суффетами. Кстати говоря, при датировке некоторых надписей использовалось

* Не путать с рабами, то есть несвободными людьми.

имя собственное *ра́бов* (см. Измерение времени, гл. V). Таким образом, вполне возможно, что этот титул был эквивалентом титула сенатора, то есть члена Совета старейшин. Но за неимением более точных данных нам нечего добавить к вышесказанному, особенно в отношении их обязанностей или предоставляемых им привилегий.

◆ Ассамблеи

Беря за основу литературные источники, мы пришли к выводу, что в Карфагене заседали две ассамблеи. Верхняя палата представляла собой что-то вроде Сената, который Аристотель, а впоследствии Полибий называли Советом старейшин, а нижняя палата была Народной ассамблеей. По отрывку из «Ливийской книги» (84) Аппиана нам известно, что заседания обеих палат проходили под покровительством божества, по всей вероятности, знаменитого гения Карфагена, упомянутого в договоре между Ганнибалом и посланниками Филиппа V (см. Дипломатия и международные отношения). Их роль, властные полномочия и обязанности, а также их состав, вне всякого сомнения, изменялись со временем, в частности между периодом, описанным Аристотелем, и той эпохой, о которой говорил Полибий, и поэтому непросто составить о них более или менее правдоподобное представление.

Совет старейшин, который Аристотель удачно назвал герусией*, являлся верхней палатой Карфагена. Пунический термин, используемый

* Герусия — в Древней Греции совет старейшин в городах-государствах (полисах).

для обозначения этого органа, нам неизвестен, но он вполне может соответствовать неопуническому выражению, обнаруженному в 92 году нашей эры в Лептис-Мagne, в Ливии: 'dr' 'lprqy, который буквально обозначает «великие Лептиса», но который принято переводить как «[Совет] сенаторов Лептиса». Герусия Карфагена, с которой Аристотель сравнивает герусию Спарты, являлась органом, типичным для олигархических режимов и, следовательно, довольно древним, хотя аргументами, говорящими в пользу его древности, мы не располагаем. У нас нет также данных относительно его состава и количества его членов, даже если в не менее древних источниках содержатся аллюзии, которые наводят нас на мысль, что их было около 100 человек. То же самое можно сказать о том, как происходило вступление в эту должность: была ли она выборной или назначаемой? Принимая во внимание, что аристократия, по всей вероятности, монополизировала вплоть до последних дней существования Карфагена этот орган, вполне вероятно, что сенаторов назначали. Что касается срока исполнения ими своих обязанностей, то большинство исследователей сходятся во мнении, что сенаторами становились пожизненно, что вполне соответствовало олигархическому обществу и что объясняет их количество, доходящее до многих сотен, о чем свидетельствуют источники. Вполне возможно также, что именно против такого положения вещей выступил Ганнибал, проведя соответствующий закон в тот период, когда он был избран суффетом.

Сенат, как нам кажется, имел широкие полномочия. Согласно Аристотелю, в Сенате совместно

с суффетами рассматривались публичные дела, и только в случае разногласий они передавались на рассмотрение нижней палаты (Народной ассамблеи). Сенат издавал законы, на его заседаниях обсуждались вопросы войны или заключения мира. Сенат принимал послов, имел право посылать с конкретными заданиями делегации, а по их возвращении заслушивать отчеты о выполнении порученной миссии. Именно Сенат объявлял о наборе солдат в армию, в частности назначал полководцев, которым передавал указания и инструкции. Военачальники держали членов Сената в курсе дела относительно проводимых ими военных кампаний. Власть Сената, несомненно, претерпевала со временем изменения, в частности в период Пунических войн, когда Народная ассамблея начала играть ведущую роль в политической жизни Карфагена. Хотя у нас не вызывает сомнений тот факт, что Сенат не утратил своих полномочий в сфере международных отношений. Так, в 218 году именно к Сенату обратился Рим с просьбой выдать ему Ганнибала, а в 149 году Сенат принял решение дать отпор римлянам и организовать защиту Карфагена.

Что касается его структуры и функционирования, то в их основе лежали комиссии и советы в узком составе. Сопоставив литературные источники с текстами надписей, ученые пришли к выводу, что комиссии, назначаемые в случае необходимости для решения любых возникающих проблем, состояли из тридцати человек. Так, по сообщению Полибия (I, 87, 3), в ходе войны наемников (241–238 годы) Сенат назначил комиссию из тридцати человек, на которую была возложена обязанность восстановить мир между

Ганноном и Гамилькаром, двумя предводителями-соперниками, в целях организации обороны города. Со своей стороны, Тит Ливий (XXX, 16, 3) упоминает о назначении в 203 году *consilium sanctius*, состоящем из тридцати человек. Существование подобных комиссий подтверждается также текстами надписей. В одной из них говорится о комиссии, состоявшей также из тридцати человек, на которую была возложена обязанность расчета тарифов для религиозных подношений. В другой упоминается комиссия из десяти человек, в ведении которой были святилища. Можно заметить, что оба числа были кратными пяти и что эти различные по своим функциям комиссии могли соответствовать «пентархиям» Аристотеля, хотя он был единственным автором, упоминавшем о них.

Что касается Совета ста четырех, о котором также сообщает Аристотель, то в этом случае могла идти речь о совете, созванном в V веке для осуществления контроля над властными структурами, которые состояли из представителей великих кланов, и предотвращения диктаторских «замашек» у некоторых из них. Если верить Юстиниану (XIX, 2, 5–6), в него входили сто судей, избравшихся из числа сенаторов. А членам совета, помимо всего прочего, вменялось также в обязанность заслушивание военачальников по окончании каждой военной кампании.

В классических источниках подразумевается, что Народная ассамблея также была давним образованием, поскольку, по словам Юстиниана (XVIII, 7), она созывалась еще в VI веке для проведения разбирательства по делу Карфалона. Однако несмотря на относительно важные полномо-

чия, которыми она обладала, в государственные дела она могла вмешиваться только по инициативе суффетов. Именно на них была возложена обязанность ее созыва. И тогда ее заседания происходили на большой площади (агоре или форуме, упоминаемых в классических источниках), во время которых обсуждались вопросы, представленные на ее рассмотрение, вне зависимости от того, получили ли решения по этим вопросам одобрение со стороны суффетов и Совета старейшин или нет. Как сообщает Аристотель, члены нижней палаты могли высказывать критические замечания и выдвигать свои контрдоводы.

На самом же деле, за редкими исключениями, Народная ассамблея была отстранена от принятия важных государственных решений. И только начиная с эпохи правления Баркидов ее роль возросла, в связи с чем Полибий, сравнивший конституции Рима и Карфагена, заметил: «В Карфагене глас народа имел решающее значение при обсуждении любых вопросов, в то время как в Риме только лишь Сенат обладал всей полной властью. У карфагенян превалировало мнение большинства, а у римлян — мнение элиты общества» (VI, 7, 51). Это новое положение вещей сложилось в 194 году, то есть и именно в тот период, когда Ганнибал осуществлял функции суффета и когда Народная ассамблея приняла решение об отмене привилегий судейского корпуса, члены которого назначались до этого судьями пожизненно.

Надписи, в которых упоминается Народная ассамблея (графически выглядит как 'm + название города, например, 'am Qarthadašt), относительно многочисленны, даже с учетом того, что

они появились не ранее III столетия. В них содержится полезная информация о ее членах (см. Социальные классы) и ее полномочиях. Нам известно, что Народной ассамблеей издавались постановления, подтверждающие освобождение от рабства (см. Социальные классы). Ею принимались решения о начале строительных работ (перedelка и реставрация храма на Мальте или возведение ворот в крепостной стене Карфагена и т.д.), о назначении архитекторов и контролеров за проводимыми работами, а также сборщиков налогов.

ПРАВО И ПРАВОСУДИЕ

Наши знания о карфагенском правосудии весьма поверхностны. Хотя содержащиеся в литературных источниках отдельные обрывистые сведения, а также информация по правосудию, которую мы крайне редко встречаем в текстах надписей, дают возможность получить некоторое представление об отдельных его аспектах.

Не всегда легко идентифицировать всех действующих лиц судебного процесса, и если одно из первоначальных значений термина *Špt* — «судья», то вполне допустимо, что суффетам, по крайней мере одной из их категорий, поручалось заниматься законотворчеством и вершить правосудие. Именно это подразумевает Тит Ливий (XXXIV, 61, 14–15), когда утверждает, что управление всем процессом судопроизводства было прерогативой суффетов. Членами корпорации судий (XXXIII, 46, 1), о которой он упоминает и на которую ссылается Аристотель в своей «Политике» (II, 11, 7), видимо, были исключительно

суффеты. Хотя Юстиниан (XXI, 4, 5) утверждает обратное, когда говорит, что именно Сенат обновлял закон, ограничивающий расходы на проведение свадебных церемоний. И, по словам все того же Юстиниана (XX, 5, 13), Сенат же издал закон, запрещающий изучение греческого языка в Карфагене.

До нас дошло мало сведений относительно того, как осуществлялось функционирование правосудия. Нам неизвестно, какие наказания предусматривались законом, в каких случаях они применялись, какие возможности предоставлялись обвиняемым для собственной защиты. Разумеется, в античных источниках нашла отражение смертная казнь через распятие, но это касалось только потерпевших поражение в боях генералов, восставших наемников и относилось скорее к военному праву, чем к гражданскому. Тит Ливий (XLIV, 61,14–15) определяет место, где ежедневно собирались судьи, как многолюдное. И можно в таком случае выдвинуть предположение, что заслушивание дел происходило на главной площади под портиком или в аналогичном помещении.

Что касается публичного права, то, как нам кажется, управление африканскими городами, где получил распространение институт суффетов, строилось, по всей вероятности, на основе пунического права. И вплоть до II века нашей эры, то есть три столетия спустя после разрушения Карфагена, их возглавляли два или три суффета, замененные впоследствии латинскими дуумвирами или триумвирами. Но больше, к сожалению, нам сказать нечего.

До нас дошло очень мало документов относительно частного права. Можно только дога-

дываться о его существовании, читая тексты пунических и неопунических надписей, перевод которых не всегда верен. Но в этой связи можно упомянуть одну весьма интересную надпись, выгравированную на стеле, воздвигнутой одним рабом. Текст надписи свидетельствует о том, что обычай передавать имущество по завещанию был широко распространенным явлением. В нем также указывается, что продажа или уступка любого имущества, включая выкуп рабом своей свободы, осуществлялись путем уплаты денежного возмещения, а сделки оформлялись актом, скрепленным печатью. Судя по весьма двусмысленному намеку Корнелия Непота (Гамилькар. III, 2), *praefectus togit* должен был, видимо, следить за добронравным поведением карфагенян. И скорее всего именно этот чиновник запретил Гамилькару Барке и Гасдрубалу, его будущему зятю, встречаться, поскольку они состояли в гомосексуальной связи. Стефан Гзелль, крупный исследователь истории античной Африки, предположил, что этот чиновник исполнял функции магистрата, наделенного, вероятно, полномочиями римского цензора или префекта полиции.

Морское право, благодаря отдельным аллюзиям, содержащимся в текстах римско-карфагенских договоров, нам известно в большей степени (см. Дипломатия и международные отношения). В них встречаются некоторые положения, которые впоследствии были взяты за основу морским правом, ими, например, предусматривались ситуации, когда корабли под влиянием ветров отклонялись от курса, а также определялись возможности пополнения продовольственных запасов и осуществления искупительных жертвопри-

ношений. Подобные положения, видимо, существовали и для судов, терпящих кораблекрушение.

ФИНАНСЫ

Доходы карфагенского государства, видимо, пополнялись за счет налогов, взимаемых с населения подчиненных ему территорий (с нумидийцев, сардов, греческих городов на Сицилии?), но, как мы уже видели выше, не с граждан Карфагена.

Но основным источником доходов для пунического города были таможенные пошлины, которыми облагались товары, проходившие транзитом через порты, контролируемые Карфагеном. Первым договором, заключенным в 509 году с Римом, предусматривалось, что карфагенские чиновники должны были присутствовать при заключении любой международной торговой сделки, чтобы — и у нас нет в этом сомнения — взимать налоги.

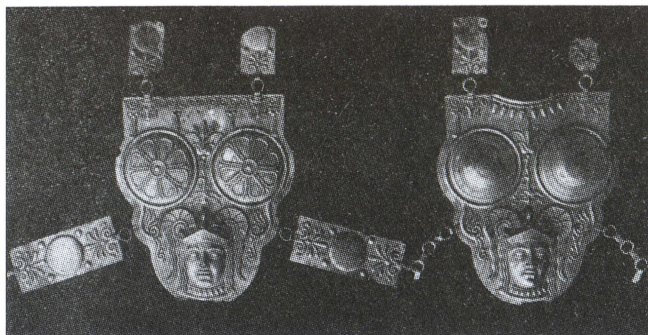
Вполне возможно, что государство принимало участие в разработке залежей полезных ископаемых и в производстве сельскохозяйственной продукции на подчиненных ему территориях. В литературных и эпиграфических источниках содержатся упоминания по крайней мере о двух таких регионах. Первое упоминание относится к VI веку, когда карфагенские армии дошли до Иглезиенте на Сардинии, где основали, в частности, поселение Монте Сираи; а второе упоминание относится к более позднему периоду, когда в III столетии Баркиды принялись за разработку рудников на соседних с Карфагеном территориях.

Всеми финансами города ведали Mhšbm (корень этого семитского слова означает «оценивать», «считать», «подсчитывать»). Если верить Титу Ливию, аналогами этих чиновников были латинские квесторы. Они, как нам кажется, обладали достаточно широкими полномочиями, которые обычно входили в компетенцию главного казначея. На серебряных тетрадрамах, отчеканенных на Сицилии между 300 и 289 годами, предназначенных для оплаты наемников в пунических армиях, имеется надпись «Mhšbm». Но в обязанности этих последних входило не только распределение государственных средств. Они также собирали налоги, взимали штрафы, о чем гласит надпись, обнаруженная в Карфагене в 60-х годах прошлого века. Позже их функции были возложены на махацимов (Mahazim). Этот титул, обычно переводимый как «инспектор рынка», соответствует должности эдила в Риме, о чем свидетельствует довольно поздняя надпись, обнаруженная в Лептис-Магне и датированная II веком нашей эры.

АРМИЯ

Может показаться странным, но нация, давшая миру величайших в истории полководцев, никогда, как нам кажется, не приветствовала войну. Изучая ее событийную историю, ученые пришли к выводу, что для держателей власти в Карфагене основополагающей истиной стала поговорка: «Худой мир лучше доброй ссоры». Шла ли речь о членах Сената или о простых гражданах, армия и война никогда не пользовались особым расположением карфагенян. Верхняя палата

Панцирь, принадлежавший одному из воинов Ганнибала

всегда держала своих генералов «под прицелом». Сенаторы использовали каждый промах или поражение в войне, чтобы сослать или, хуже того, распять на кресте неудачливого командира. Что касается граждан, то их, казалось, вполне устраивало то, чтобы кто-то, а еще лучше — наемники защищали интересы республики. И это впечатление подтверждается археологическими данными. Так, довольно редко встречается оружие в карфагенских захоронениях. И точно так же на богатом по репертуару иконографическом материале, изображенном на стелах тофета, практически нет изображений воинов или оружия.

Это объясняется, видимо, призванием Карфагена. Для города или, по крайней мере, для доминирующей части его аристократии, настоящая война всегда была коммерческим мероприятием. Для Карфагена важнее было создавать, поддерживать и защищать сеть (видимо, торговую. — *Примеч. пер.*), чем контролировать подвластные территории (см. Владения Карфагена, гл. II). И ради этой цели его правители были готовы ввязаться в любой конфликт, о чем свидетельствует битва при

Алалии и войны, проводимые на Сицилии и Сардинии в течение VI столетия, хотя подобное было относительно редким и ограниченным во времени явлением. Следует отметить, что у Карфагена не было постоянной армии. Она формировалась по мере объявления войн и тут же распускалась по окончании военных действий. Потребовались поражение в 480 году при Гимере и приход к власти Баркидов (что, видимо, повлияло в большей степени), чтобы в обществе отношение к армии, ее генералам и к их роли в жизни государства изменилось в положительную сторону.

◆ Командование армией

Кроме одного-единственного случая, когда во главе армии стоял Ксантиппа, верховное командование карфагенской армией систематически возлагалось на представителей аристократических кланов. Главнокомандующим был чрезвычайный магистрат, избранный без ограничения во времени для ведения войны. Выбор главнокомандующего был прерогативой Народной ассамблеи, о чем нам сообщают Аристотель («Политика». II, 11, 9) и Диодор Сицилийский (XXV, 8). Эта процедура позволяла, по крайней мере теоретически, убедиться в том, что их избранник обладал всеми необходимыми качествами для победного завершения своей миссии. Но неоднократные поражения, понесенные пуническими армиями, говорят о том, что выбор главнокомандующего часто обуславливался не столько его формированием как военного, сколько его богатством и умением очаровывать толпу. Одному и тому же полководцу иногда поручалось возглавлять несколь-

ко поочередно проводимых кампаний. И именно поэтому Баркидам удалось успешно завершить их испанский проект. Но существовали и другие военачальники, еще до Баркидов неоднократно избиравшиеся на этот пост. Наряду с этими должностями, вводимыми на случай чрезвычайного положения, существовали и военные губернаторы, которых Полибий и Аппиан называли боэтархами и которые должны были обеспечивать покой и порядок в провинциях в мирное время (Африка, Сицилия, Сардиния). По всей вероятности, они также назначались Народной ассамблеей.

Эпиграфические источники не позволяют нам узнать, какое выражение соответствовало понятию «военачальник» в Карфагене. Вполне возможно, что им был термин *rab*, часто встречающийся в надписях. Но в любом случае для нас ясно, что в раннюю эпоху существовал титул *Rb Mhnt*, то есть «глава армии». И именно это выражение употреблялось в неопунических текстах, обнаруженных в Триполитании, в частности в Лептис-Магне, для перевода термина консул. Это наводит на мысль, что термины стратег, дукс или диктатор, используемые греческими и латинскими авторами, соответствовали титулу *Rb Mhnt*, а не титулу суффета (см. Политические институты и осуществление власти).

Об иерархии внутри пунической армии нам мало что известно, поскольку в классических источниках содержатся только общие сведения: лейтенант, командующий кавалерией и т.д. В этом случае эпиграфические источники нам кажутся более точными, поскольку они дают нам возможность свести воедино некоторые данные

относительно титулов и уровней командования. Так, в тексте, обнаруженном в Сидоне (современный город Саида в Ливане), упоминается некий Rb Šny (командир второй ступени, уровня?), а в другой надписи, найденной в Карфагене, говорится о Rb Šlš (командире третьей ступени?). Два других текста, обнаруженных один в Тире (современный Сур в Ливане), датируемый III веком, а другой в Дугге (Тунис), относящийся ко II столетию, являются более точными, поскольку в них упоминается о некоем Rb M'T, то есть о командире центурии.

Наконец, в более поздней надписи из Триполитании (15–17 годы нашей эры) содержится уникальное выражение: Rb t'ht rb mhnt. Буквально оно означает: «командир под командованием главнокомандующего». Речь, видимо, идет не о пуническом титуле, а о переводе, по мнению специалистов, на пунический язык латинского титула проконсула.

♦ Состав армии

По своему составу пуническая армия существенно не отличалась от других армий того времени. Она состояла из граждан, подданных, проживающих на территориях, подконтрольных Карфагену, союзников и, наконец, наемников. Именно по количественному составу каждой из ее частей она отличалась от греческой и римской армий.

Граждане. В противоположность ситуации, сложившейся в греческом мире и в Риме, воинская повинность, как нам кажется, не коснулась карфагенских граждан. Тем не менее одно заме-

чание Юстиниана наводит на мысль, что в середине VI века карфагенская армия под командованием Малха по большей части состояла из граждан Карфагена, поскольку и сам командир, и почти все его воины были приговорены к изгнанию после разгромного поражения на Сардинии. Но в последующие периоды, за исключением чрезвычайных случаев, когда, например, город оказывался в опасности (военные кампании Агафокла, война наемников, экспедиции Регула, высадка Сципиона Эмилиана), доля карфагенян в пунической армии, видимо, была незначительной, а набор в нее осуществлялся на добровольной основе.

Но некоторое количество карфагенских граждан тем не менее принимали участие в войнах, которые вел их город. Аристотель говорит, что у них был обычай носить количество колец, соответствующее числу войн, в которых они участвовали (Политика. VII, 2, 6). А Диодор Сицилийский сообщает, со своей стороны, что существовал «священный батальон», сформированный из 2500 молодых карфагенян, представителей благородного сословия, которые участвовали в битве при Кримисе против войск Тимолеона (XVI, 80, 4; см. Сицилия — поле битвы, гл. I).

Карфагенские граждане были вооружены копьями и мечами, а защищал их щит удлиненной формы. В пехоте они сражались, выстроившись, видимо, в линию. Те из них, кто был благородного происхождения, приобретали снаряжение на свои собственные средства и поэтому были лучше экипированы. Так, члены священного батальона были, по словам Плутарха, очень хорошо вооружены и экипированы: у них были бронзо-

вые каски, железные доспехи и круглые белые щиты (Тимолеон. 27 и 28).

Многие историки объясняют незначительное количество карфагенских граждан в их войсках стремлением сохранить население и не отвлекать его от экономической деятельности. Но, если провести параллель с греческими городами, то этот аргумент окажется довольно слабым. Тот факт, что их армии состояли только лишь из граждан, не помешал некоторым из них вести чрезвычайно активную коммерческую политику. И как бы там ни было, несмотря на довольно скромное число карфагенских граждан в войсках, у пунической армии никогда не было недостатка в солдатах, о чем свидетельствуют цифры, приведенные древними авторами и, напомним, часто преувеличенные. Набирались ли эти воины из числа наемников, союзников или подданных, проживающих на территориях, подчиненных Карфагену, все они получали вознаграждение и пользовались льготами, выраженными в натуре (оружие, лошади, пшеница и т.д.).

Рекруты подвластных Карфагену регионов. Если набор в армию не касался граждан, то им охватывались, как нам кажется, все без исключения жители регионов, подвластных карфагенскому государству. В литературных источниках содер­жится мало убедительных сведений по этому поводу, и поэтому этих лиц, призванных в армию по набору, часто трудно отличить от союзников или наемников. Но мы почти уверены в том, что те из них, кого в литературных источниках называют ливийцами, то есть вообще африканцы, за исключением нумидийцев и мавров, как раз и были теми рекрутами подчиненных Карфагену

регионов, которые были обязаны пройти военную службу в армии. Начиная с V века они неизменно участвовали в войнах на стороне Карфагена. Прекрасные воины, ловкие и стойкие, они сражались в легкой пехоте. В общих чертах их вооружение состояло из дротика, кинжала и круглого кожаного щита, что позволяло им устраивать засады. Но в рукопашном бою, главным образом с греческими гоплитами и римскими легионерами, их боеспособность падала.

На Сицилии у Карфагена, как нам кажется, не было возможности осуществлять обязательный призыв в армию. И здесь воины вербовались из числа союзников или наемников. Логично было бы предположить, что на Сардинии, которая, начиная с V столетия, воспринималась карфагенянами как их личный охотничий заповедник, сарды будут широко представлены в пунической армии, особенно после операций по усмирению, проведенных этой же армией в глубине Сардинии. Но ничего подобного не произошло, и в классических источниках упоминаются всего лишь два случая участия сардов в военных действиях на стороне карфагенян: во время битвы при Гимере в 480 году и в армии Магона, проводившего военные операции на Сицилии в 393—392 годах. Кстати говоря, в источниках не уточняется их статус: были ли они наемниками или набирались в армию по призыву.

О статусе иберийцев мы можем говорить с большей уверенностью, поскольку до завоевания Испании Баркидами они не были подвластны карфагенянам. И в этот период они были либо союзниками, либо наемниками. Вследствие экспансии Баркидов ситуация изменилась, но совершенно необязательно, чтобы Гамилькар и его на-

следники воспринимали иберийцев как своих подчиненных. И, например, их матримониальная политика (повторный брак Гасдрубала, женитьба Ганнибала) свидетельствует о том, что они во главу угла ставили установление союзнических отношений с населением полуострова. Смелые и выносливые, иберийские солдаты чаще всего использовались в небольших столкновениях, хотя в пехоте под командованием Ганнибала они формировали неприступный и дисциплинированный строй. Их вооружение состояло из круглого кожаного щита, который вскоре был заменен галльским овальным щитом. В литературных источниках сообщается, что в битве при Каннах именно этот щит являлся для иберийских пехотинцев их единственной защитой и что у них не было ни касок, ни кольчуг на их туниках из белого льна, украшенных пурпурной вышивкой. Что касается их оружия, то у них был национальный короткий меч с изогнутым лезвием, который назывался фальката.

Балеарцы, выходцы с островов Ибица, Майорка и Минорка, упоминаются в надписях на Сицилии с конца V века, также подтверждается их участие в битве при Заме в 202 году. Они прославились благодаря своему безупречному владению пращей, их национальным оружием. По словам Плиния Старшего (Н. N. VII, 201), оно было заимствовано ими у финикийцев. Вполне логично предположить, что, проживая в зоне финикийского, а затем пунического влияния, они в качестве подвластных Карфагену были вынуждены проходить обязательную военную службу. Хотя многие древние авторы утверждают, что они зачислялись в армию как наемники.

Союзники. Армия Карфагена насчитывала немало воинов из числа союзников, влившихся в ее ряды. Первыми среди них были этруски в прибрежье Тирренского моря и элимы на Сицилии. Но если в литературных источниках сохранились названия этих союзников, то в них отсутствует, главным образом в отношении ранних периодов, информация о способах вербовки и вознаграждении, предоставляемом Карфагеном за отправку ему воинских контингентов.

Этруски были союзниками в битве при Алалии (см. Карфаген — могущественная автономная держава, гл. I). Хотя их военное сотрудничество не ограничивалось только одним этим эпизодом. Оно продлилось вплоть до IV столетия, о чем свидетельствует обнаружение в Тарквинии саркофага, две почти идентичных копии которого были обнаружены в Карфагене, что говорит о существовании не только торговых отношений, но и военного сотрудничества. Однако впоследствии отправка этрусками 18 военных кораблей в помощь Агафоклу, чтобы прорвать кольцо блокады, в которое карфагеняне заключили Сиракузы, подтверждает факт распада их альянса.

В течение всего периода финикийского, а затем пунического присутствия на Сицилии элимы были их верными союзниками. Их военные соединения принимали участие во всех войнах, которые вел Карфаген. И по-другому не могло и быть, поскольку территории как одних, так и других тесно соприкасались (Сегеста и Эрикс, два главных города элимов, были расположены между Палермо и Лилибеем) и борьба против греков затрагивала интересы обоих народов.

Нумидийцы, шла ли речь о царствах Масаэсил или Массил, были самые боеспособные союзники Карфагена, но и в то же время самые непредсказуемые. Их войска оказали неоценимую услугу во время завоевания Испании и в первой половине Второй пунической войны. Именно благодаря быстрой и натиску их кавалерии Ганнибал нанес тяжелые поражения римлянам. Столь же стойкие и выносливые, как и ливийцы, они были наиболее приспособлены для проведения разведывательных миссий. Признанные всадники, они носились на своих маленьких лошадках без седел, изводя противника и окружая его вихрем своих атак. Как нам кажется, в качестве союзников они участвовали во всех войнах Карфагена. Из источников до нас дошло по меньшей мере два имени командиров конницы: Нар Гаваса, оказавшего решающую поддержку Гамилькару во время войны наемников, и Массиниссы, служившего при Баркидах в Испании. Но переход Массиниссы на сторону неприятеля из-за сношений пунийцев с Сифаксом, его противником, дорого стоил Ганнибалу, проигравшему битву при Заме. Карфаген оказался во власти тем более опасного и серьезного врага, что он был воспитан в традициях пунической культуры.

И наконец, во время войн в Италии Ганнибал заключил множество союзов, часть из которых были весьма действенными, хотя другие не имели продолжения. Так произошло с заключением союзного договора с Филиппом V Македонским, которым предусматривалась отправка в случае необходимости македонского контингента войск (см. Дипломатия и международные отношения). Но Филипп V не оправдал надежд карфагенян.

*Противостояние римской армии
и армии Ганнибала близ города Замы*

Союз с галлами северной и южной сторон Альп оказался более плодотворным. Он дал возможность пополнить армию большим количеством свежих сил. Среди союзников Карфагена упоминаются также лигурийцы. И именно поэтому Магону, младшему брату Ганнибала, удалось продержаться в Лигурии в конце Второй пунической войны. Позже в результате союзнических отношений, сложившихся с городами Кампании, в частности с Капуей, в армию Ганнибала влились новые воинские контингенты.

Наемники. Обычай прибегать к помощи наемников был свойственен не только Карфагену. Великие восточные империи набирали их в свои армии, начиная по крайней мере с V века. Армии персов и египтян насчитывали большое количество греческих наемников в своих рядах. О существовании в карфагенских армиях наемников впервые упоминается в 480 году, во время проведения военных кампаний на Сицилии.

В числе наемников были выходцы из Греции, с Иберийского полуострова, из Кампании, Лигурии, Галлии и, видимо, из Африки (с погранич-

ных с Сахарой территорий), если верить замечанию Фронтена, в котором сообщается о присутствии солдат с очень черной кожей во время экспедиций карфагенян на Сицилию в начале V века. Этруссские наемники также принимали участие в карфагенских кампаниях. Хотя иногда они сражались против своих же соплеменников на стороне врага, о чем нам сообщает Диодор Сицилийский, упоминая об их присутствии в обоих лагерях в ходе военных действий Агафокла в Африке в конце IV столетия (Диодор Сицилийский, XIX, 106; XX, 11).

Поступая в карфагенскую армию, эти люди заключали со своим нанимателем контракт, действие которого истекало по окончании войны. Кроме размера заработной платы, в него, как нам кажется, включались и некоторые другие положения, содержание которых нам неизвестно. Вполне возможно, что контрактом предусматривалась выплата отдельных возмещений на приобретение снаряжения (оружие, верховое животное) и продовольствия (пшеница).

Разумеется, не все наемники получали одинаковую зарплату. Многоопытные и хорошо экипированные греки или кампанцы, прошедшие через горнило многих войн, требовали более высокую плату, чем ливийские или лигурийские волонтеры, эффективность которых в битвах была невысокой. Среди греков особенно ценились спартанцы. И именно спартанскому наемнику Ксантиппе Карфаген был обязан своей победой в 256 году, когда Регул захватил его территорию (см. Рим на Сицилии, гл. I). Но вскоре, в правление Гамилькара, а затем и Ганнибала Карфаген приступает к вербовке солдат исключительно на западном

направлении: Африка, Иберийский полуостров, Цизальпийская и Трансальпийская Галлия, Кампания, а также острова становятся основными поставщиками наемников.

Армия наемников обладала не только некоторыми преимуществами (профессионализм), но и недостатками, главный из которых заключался в том, что солдаты, не имея никаких личных связей с городом, которому они служили, вполне могли покинуть поле битвы и повернуть оружие против своих же командиров, то есть перейти на сторону неприятеля. Именно об этом не преминули сообщить древние авторы, объясняя патриотизмом их легионеров стойкость и боеспособность римлян в сражениях с армиями Ганнибала. Карфаген, на собственном опыте испытывавший во время войны наемников реальную угрозу, которую могла представлять армия, готовая обрушиться на город, который она должна была защищать, так и не внес изменений в политику вербовки солдат в свои войска. Может быть потому, что у него не было альтернативы. И Гамилькар рекрутировал в свою армию большое количество наемников для захвата Иберийского полуострова.

Армия Карфагена, которая состояла из выходцев из разных стран, представляла собой пеструю мозаичную картину народов, говоривших практически на всех языках Средиземноморского ареала. Но это никак не отражалось на ее боеспособности. Войска были организованы по национальностям, из этой среды избирались нижние офицерские чины, осуществлявшие связь между своими солдатами и высшим офицерством, назначавшимся из представителей пунической аристократии. Не всегда владея языками, на ко-

торых говорили воины, эти офицеры прибегали к услугам переводчиков, что создавало почву для всякого рода махинаций. Этим переводчикам, даже при условии, что они были начисто лишены каких-либо амбициозных устремлений, было вполне по силам посеять недоразумения между своими соплеменниками и пуническими командирами, подстрекая тем самым к бунтам. Именно так и разразилась война наемников (см. Африканский Карфаген, гл. I).

♦ Организация и стратегия

Непрекращающиеся столкновения с греческими армиями не оставляли карфагенским генералам другого выбора: нужно было постоянно приспособливаться к новшествам в снаряжении и организации войск.

Становым хребтом карфагенской армии были легковооруженные ливийские войска пехотинцев. Очень боеспособные, подвижные и выносливые, они были вооружены копьями, круглым щитом и мечом. Но это снаряжение вызывает усмешку, если сравнить его с тяжелыми греческими фалангами. И, видимо, для того, чтобы восполнить этот пробел, был и создан «священный батальон», принимавший участие в битве при Кримисе (339 год), о котором упоминает Диодор Сицилийский (XVI, 80, 2). По своему вооружению и организации это формирование очень напоминает соединения гоплитов. Впрочем, в 310 году Агафокл противопоставил именно ему войско гоплитов (Диодор Сицилийский. XX, 10, 6).

Пехотинцы составляли большую часть карфагенской армии. И только постепенно, с течением

времени в нее были внедрены кавалерия, а затем слоны, эти настоящие танки античности. Если верить Диодору Сицилийскому, колесницы (биги и квадриги), присущие восточным империям, также использовались в карфагенских войсках вплоть до начала Пунических войн, что свидетельствует об удивительном постоянстве восточного архаизма на западе, тогда как лучники, другая серьезная составляющая восточных армий, почти никогда не упоминаются в составе карфагенских войск. Вскользь сообщается только о том, что они принимали участие в осаде Селинунта в 406 году (Диодор Сицилийский XIII, 54, 7).

Первоначально кавалерия сплошь состояла из нумидийцев. Но опять же с течением времени были сформированы пунические, иберийские и галльские подразделения всадников, хотя следует отметить, что нумидийская кавалерия всегда держалась особняком внутри карфагенской армии.

Наконец, введение слонов придало ту мощь рядам карфагенской армии, которой ей недоставало. В первый раз о них сообщается в литературных источниках в связи с попыткой карфагенян вырвать в 261 году Агригент из рук римлян. Легенда гласит, что именно Пирр продемонстрировал карфагенянам, как использовать этих животных в военном деле. Их столкновения и стычки с царем Эпира дали возможность не только карфагенянам, но и римлянам на собственном опыте убедиться в том, какой мощью обладают эти животные, названные «луканскими быками» (по названию области в Южной Италии. — *Примеч. пер.*). Но вполне возможно, что, начиная с периода завоеваний Александра Великого, карфагеняне знали, какую пользу могут принести им эти толстокожие и тяжелые животные.

Слоны в карфагенской армии

Теперь точно установлено, что речь шла о виде, обитавшем вдоль североафриканского побережья. Будучи меньше по размерам, чем индийские слоны, эти животные достигали в ширину не более 2,5 м. Их небольшие габариты не позволяли водружать на их спины башни, и поэтому на них восседали только погонщики слонов. Полибий и Аппиан считали, что они были родом из Индии. Вполне может быть, что карфагеняне, по крайней мере первое время, прибегали к помощи настоящих индусов, чтобы обучиться дрессировке слонов. Каждое животное защищали металлические пластины, и на каждом был подвешен колокольчик, который во время сражения приводил его своим звоном в возбужденное состояние. Однако это было обоюдоострое оружие. Если слоны с легкостью прорывали линию обороны противника, то в суматохе битвы они вполне могли обратить свой гнев на собственных хозяев. Карфагенская армия не раз сталкивалась со свирепостью этих мастодонтов, до такой степени разбушевавшихся от полученных ран, что погонщики, вооруженные железной пикой, вонзали ее в шею слону, если не могли привести его в чувство и теряли над ним контроль. Это усовершенствование приписывают Гасдрубалу-младшему, брату Ганнибала.

Карфагенские слоны в сражении

В области стратегии карфагеняне, одновременно вбирая опыт великих восточных империй и используя нововведения греков, смогли развить и разработать некоторые виды вооружения и тактические приемы. Когда в конце V столетия Карфаген решил перейти в наступление на Сицилии, Магонида — Ганнибал и Гимилькон — выгрузили впечатляющие осадные орудия, среди которых были передвижные башни, описанные Диодором Сицилийским. Они позволяли наступающим продвигаться вперед на глазах у защитников крепости, лишая их возможности оказывать противодействие саперам и воинам, обслуживающим таран. Если верить легенде, обнаруженной нами у Тертуллиана (О плаще. 1), этот тип орудия был изобретен карфагенянами. Он состоял из балки, один из концов которой был обит железом, подвешенной на рамочной конструкции. Толкаемый солдатами, которые сообщали ему движение маятника, таран, ударяя в стену, разрушал ее и пробивал в ней брешь.

Также финикийцам приписывают изобретение катапульты (Плиний Старший. Естественная история. VII, 201). Хотя в другом предании, вызывающем у нас больше доверия, говорится, что ее изобрели в Сиракузах. И, как нам кажется, первые катапульта была применена при осаде Мотии (Диодор Сицилийский. XIV, 42, 1). Метательные машины — пращи, катапульты, баллисты и т.д. — быстро получили широкое распространение в карфагенской армии, о чем свидетельствуют инвентарные списки периода взятия Нового Карфагена и осады Карфагена, составленные Полибием.

В ходе военных кампаний пуническими стратегами отдавалось предпочтение выбору таких позиций, которые было легко оборонять, и они разбивали свои лагеря на обрывистых возвышениях. Такая, не представляющая трудностей в ее защите, территория оказывалась неприступной для лошадей и слонов в том случае, если военные действия разворачивались поблизости от лагеря. Когда защита лагеря казалась недостаточной, вокруг него прокладывали ров, позади которого устанавливали частокол, ошетилившийся острыми кольями.

Карфагенская армия была организована в фаланги с тесно сомкнутыми рядами и глубоким построением, хотя расстановка пехотинцев зависела прежде всего от условий, в которых проходил бой. Так, в Каннах Ганнибал выстроил свой фронт в форме полукруга, в то время как в битве при Заме пехотинцы были расположены тремя рядами. Впрочем, не во всех сражениях Карфагена войска имели четкое построение. В войнах по «замирению», проводимых в Африке, Иберии или на Сардинии, были задействованы легково-

оруженные пехотинцы, способные преследовать чрезвычайно мобильного врага. И именно в этом типе сражений превосходство всегда было на стороне африканских пехотинцев, действующих при поддержке нумидийской конницы.

Кавалерия всегда располагалась с флангов. Ее задачей было преследование и изматывание противника, но до эпохи правления Ганнибала она редко имела решающее значение. Именно он максимально задействовал ее потенциал, поставив перед ней новую цель, которая заключалась в окружении врага. И эта ее новая роль была блестяще продемонстрирована в битве при Каннах. Хотя следует признать, что подобная тактика уже применялась Ксантиппой в сражении с Регулом. И Сципион Африканский был далеко не глупым человеком, когда в свою очередь применил ее против того же Ганнибала в битве при Заме.

Слоны располагались линией вдоль всего фронта для защиты инфантерии. Когда их количество было недостаточным, их размещали обычно по бокам, чтобы своим видом они наводили ужас на конницу противника. Их главная задача состояла в том, чтобы пробить линию тяжело-вооруженной пехоты и дезорганизовать ее. Слоны также сминали частоколы, установленные вокруг вражеских лагерей. В некоторых случаях, как нам кажется, их хранили «про запас», чтобы добить и прикончить противника, и без того измотанного боем.

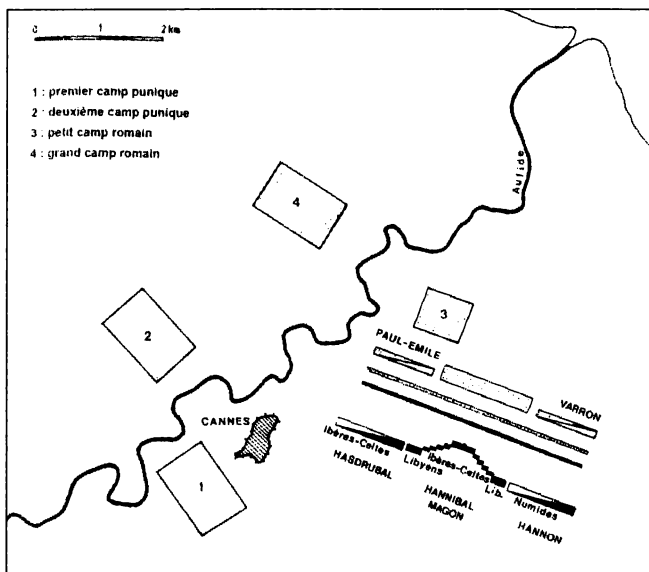
Будучи больше чем просто одаренным генералом, Ганнибал всегда составлял подробный план сражения, стараясь не упустить из виду ни одной детали. Вторжению в Италию предшествовала интенсивная дипломатическая дея-

тельность, давшая ему возможность заручиться сотрудничеством и поддержкой галльского населения. Он прокладывал наиболее удобные маршруты, а также запасные пути в том случае, если по первым пройти будет невозможно. Его последняя инициатива перед отправкой из Карфагена, одобренная самим Полибием (III, 33), которого трудно заподозрить в симпатии к пуническому генералу, сводилась к тому, что он для защиты интересов пунийцев в Испании направил армию, состоящую из африканцев, а в Африке разместил иберийские войска, и, таким образом, он лишил свои армии возможности объединиться с местным населением, обратив свои штыки против самих же пунийцев.

Пройдя школу своего отца и шурина, с одной стороны, и будучи воспитанным греческими наставниками — с другой, Ганнибал не мог не восхищаться греческими и эллинскими стратегами (Александром, Пирром). Но его не удовлетворяло повторение тактики его знаменитых предшественников: он разработал новые способы ведения боя, например, перестроил диспозицию своей инфантерии и ввел приемы по окружению противника, давшие возможность значительно сократить ряды римской армии не только в битве при Каннах, но и в сражении при Требии.

Битва при Каннах стала самым ярким воплощением военного гения Ганнибала. В противоборстве с восемью римскими легионами (90 тысяч пехотинцев и 6 тысяч кавалерии) он построил свою армию (наполовину меньшую по количеству) в одну линию, расположив ее по всему фронту. В центре выступающим полукругом Ганнибал разместил галльских и иберийских пе-

*Дислокация римской и пунической армий
во время сражения при Каннах, 216 год*
Слева на карте: 1. Первый пунический лагерь
2. Второй пунический лагерь
3. Малый римский лагерь
4. Большой римский лагерь

хотинцев. По обеим сторонам от них находились два подразделения равных по численности ливийских пехотинцев. И наконец, с флангов располагалась кавалерия, справа — нумидийская, а слева — кельтиберская. Ганнибал отлично знал, что галльские и иберийские пехотинцы не смогут дать достойный отпор римлянам, именно по этой причине он прибегнул к такой расстановке сил, завлекая тем самым противника. Прорвав эту линию обороны, римские легионы оказались окруженными гораздо более боеспособными ливийскими пехотинцами. А в это время кельти-

берская кавалерия, разгромив правое крыло римлян, обошла фронт с тыла и обрушилась на левое крыло, все еще продолжавшее сопротивляться нумидийским всадникам. Осталось только довершить начатое и истребить оказавшихся в ловушке легионеров.

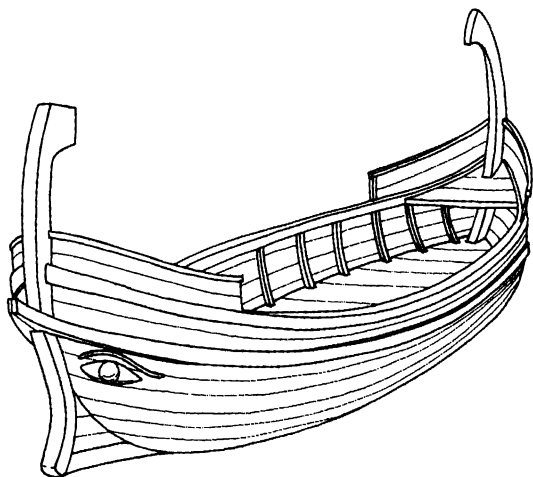
Но одержанная победа не вскружила голову Ганнибалу; он, казалось, никогда не терял из виду своих целей и не впадал в искушение заключить в кольцо осады Рим. После триумфа в Каннах он сменил мундир генерала на костюм дипломата, чтобы заручиться поддержкой будущих союзников и уверить их в своем расположении. Кроме незаурядных дипломатических талантов, Ганнибал прославился также своей хитростью, к которой он часто прибегал, чтобы обмануть своих врагов, о чем нам поведал в одном из своих эпизодов Тит Ливий (XXII, 14—18). В конце лета 217 года Ганнибал, находившийся в Кампании, решил встать на зимовку в Пуьи. А для этого ему нужно было перейти Апеннины по узкому ущелью. И тогда К. Фабию Максиму, прозванному Кунктатором (или «Медлительным»), пришла в голову идея устроить ему засаду, разместив в узком ущелье 4000 человек. Сам же он устроился на возвышенности, чтобы обрушиться на пуническую армию, как только она пойдет по проходу. Предусмотрительный Ганнибал собрал стадо из 2 тысяч быков, к рогам которых они привязал пучки хвороста. На исходе ночи животных, на рогах которых подожгли пучки хвороста, он погнал к вершинам. Сидевшие в засаде солдаты, обманутые полыханием света, поднялись в горы, освободив проход для пунической армии, которая прошла по нему без приключений.

МОРСКОЙ ФЛОТ

Морской флот для Карфагена был не только важным сектором его экономической деятельности, но и инструментом его могущества. И поэтому к нему было приковано внимание всего города, о чем свидетельствует то упорство и тщательность, с которой возводили военные и торговые порты (см. Карфаген, гл. II).

Будучи достойной наследницей городов, расположенных на финикийском побережье, пуническая метрополия собрала воедино все знания и навыки в области строительства морских судов. Карфагенский корабль, обычно торговый, назывался гаулосом (искаженное греческое слово, производное от финикийского термина *GWL*, который означал предмет округлой формы, этот же термин употреблялся для обозначения остро-

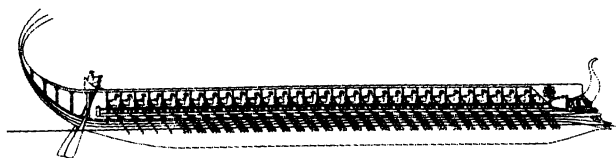
Пуническая барка III–II вв. до н.э. (реконструкция)

ва Гозо на Мальте). Это был тяжелый корабль с округлым корпусом, идеально подходящим для транспортировки грузов (см. Торговля, гл. IV). У него была всего лишь одна мачта, и ходил он исключительно под парусом, и, следовательно, экипаж, управлявший судном, был малочисленным. Другой корабль, упоминавшийся в источниках, назывался гиппос. Своим греческим наименованием он обязан лошадиной голове, украшавшей его нос.

Это было идеально симметричное судно, ходившее на веслах, но также снабженное центральной мачтой. Обломок торгового корабля III века, обнаруженный в открытом море возле Минорки, свидетельствует об оригинальном новшестве, примененном в техническом плане при его строительстве: по меньшей мере часть внешнего корпуса была покрыта свинцовыми листами, прибитыми железными гвоздями. Нам неизвестно, было ли оно вызвано починкой судна в связи с навигационными рисками или это было специальное приспособление, предназначенное для укрепления его корпуса и обеспечения устойчивости корабля.

Пунийцы, как и финикийцы, греки или римляне, ходили по морю только весной и летом. Существует предположение, что за день пути они преодолевали не более 35 км (имеется в виду каботажное плавание). Но вполне возможно, что они плавали также и ночью, о чем свидетельствует, с одной стороны, определение расстояния, пройденного за день и ночь, а с другой — их познания в астрономии. Благодаря этим знаниям они плавали не только в прибрежных районах, но и без колебаний выходили в открытое море, в

Реконструкция триремы V–IV вв. до н.э.

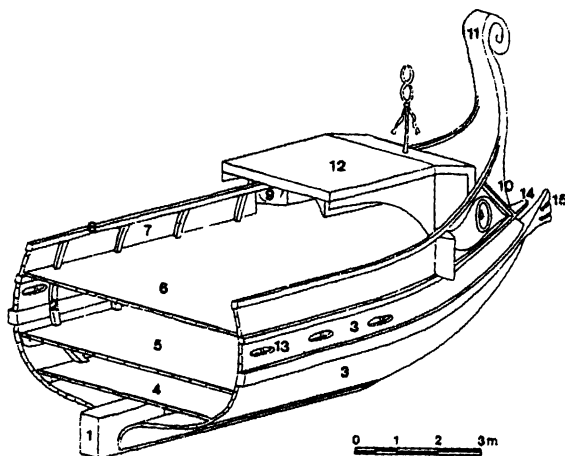
частности, когда шли с Сардинии на Ибицу, а от туда к Североафриканскому побережью.

Чтобы обезопасить проложенные им торговые маршруты, Карфаген вскоре сформировал военно-морской флот, способный быстро реагировать даже при наступлении плохой погоды и вступать в бой с пиратами, жаждущими легкой добычи, а кроме того, перевозить войска, обеспечивающие защиту интересов карфагенян во всем Средиземноморье. На протяжении многих лет военно-морской флот Карфагена внушал уважение его врагам. Страбон утверждает, что карфагенские корабли потопили не одно иностранное судно, направлявшееся либо к берегам Сардинии, либо к Гибралтарскому проливу (Страбон. XVII, 1, 19). Но если защита побережья была достаточно хорошо налажена, в настоящих боевых сражениях ситуация складывалась иначе. И как бы это ни показалось парадоксальным, военно-морской флот Карфагена никогда не играл решающей роли. Так, в период войн на Сицилии он не смог ни обеспечить эффективную блокаду Сиракуз, ни перехватить войска Агафокла, когда тот решился развязать военные действия в Африке. А позже, во время Первой пунической войны, самые громкие победы были одержаны карфагенянами на суше, а не на море. И именно поражение в мор-

ском сражении возле Эгадских островов решило судьбу присутствия карфагенян на острове и их превосходства на море.

Вполне возможно, что карфагенские эскадры насчитывали до 60 судов. Эту цифру сообщают Геродот, говоря о битве при Алерии, а затем и Диодор Сицилийский, описывая войны, имевшие место на Сицилии в конце V века. В 480 году Гамилькара в его сицилийской кампании сопровождали 200 кораблей. Как отмечает С. Лансель, вполне возможно, что количество кораблей военно-

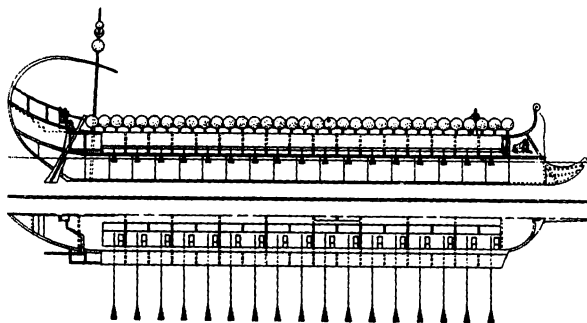
- АксонOMETрическая реконструкция
передней четверти пунической пентеры, III-II вв. до н.э.*
- 1 – киль; 2 – шпангоут; 3 – наружная обшивка; 4 – потолок;
 - 5 – палуба, где располагались гребцы; 6 – верхняя палуба;
 - 7 – бортовой ящик для хранения коек; 8 – планширь;
 - 9 – клюз; 10 – форштевень; 11 – акростоль
(фигура, изображенная на носу корабля);
 - 12 – павильон на носу корабля; 13 – портик
(отверстие в борту судна); 14 и 15 – прозмболон и эмболон
(конструктивные элементы, защищающие корпус судна)

морского флота Карфагена никогда намного не превосходило эту цифру, поскольку тремя веками позже Аппиан в описаниях (Ливийская книга. 98) пунических портов приводит цифру в 220 судов (см. Карфаген, гл. II).

Начиная с VI века основной единицей античного военно-морского флота была трирема (или триера). Речь идет, видимо, о финикийском изобретении, в которое свои улучшения внесли греки, даже если Фукидид настаивает на том, что своим появлением она обязана коринфянам (I, 13, 2). Как это видно из его названия, этот тип судна перемещался при помощи весел, расположенных на трех уровнях с каждой стороны. Квадратный парус позволял ускорить ход судна (скорость которого могла достигать от 4 до 5 узлов) или, в зависимости от обстоятельств, дать возможность гребцам отдохнуть. Они были уже торговых кораблей, а их длина приближалась к 35 м.

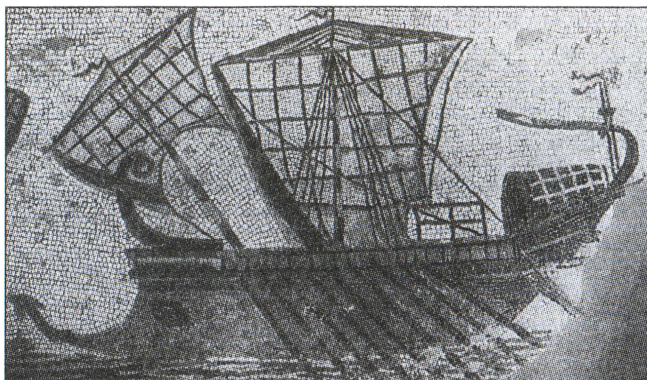
Позже, в эллинистическую эпоху, появились quadriremes (или тетремы), которые мы с большей уверенностью можем причислять к изобретениям финикийцев, и, более всего, quinqueremes, которые стали основными военными кораблями пунического флота. Квинквиремы (или пентеры), как нам кажется, получили наибольшее распространение в течение трех войн, которые Карфаген вел с Римом. Специалисты затрудняются объяснить принцип их функционирования, поскольку трудно себе представить, чтобы в них могли размещаться пять рядов гребцов, расположенных один над другим. И тогда выдвинули предположение, что в пентерах был либо один уровень весел, приводимых в движение пятью гребцами, либо два уровня весел, ко-

Реконструкция военного корабля, обнаруженного поблизости от Марсалы, середина III столетия до н.э.

торыми работали по два гребца в верхнем ряду и по три в нижнем.

Кроме этих кораблей, существование которых подтверждается литературными источниками, были и другие, более скромных размеров, а следовательно, более мобильные и приспособленные для выполнения разных задач (осуществление надзора, преследование врага, поддержание связи между большими судами). Обломки одного из них чудом сохранились и были обнаружены возле Марсалы (античный Лилибей). Речь идет об обломках одноуровневой галеры, относящейся к III веку. С осторожностью извлеченная из почвы на поверхность она предоставила много ценных сведений относительно функционирования военного корабля и технологии судостроения, применяемой карфагенянами. В ней на одном уровне располагались по 17 весел с каждой стороны, каждым из них управляли по два гребца. На носу корабля находился полностью погруженный в

Карфагенский корабль римской эпохи

воду таран (или волнорез), загнутый конец которого мелькал на ее поверхности. Тщательный анализ досок, образующих киль, позволил нам сделать открытие, что карфагеняне задолго до Форда приняли на вооружение рационализацию производства! На каждой из этих досок был начертан алфавитный знак с целью облегчения последующей сборки корабля.

Все элементы изготавливались заранее, маркировались, а затем складировались. Когда впоследствии возникала необходимость построить корабль, нужно было собрать воедино все части, следя за совпадением маркеров. Подобный метод создания кораблей позволял работать арсеналам при полной загрузке в течение всего года. И именно благодаря заранее изготовленным частям и деталям судов, все время имеющимся в наличии на портовых складах, карфагеняне смогли построить множество кораблей, несмотря на осаду города римскими войсками во время Третьей пунической войны (Аппиан. Ливийская книга. 12).

По крайней мере уже с IV века у пунических кораблей была палуба. Полагают, что триремы могли перевозить до 200 солдат, а квинквиремы — до 300. В отличие от пехотинцев или всадников все моряки карфагенского флота были гражданами Карфагена. Солдаты находились на палубе, в то время как в трюмах располагались гребцы. Что касается снаряжения и продовольствия, они должны были подвозиться на рейсовых кораблях, называемых гаулы (gauloi).

Во времена Античности цель морского сражения заключалась в том, чтобы протаранить корабль противника, расчленив его или пробить в нем брешь и в конце концов потопить. И поэтому корабли были оснащены тараном, простым или в форме трезубца, а действия команды заключались в том, чтобы расположить судно таким образом по отношению к кораблю противника, чтобы пробить его борта. Отсюда вытекала необходимость в наличии компетентных моряков, способных искусно маневрировать кораблем. И карфагенские моряки не знали себе равных в этом деле. Столкнувшись с их превосходством на море, римляне разработали тактический прием, называемый вороном. Это было приспособление, состоявшее из мачты, оснащенной тяжелым железным крюком. Когда корабль противника оказывался в пределах досягаемости, ворон опускался на него, подтягивая судно таким образом, что оба корабля соприкасались. И тогда римские солдаты переходили к рукопашному бою, что для них было предпочтительнее. Это оружие было с успехом апробировано в 260 году консулом Гаем Дуилием во время морского сражения при Милах (Милаццо), между Эоловыми островами и Сицилией.

ШПИОНАЖ И ПИРАТСТВО

Для такой политической и экономической державы, как Карфаген, шпионаж и контрразведка составляли жизненно важные виды деятельности. Город должен был сохранять в тайне свои достижения в области торгового судоходства и предупреждать любую попытку его ближних или дальних врагов атаковать карфагенян.

Из источников до нас дошел рассказ об одном случае шпионажа, имевшем место около 400 года, который потряс карфагенскую аристократию. Речь идет о деле Суниата, которое получило наименование по имени одного аристократа, пуническое имя которого (Эшмуниатон, Сидиатон?) нам неизвестно. Политический противник некоего Ганнона, прозванного Трогом Помпеем Великим, он, видимо, предупредил Дионисия I Сиракузского о подготовке карфагенян к войне. За это карфагенский Сенат обвинил его в измене, а следствием этого скандала стал запрет на изучение греческого языка в Карфагене (Юстиниан. XX, 5, 12–13).

В источниках также говорится о деятельности одного шпиона в окружении Александра Великого. Им был Гамилькар из Родеса, который занимался сбором информации в пользу Карфагена. Это нам кажется не только правдоподобным, но и вполне оправданным с точки зрения карфагенян, поскольку аппетиты македонского завоевателя должны были внушать им опасения (Арриан. Поход Александра. VII, 1, 2; Квинт Курций. X, 1, 17).

В ходе Второй пунической войны Ганнибал без колебаний прибегал к услугам шпионов для

получения нужной ему информации. Переход через Пиренеи, а затем и Альпы и выбор маршрута пути должны были осуществляться на основе имеющихся в его распоряжении ценных и надежных сведений, полученных от жителей Каталонии, Лангедока, Трансальпийской и Цизальпийской Галлии. Впоследствии он широко использовал сеть информаторов при разработке своей стратегии изолирования римлян от их латинских и кампанских союзников.

Но шпионаж был не только военным, но и в равной степени промышленным и экономическим. Полибий (I, 20, 15) сообщает, что корабли римского флота эпохи Первой пунической войны были построены по образу и подобию карфагенской квинкиремы, потопленной в Мессинском проливе. К шпионажу прибегали для выяснения торговых маршрутов. По словам Страбона, один карфагенский капитан, шедший по «оловянному пути», то есть в направлении Касситеридских островов (Корнуолл на Британских островах), потопил свой корабль, когда отдал себе отчет в том, что его преследует римское судно. Карфагенский Сенат, добавляет греческий автор, возместил ему стоимость груза (Страбон. III, 5, 11).

Мы не встретили в источниках ни одного упрека в адрес карфагенян по поводу того, что они занимались пиратством. Хотя это явление в большей степени было свойственно грекам и этрускам, на чем настаивал Цицерон, противопоставлявший карфагенских торговцев этрусским пиратам (О государстве. II, 4, 9). Карфагенские корабли чаще бывали жертвами пиратов, о чем свидетельствует отрывок из Геродота, в котором описывается, как один фокеец по имени Диони-

сий после падения его города стал пиратом на Сицилии и нападал на карфагенян и этрусков, не трогая греческие корабли (Геродот. IV, 17). И именно по этой причине карфагеняне так неусыпно охраняли свои морские территории, безжалостно потопляя любое суденышко, кружившее вокруг Сардинии и Геркулесовых столбов (Гибралтарский пролив).

ДИПЛОМАТИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Как средиземноморская держава Карфаген не мог не поддерживать дипломатических отношений с целой совокупностью политических образований, расположенных на берегах Средиземноморья и далее, то есть с греками, этрусками, элимами, египтянами, персами (возможно), Селевкидами, Лагидами и т.д. Но эти связи не обязательно имели форму и сущность сегодняшних международных отношений. Разумеется, древние авторы часто упоминают об обмене посольствами, но они отмечают, что это событие имело место в случае чрезвычайных обстоятельств, например объявления войны. Посольские миссии имели ограничение во времени. Будучи уполномоченными верхней палатой ассамблеи или командующим, отвечающим за проведение военной кампании, члены миссий были обязаны подписать документ об объявлении войны или просьбу о перемирии, подтвердить действие ранее заключенных договоров или провести переговоры, когда этого требовали обстоятельства, о заключении нового договора. Членами миссий были са-

мые видные представители той или иной нации. Подписанное соглашение должно было получить одобрение карфагенского Сената, без согласия которого оно не действовало. После заключения любого соглашения приносилась клятва верности богам, а его текст гравировался на металлических пластинах (как правило, бронзовых, но иногда, как в Пирги, и на золотых), которые хранились в храме под неусыпным взором божества, гарантирующего его исполнение. В результате раскопок, проведенных немецкими археологами на улице Шаббат в Карфагене, были обнаружены 4500 печатей, которыми было скреплено такое же количество договоров на папирусе, естественно, не дошедших до наших дней. В таких архивах хранились не только счета храма, но и дипломатическая переписка, а также копии соглашений, подписанных Карфагеном.

В мирные времена дипломатическая деятельность обходилась без посольств, она шла по другим каналам. Отношения между государствами строились аристократическими семьями, завязывавшими дружеские связи с той или иной аристократической семьей Тарквинии, Сиракуз, Афин и даже Рима (так, если верить Аппиану, семья Гимилькона, командира кавалерии времен Третьей пунической войны, поддерживала дружеские отношения с семьей Сципионов). Точно так же обстояло дело в среде коммерсантов и торговцев, которые при случае становились полномочными посланниками, о чем свидетельствует отрывок из Аппиана (Сирийская книга. 8), повествующий о том, что Ганнибал доверил дипломатическое поручение одному торговцу из Тира, отправлявшемуся из Эфеса в Карфаген.

Но главными местами, где разворачивалась дипломатическая деятельность, были храмы. В литературных источниках неоднократно упоминается, что ежегодно карфагенская делегация отправлялась в Тир для участия в празднествах в честь Милькарта, божества, защищающего их метрополию (Полибий. XXXI, 12; Диодор Сицилийский. XIII, 10, 4 и XX, 14; Квинт Курций. IV, 2, 10 и т.д.). Делегация, посетившая Тир в 332 году, оказалась на осадном положении, поскольку город был атакован войсками Александра (Арриан. II, 24, 5). И, видимо, в результате этого было принято решение заключать союзы официальным путем. Впрочем, жрецы Милькарта, открыв отделения храма, на Мальте или в Кадиксе, получали в свое распоряжение широкую сеть, покрывавшую территорию практически всего Средиземноморья, которая давала им возможность быть в центре дипломатической деятельности этого региона. Но сеть, образованная отделениями храма Милькарта, была не единственной, и подтверждением этому служит храм Аштарт—Уни в Пирги.

Этруски были с давних пор союзниками карфагенян. И обнаружение в июле 1964 года в святилище Пирги (Санта Севера) золотых пластин свидетельствует о древности и прочности их альянса. На двух из этих пластин начертан текст на этрусском языке. Текст третьей — на пуническом языке — был составлен в честь основания храма, посвященного Аштарт—Уни, который был воздвигнут царем Черветери Тэфарием Велианой (см. Язык, гл. VII; см. также наш справочник «Этруски» из серии «Гиды цивилизаций», Золотые пластины из Пирги). Разумеется, ни текст на этрусском языке, ни более понятная надпись на

пуническом языке не служат подтверждением существования политического, юридического или экономического соглашения, о котором говорил Аристотель (Политика. 3, 9, 6—7). Но в то же время подобный официальный акт предполагает наличие дружеских связей между царем Черветери и карфагенским Сенатом или, по крайней мере, его представителями. Другие археологические свидетельства, обнаруженные в Карфагене, подтверждают реальность пунийско-этрuscoго союза и его продолжительность. Современница золотых пластин из Пирги, то есть битвы при Алалии, карфагенская гробница сохранила для нас тессеры (*tessera hospitalis*)* из слоновой кости с начертанным на них текстом на этрусском языке (см. Путешествия, гл. IX). Обнаружение в Тарквинии карфагенского саркофага, датированного IV веком, почти точной копии двух таких же экземпляров, найденных в Карфагене, свидетельствует о том, что этот альянс имел долговременный характер.

Между V и IV столетиями Афины и Карфаген были главными средиземноморскими державами. Оба города поддерживали торговые отношения и заключили военные союзы, хотя эти последние не имели продолжения. Так, Фукидид сообщает, что в 415—414 годах, во время проведения военной операции на Сицилии, греки послали трирему в Карфаген, умоляя карфагенян заключить с ними

* Тессера — договор о гостеприимстве, представляла собой чаще всего бронзовый жетон (некоторые из них имели сложную форму), на котором гравировалась надпись, содержащая имена участников соглашения (отдельных индивидов, кланов, семей и т.д.). Древнейшие тессеры имели вид соединенных в рукопожатии ладоней.

союз (Фукидид. VI, 88, 6). А несколькими годами позже в Афинах был принят декрет, согласно которому Ганнибал Магонид и его двоюродный брат Гимилькон могли рассчитывать на дружеские отношения и поддержку греков. Фрагменты надписи, датированной 406 годом и обнаруженной в этом городе, свидетельствуют о принятии решения на официальном уровне и подтверждают, что в этот период между греками и карфагенянами произошло сближение и что оно имело место в течение всего IV столетия, доказательством чему служит еще одна надпись, в которой упоминаются два карфагенских посланника, отправленных около 330 года в Афины.

В литературных источниках приводится множество договоров, в соблюдении которых торжественно поклялись карфагеняне. Полибий посвятил несколько параграфов третьего тома своей «Всеобщей истории» договорам, заключенным с Римом.

Первый датируется 509 годом, то есть практически периодом становления республики в Риме. Для Карфагена это означало не только обновление уже имеющихся договоров с миром этрусков и центральным регионом Италии. Им очерчивалась зона навигации римских кораблей, которые не должны были заходить дальше «прекрасного мыса» (современный мыс Бон) и регламентировались виды торгового обмена (Полибий, III, 1, 22).

Второй договор восходит к 348 году (Полибий. III, 24). Карфаген включил в него не только население Утики, но и жителей Тира, что вызывает некоторое удивление. И, как нам кажется, в этот период зоной его влияния был испанский

Левант, поскольку в нем упоминается регион Мавстия Тарсейон. В соглашении уточняются и зоны влияния, расположенные на Сицилии. Что касается Африки и Сардинии, то они продолжали оставаться охотничьими заповедниками Карфагена, поскольку карфагеняне с особым упорством настаивали на том, что римляне больше не имели права вести здесь торговлю и устраивать поселения. Их присутствие допускалось на срок не более пяти дней и только в случае починки их кораблей и пополнения продовольственных запасов.

Третий договор был заключен в период военной экспедиции Пирра в Италию. Обе стороны подтвердили действие предыдущих договоров, дополнив их новым соглашением относительно царя Эпира, их общего врага. Они договорились оказывать в случае необходимости содействие друг другу (Полибий. II, 25, 1–5). Так, в 279 году Карфаген предоставил в распоряжение Рима флотилию, состоящую из 130 кораблей под командованием некоего Магона (Юстиниан. XVIII, 2; Валерий Максим. III, 7, 10).

И из произведений того же Полибия до нас дошел текст еще одного союзного договора. Речь идет о пакте, подписанном Ганнибалом, находящимся в то время в Италии, и посланниками царя Македонии Филиппа V, также оказавшегося один на один с экспансионистской политикой римлян в отношении восточного побережья Адриатики. Этот пакт, которым предусматривалось, что карфагеняне и македонцы должны оказывать друг другу помощь и приходить на выручку, так никогда и не воплотился в реальных действиях.

Отрывок из договора, содержавшего клятву Ганнибала и посланника Филиппа V:

«Клятва, которую дали главнокомандующий Ганнибал, Магон, Миркан, Бармокар, все сопровождающие Ганнибала сенаторы и все карфагеняне, состоящие у него на службе, а также Ксенофан, сын Клеомаха из Афин, посол, который прибыл по поручению Филиппа, сына Деметрия, от его имени, от имени всех македонцев и их союзников. Клянемся перед Зевсом, Герой и Аполлоном, перед гением Карфагена, Гераклом и Иолаем, перед Аресом, Тритоном, Посейдоном, перед всеми богами, которые сопровождают нашу армию, перед солнцем, луной и землей, перед реками озерами и водами, перед всеми богами, которые оказывают покровительство Карфагену, и перед всеми богами, которые оказывают покровительство Македонии и находящейся в ее подчинении части Греции, перед всеми богами, помогающими в этом походе, которые, кто бы они ни были, присутствуют при этом событии и руководят нашей волей...» (Полибий. VII, 9, 1–3, CUF).

IV

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Основным призванием Карфагена была торговля. И римляне это очень хорошо понимали, когда перед осадой предложили карфагенянам покинуть город и разбить новый в пятнадцати километрах от побережья (см. Разгром Карфагена, гл. I). В источниках говорится, что это предложение лишило бы город того главного, благодаря чему он жил и развивался, и именно поэтому оно вызвало героическое сопротивление пунийцев.

Но на самом деле на протяжении семи долгих веков своего существования карфагенская экономика постоянно меняла векторы развития, подстраиваясь под новые военные и политические задачи города. Из простого посредника город превратился сначала в промышленную агломерацию, распространяющую свою собственную продукцию (товары из стекла и керамики, соус из анчоусов гарум и т.д.), затем в крупного поставщика сельскохозяйственной продукции и сырья и, наконец, в последний период своего существования он стал торговой державой. Эти последовательные превращения отражают разные экономические цели, возникающие перед городом, который с самого начала своего основания охватывал сферой своего влияния сначала финикийские колонии Центрального Средиземномо-

рья, а затем и Западного, чтобы объединить их в нечто вроде автономной экономической зоны. Обладая большим военным потенциалом и, видимо, благодаря взиманию предпочтительных таможенных пошлин, Карфаген сформировал хорошо интегрированную экономическую сеть, в которой он ввел некоторую форму разделения труда, понуждая находящиеся под его контролем города к специализации в том или ином виде производства.

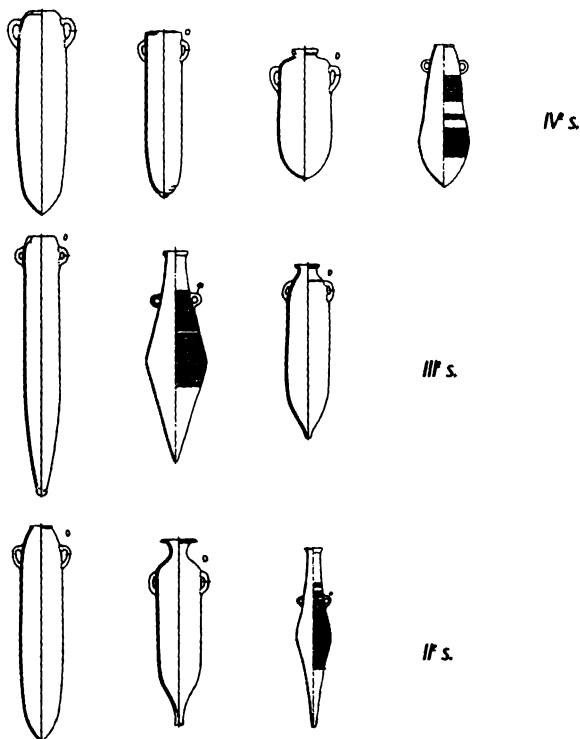
ТОРГОВЛЯ

От основания Карфагена и до его заката пунические корабли без устали бороздили Средиземное море, загружая и выгружая на его берегах не только продукцию собственного производства, но также греческие, кампанские и египетские товары. И именно его судовладельцы, моряки и купцы превратили Карфаген в столицу пунического мира, а его порт стал первым среди портов западного бассейна Средиземноморья. За исключением того, что в его портах были открыты иностранные торговые отделения, мы мало знаем о том, как была организована его внешняя торговля. И точно так же, как сиракузяне или итальянцы обустраивались в Карфагене, сообщества карфагенян проживали в Сиракузах (Диодор Сицилийский. XIV, 46, 1; Геродот. VII, 166; Тит Ливий. XXIV, 6) и, видимо, в других зонах Средиземноморья. Само собой разумеется, методы и практика ведения торговли дезориентировали их греческих или римских партнеров, которые должны были к тому же испытывать нечто вроде ревнивой зависти к их успеху. И именно поэтому в умах

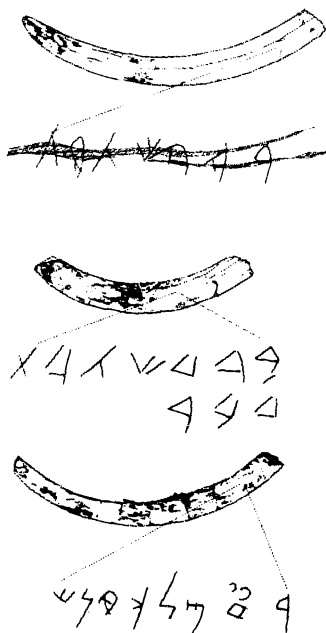
их современников сформировался нелицеприятный образ гугги (gugga, неологизм, изобретенный Плавтом в его комедии «Пуниец»), дошедший до наших дней. И в продолжение этой темы следует отметить, что знаменитая *fides punica* («пуническая верность», то есть на самом деле вероломство) далеко не является показателем некоего «цивилизационного шока», который пришелся по сердцу некоторым теоретикам, а отражает всего лишь сложившийся в римском обществе популярный образ карфагенянина. Впрочем, шутки и предубеждения подобного рода, но уже относящиеся к римлянам, должны были циркулировать и в Карфагене, даже если Плутарх в своих «Политических наставлениях» (III, 6) утверждал, что пунийцы вообще были лишены чувства юмора.

Благодаря обнаружению в районе Балеарских островов фрагментов кораблей, потерпевших кораблекрушение, мы располагаем некоторыми сведениями относительно товаров, перевозимых карфагенскими судами. В районе Минорки, на месте крушения корабля из Бинисафуллера, затонувшего в первой трети III века, был найден груз, состоящий из амфор разного происхождения; среди них были иберийские амфоры, отправленные с побережья Каталонии или из Ибицы, в которых, видимо, перевозились жидкие, твердые и сыпучие продукты (различные соленья, зерновые, мясо, мед, фрукты, смола); в амфорах из Ибицы находились, видимо, соленья или вино, а в цилиндрических пунических амфорах из Центрального Средиземноморья перевозили, как нам кажется, вино. Во время крушения корабля на Майорке, у островка Эль Сек затонул груз с большим количеством аттических керамических из-

*Обобщенная типология пунических амфор периода
с IV по II вв. до н.э.*

делий. Корабль вышел из Афин и сделал остановку в Карфагене, перед тем как продолжить свой путь в направлении побережья Каталонии или Валенсии. Наконец, среди обломков корабля, потонувшего поблизости от Карфагена, также были обнаружены амфоры и пунические изделия из керамики и, кроме того, оловянные и свинцовые слитки. И, видимо, в качестве «сопроводительных документов» к этим предметам, датированным

*Фрагменты слоновых бивней с надписями,
обнаруженные среди обломков корабля,
затонувшего поблизости от Карфагена, V–III вв. до н.э.*

периодом между V и III столетиями, прилагались три прекрасных слоновых бивня, на которых, по всей вероятности, были начертаны имена получателей (см. Слоновая кость, гл. VIII).

В ходе раскопок, проведенных в Карфагене на холме Бирса, на прибрежной равнине и вокруг портов, а также в результате изучения образцов керамики учеными были получены ценные сведения как относительно торговых партнеров

карфагенян, так и номенклатуры товарообмена. В архаическую эпоху, о чем свидетельствуют предметы, обнаруженные в гробницах, особо ценные изделия поставлялись из Этрурии (вазы буккеро), из Коринфа (арибаллы, то есть сосуды для благовоний, кубки), из Египта (вазы из алебастра, предметы из фаянса и т.д.). Но уже начиная с V века именно греческий мир (Сицилия, Южная Италия, континентальная Греция) становится для Карфагена основным поставщиком предметов роскоши (керамика, бронза, ювелирные украшения, мрамор и т.д.). Для изготовления красивейших греческих саркофагов, которые служили последним прибежищем для богатых карфагенских аристократов, в IV столетии корабли доходили даже до Пропонтиды (древнегреческое название Мраморного моря), вывозя мрамор с острова Проконнес. Из Афин карфагеняне также вывозили мрамор, о чем свидетельствует дюжина саркофагов, найденных в Карфагене, из мрамора, добытого на отрогах Пентелики. Но в основном они импортировали престижные изделия из аттической керамики, которые затем перепродавали на контролируемых ими западных рынках. В течение III–II веков они закупали в Италии предметы из керамики очень хорошего качества, покрытые черным лаком и произведенные в Риме (в мастерской, изготавливавшей мелкие изделия, на которые ставились клейма), в Неаполе (кампанская керамика А) и в Этрурии (кампанская керамика В)*.

* Пользующиеся необычайной популярностью во всем Средиземноморье и на Западе керамические изделия, покрытые черным лаком, получили название кампанской керамики А (чаши, кубки, вазы на низкой ножке и т.д.) и В

Само собой разумеется, что карфагеняне закупали не только предметы роскоши. Как нам кажется, они быстро пристрастились к иностранным винам. Вполне возможно, что в V—IV веках они ввозили вино из Марселя, о чем свидетельствуют фрагменты амфор из Массалии, обнаруженные археологами. А позже, в III—II столетиях, Родос залил все Средиземноморье своим вином, поставляемым в амфорах весьма характерной формы. И Карфаген не избежал повального пьянства, подтверждением чему является большое количество клейм родосских амфор, повсюду встречающихся в этом регионе.

Начиная с V века, после того как у карфагенян проснулся интерес к их африканской периферии, которую они начали окультурировать, Карфаген становится крупным поставщиком сельскохозяйственной продукции. Так, если верить комментаторам одной греческой надписи, фрагменты которой дошли до наших дней, пунический город, видимо, заключил соглашение с Афинами о поставке пшеницы. И, вполне возможно, окончательная доработка этого соглашения и его подписание произошли благодаря посредничеству некоего Апсеса из Тира, замешанного в сделках по продаже Карфагеном пшеницы Финикии, Афинам и Италии. Торговля хлебом увела Карфаген практически на другой конец света, о чем свидетельствует надпись, обнаруженная в Истросе, расположенном на Черном море, в 50 км севернее современной Констанцы в Румынии. В ней упоминается имя одного карфагенского торговца хлебом.

(блюда, тарелки). На них, как правило, ставилось клеймо изготовителя.

В эллинистическую эпоху привязка денежной карфагенской системы к птолемееву эталону, основанному, в свою очередь, на весовом финикийском эталоне, способствовала тому, что Александрия оказалась в центре обширной экономической зоны, соединяющей Восток с пуническим Западом. И, безусловно, у карфагенских купцов было свое место в этой торговой сети, которая позволила им расширить поле деятельности. Так, например, один карфагенский торговец вразнос выступил в начале II столетия поручителем в торговой сделке, проведенной в регионе Индийского океана.

Однако за внешней однородностью скрывались разнообразные торговые пути, по которым проходила пуническая торговля, и практически автономные сети внутри финикийско-пунического ареала. В результате раскопок, проведенных на островке Адмиралтейства круглого порта Карфагена, английские археологи пришли к выводу, что в IV и III веках самые распространенные импортируемые амфоры были каталонскими и что они ассоциировались в Испании и на юго-западе Франции с иберийской культурой и с торговлей вином. Археологи также обнаружили отсутствие эбузитанских (*amphores ebusitaines*)* амфор. А изучение распространения различных типов керамики (амфор, изделий кампанской керамики) выявило наличие и

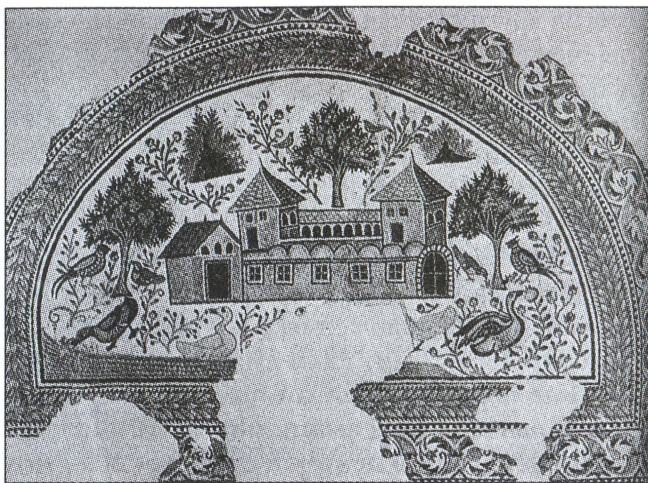
* Пунийско-эбузитанские амфоры — это отдельная серия амфор, которые по технологии изготовления и форме отличались от их финикийско-пунических аналогов и поэтому были выделены в отдельную категорию. Их появление было вызвано внутренней эволюцией и развитием новых экономических зон Карфагена.

многих других торговых маршрутов. Была также отмечена одна особенность, очень ярко характеризующая Карфаген, заключающаяся в том, что он практически не поддерживал контактов со старыми финикийскими колониями в Испании, в частности с Кадиксом, опередившим его в своем появлении на несколько столетий. А после основания Карфагена потоки товаров пошли в направлении к Леванту. Что касается городов и поселений, расположенных вокруг Гибралтарского пролива, они, как нам кажется, практически не поддерживали отношений с городами Центрального Средиземноморья (Сицилией, Сардинией и еще в меньшей степени с Карфагеном). Было также отмечено, что Мальта скорее отдавала свои предпочтения Востоку, чем Карфагену, находившемуся от нее в двух шагах.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Опровергая общепринятое мнение, можно сказать, что карфагеняне никогда не пренебрегали сельским хозяйством. Такая отрасль экономики, продукция которой давала возможность не только прокормить собственное население, но и получать существенную прибыль от ее экспорта, была основополагающей для карфагенского государства. И это подтверждается волонтаристской политикой, проводимой им в этой сфере экономики начиная с VI века, когда Карфаген запретил под страхом смерти разведение плодовых деревьев (видимо, речь шла об оливах и виноградниках) на Сардинии, о чем нам сообщает Псевдоаристотель (Рассказы о диковинках. 100). Носила ли эта мера протекционистский характер, цель которой

Усадьба. Мозаика из Табарки

заклучалась в предоставлении некоторых привилегий пуническим колонистам по сравнению с местным населением, или, быть может, она была направлена на развитие региональной специализации в производстве сельскохозяйственной продукции (выращивание зерновых на Сардинии и плодовых деревьев на мысе Бон)?

И это то немногое, что мы можем сказать о сельскохозяйственной политике карфагенского государства, поскольку источники, которыми мы располагаем, весьма немногословны в отношении этой отрасли его экономики. К тому же в них ничего не сообщается о статусе арабских земель (государственные или частные) или о способах их распределения. Не указываются также размеры сельскохозяйственных угодий, поскольку если в источниках и подразумевается, что были крупные земельные собственники, то о мелких крестьянских хозяйствах не говорится ни слова.

Но зато мы абсолютно уверены в том, что после превратностей судьбы, постигших карфагенян в V столетии на Сицилии, они, наконец, с большей решимостью проявили интерес к своей «глубинке», аннексировав самые перспективные территории современного Туниса: долину Меджерды, долину русла реки Милианы, мыс Бон и Сахель. Эти земли, хорошо орошаемые и плодородные, идеально подходили для производства самой разнообразной и пользующейся спросом сельскохозяйственной продукции: зерновых, плодов, фруктов и продуктов животноводства. Карфагеняне, чья «империя» была основана на торговле и близком расположении от моря, превратились в крупных поставщиков сельскохозяйственной продукции, которая была не только превосходного качества, но весьма разнообразной по ассортименту (пшеница, оливки, фиги, гранаты, которые римляне называли «пунические яблоки» (*mala punica*), финики, миндаль, виноград, мед). Но им принесла славу не только их высококачественная продукция, но и их изобретения, например, они разработали «пуническую тележку» (*plostellum punicum*) или что-то вроде молотилки для обмолачивания пшеницы (Варрон. Трактат о сельском хозяйстве. I, 52, 1), а также их теоретические разработки.

Именно благодаря римскому Сенату до нас дошли, хотя и косвенными путями, произведения карфагенского агронома Магона, жившего в III веке. И он был не единственным. Колумелла приводит имя еще одного агронома, некоего Гамилькара, труды которого были утрачены. Наследие же Магона состоит из 28 томов, которые были

*Мозаичное изображение карфагенской виллы,
на котором представлены различные типы
сельскохозяйственной деятельности*

переведены по приказу римского Сената (Плиний Старший. Естественная история. XXVIII, 22). Перевод был утерян, но многие латинские авторы, в частности Варрон и Колумелла, считавшие его отцом «деревенских наук» (Колумелл. I, 1, 13; Варрон. Трактат о сельском хозяйстве. I, 10), многое заимствовали из его произведений, передав нам его наказы. В основе их лежат разумное управление хозяйством (жить на своей земле, не доверяя ее управляющим, хорошо обращаться с рабами для получения максимальной отдачи) и технические рекомендации (грамотный выбор места сельскохозяйственных угодий, их обработка, размеры, уход и т.д.).

Большинство карфагенских имений представляли собой, по всей видимости, укрепленные

фермы, окруженные виноградниками, оливковыми рощами и пастбищами по типу виллы Гамартх возле Карфагена (см. Карфаген, гл. II). Одно тщательно отделанное крыло здания (вымощенное черепичными осколками, облицованное, украшенное ионическими капителями, с залом и бассейном) было предназначено для жилья, а в другом крыле находилось подсобное помещение с прессом для получения масла, силосной ямой и т.д.

Рецепты агронома Магона в пересказе Колумеллы

«Вот способ изготовления превосходного вина из вяленого на солнце винограда, изобретенный Магоном, который я лично опробовал. Надо собрать хорошо созревший ранний виноград, отделить засохшие или поврежденные ягоды, затем вбить в землю на расстоянии четырех футов друг от друга вилы и колья так, чтобы на них можно было закрепить тростник. К тростнику подвешиваются на солнце гроздья, которые вечером для защиты от росы следует укрывать. Как только виноград подвялится, его собирают и помещают ягоды в бочку или большой кувшин, куда наливают самого лучшего сусла так, чтобы ягоды им были полностью покрыты; на шестой день виноград, хорошо пропитавшийся суслом, перекладывают в корзину и помещают под пресс. Полученное вино вливают в только что изготовленное сусло из винограда, провяленного на солнце в течение трех дней, и все хорошо перемешивают. После пере-

мешивания все еще раз кладут под пресс, а полученное вино сразу же разливают по сосудам и хорошо их закупоривают, чтобы вино не стало слишком крепким. И наконец, через двадцать—тридцать дней, когда брожение закончится, вино процеживают в другие кувшины, которые закупоривают пробками из гипса, которые, в свою очередь, обвязывают куском шкуры» (Колумелла. XII, 39, 1—2).

Мыс Бон был настоящим садом Карфагена, о чем упоминали очарованные им наемники Агафокла, высадившиеся здесь в конце IV века: сады и виноградники, орошаемые ручьями и водой прорытых каналов, множество видов фруктовых деревьев, хорошо снабжаемые влагой луга и долины, где пасся скот и лошади. А роскошные выбеленные известью виллы свидетельствовали о богатстве их хозяев (Диодор Сицилийский. XX, 8).

По словам Тита Ливия, у семьи Ганнибала было имение подобного типа на побережье Бизацены (современный тунисский Сахель), между Тапсом (современный Рас Димас) и Ахоллой (современный Рас Бадрия). Своим появлением оливковые рощи, вообще очень характерные для пейзажей здешних мест, обязаны, как говорят, Ганнибалу, который, опасаясь, как бы его воины не начали изнывать от безделья в периоды между их высадкой в Хадрумете (Сус) и битвой при Заме и между его поражением и последующим за этим бегством в 196 году, поручил им высаживать оливковые деревья (Аврелий Виктор. О Цезарях. 37, 3).

Сельские работы. Мозаика из Шершеля

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И РЕМЕСЛА

Главной отраслью карфагенской «промышленности» было, во всяком случае в эпоху Пунических войн, производство оружия. Аппиан сообщает, что накануне Третьей пунической войны арсеналы Карфагена производили по меньшей мере 3 тысячи щитов, 9 тысяч мечей, 1,5 тысячи дротиков и 30 тысяч стрел для катапульт (Аппиан. Ливийская книга. 93). А если верить Полибию (X, 17, 9), то на них было занято 2 тысячи человек. Но наряду с «государственным» сектором экономики, в рамках которого функционировали судостроение, кузни, производство парусов, существовали и менее масштабные предприятия, производившие все то, в чем нуждалась метрополия: консервированные продукты, керамику, ткани, кожу и т.д. И к этому заключению мы пришли,

основываясь на данных, полученных в результате археологических раскопок, а также на текстах эпиграфических источников.

◆ Соления

В жизни всех пунических городов, расположенных на побережье, рыболовство играло большую роль. Рыба не только служила источником питания для карфагенян, но и подлежала дальнейшей переработке и расфасовке, а также производству из уже переработанного сырья продуктов, дополняющих рацион питания, например соуса гарума (см. Кухня и пища, гл. IX). В источниках упоминается множество заведений, специализирующихся в этой области и расположенных от побережья Андалузии до берегов обоих Сиртов (Страбон. II, 3, 4; Псевдоскилак. 110). Флотилия Ликса (современный Лараш на Атлантическом побережье Марокко) и чаще флотилия Кадикса выходили в море и шли в направлении к современной Мавритании, где плавали косяки тунцов, «больших и жирных», которых они ловили. Рыба затем обрабатывалась и помещалась в амфоры, изготавливаемые здесь же, на месте базирования рыболовецких судов, о чем свидетельствуют раскопки одного такого производства в Ликсе. Затем эта продукция доставлялась во все местности пунического мира, в частности в Карфаген, где, как нам кажется, атлантический тунец пользовался большим спросом.

◆ Ткани и пурпур

В античных обществах ткачеством традиционно занимались женщины. Веретена, челноки

и другие приспособления для производства тканей, обнаруженные в женских захоронениях или в домах карфагенян, свидетельствуют о том, что прядением и ткачеством занимались в пунических гинекеях, но не только в них. О производстве тканей упоминается также в пунических надписях. Особую ценность изготовленные ткани приобретали только после их окраски, ставшей основной финикийской специализацией, заимствованной впоследствии пуническим Западом.

Финикийский пурпур — это текстильная краска, оттенки которой варьируются от голубовато-фиолетового до красного цветов. Ее добывали из моллюсков тигех, широко распространенных в Средиземном море. Но этот метод окраски был известен и применялся не только финикийцами. В восточной части Крита, в Палаикастро, были обнаружены впечатляющие груды панциря мурекса (или иглянки), датируемые II тысячелетием. Но среди разнообразных видов мурекса только два из них включают в себя энзим, содержащий знаменитое красящее вещество. И к тому же для получения необходимого количества краски требовалось большое количество моллюсков (из 12 тысяч особей удавалось выделить всего лишь 1,5 г красящего вещества. — *Примеч. пер.*), чем и объясняется высокая цена всех окрашенных тканей, и финикийских в частности. Краску получали путем измельчения *murex trunculus*, или букцинума, в морской воде. В этом случае моллюски выделяли некую бесцветную субстанцию, которая, быстро окисляясь на воздухе, давала красный цвет. Для окрашивания тканей их нужно было погрузить в раствор до того, как начинался процесс окисления. Из эпиграфики до нас дошло

воспоминание Гарая (Gru), сукновала и раба (или слуги) Ханно, сына Абдешмуна. Он как раз и занимался окрашиванием тканей, постоянно находясь рядом с чанами, распространявшими тошнотворный запах, в связи с чем мастерские по окраске были вынесены за пределы города (в пригороды). Бесчисленным панцирям этих моллюсков также находили применение, производя из них прекрасное покрытие для стен, сохранившееся до наших дней в Керкуане (Тунис).

◆ Лес

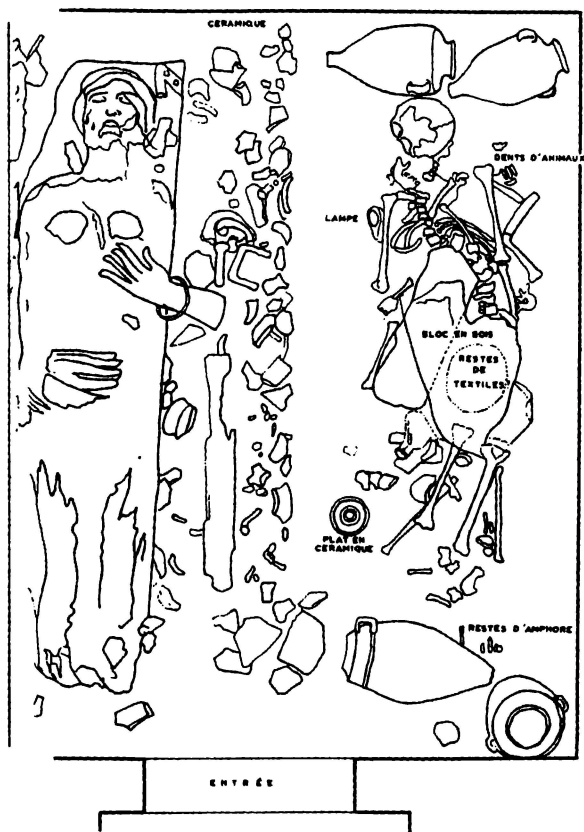
Плиний Старший (Естественная история. XVI, 216) сообщает, что балки, поддерживающие крышу храма Аполлона в Утике, построенного тысячелетием ранее, ни разу не заменялись новыми. И дерево действительно было приоритетным строительным материалом в пуническом мире, наследовавшем финикийские традиции плотницкого ремесла. В распоряжении карфагенских столяров находились огромные лесные массивы Хрумирии, древесина которого, хотя и не такая ценная, как древесина ливанского кедра, с лихвой удовлетворяла потребности карфагенской экономики. Дерево шло на изготовление транспортных средств (кораблей, повозок, колесниц). По словам Плиния, в нем нуждалась архитектура, а также многие другие отрасли ремесленничества (изготовление мебели, скульптур и т.д.). В эпиграфике сохранилось немало упоминаний о столярах и плотниках — наггарах на пуническом языке (в надписи, обнаруженной в мавзолее в Дугге (Тунис) и датированной II веком, они называются Hrǧm š ug или «мастерами по дереву»).

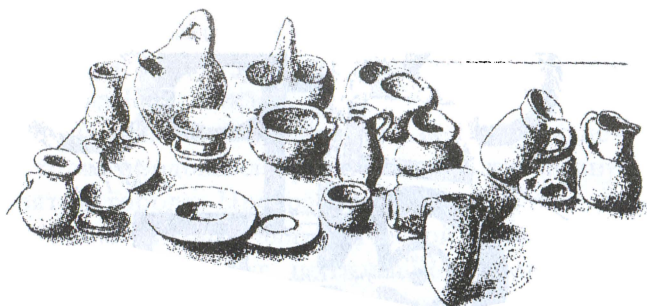
Они изготавливали деревянные колесницы (или повозки) (P'l' glt 'š), ящики, гробы или саркофаги (Hrš 'tnt), деревянные инструменты (P'l Hšhm), о чем свидетельствует надпись из Лептис-Магны в Ливии.

К сожалению, климат и геологические условия в местах проживания пунийцев мало способствуют сохранности органических материалов. Так, за исключением надписей, отдельных обломков и нескольких редчайших находок, только некрополи, благодаря уникальной атмосфере склепов, являются единственными свидетельствами мастерства «ремесленников по дереву» в пуническом мире.

Как нам кажется, дерево использовалось при строительстве усыпальниц в Карфагене, Бизацене (туниcский Сахель), на Мальте или на Сардинии. Судя по многим из них, при их возведении использовались деревянные балки и консоли, а стены были облицованы деревянными панно. В могилах Бизацены были обнаружены сундуки, служившие когда-то мебелью, а впоследствии использовавшиеся в качестве саркофагов. Они были выполнены с особой тщательностью: все элементы на углах вставлялись в пазы и были скреплены при помощи шипов, заливавшихся расплавленным свинцом, что придавало изделию прочность. Они часто украшались накладными деталями, выполненными из слоновой кости или из металла. Но в захоронениях иногда встречались и настоящие саркофаги, изготовленные из резного дерева. Так называемая усыпальница принцессы из Керкуана, обнаруженная в 1970 году М.-А. Фантаром, является замечательным тому подтверждением (см. рисунок). Крышка саркофага укра-

Запись захоронения, называемого усыпальницей
 принцессы из Керкуана, и ее деревянный саркофаг,
 IV–III века. *Entrée* – вход; *plat en céramique* – керамическое блюдо;
restes d'amphore – осколки амфоры;
restes de textiles – обрывки ткани;
dents d'animaux – зубы животного;
bloc en bois – большой кусок дерева; *lampe* – лампа

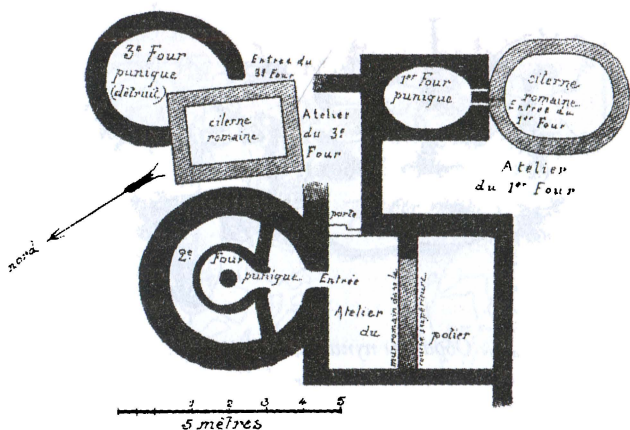

Образцы пунической керамики

шена горельефом в виде женской фигуры около двух метров в длину. Изображение представляет собой даму с цилиндрической тиарой на голове и одетую в тонкую тунику, подчеркивающую формы ее тела. Левая рука с браслетом из драгоценного металла была изготовлена отдельно и впоследствии прикреплялась к «статуе». Весь рельеф состоял из нескольких тщательно подогнанных элементов, покрытых тонким слоем мастики, чтобы сгладить шероховатости дерева. Этот саркофаг в виде статуи, напоминающий его мраморные аналоги из Карфагена и Тарквинии (см. Скульптура и рельефы из камня, гл. VIII), был покрашен, что подтверждается следами красной, желтой и голубой краски, обнаруженными его первооткрывателем.

◆ Керамика

Как и в любой античной экономике, горшечники занимали в пуническом мире центральное место. Именно они изготавливали амфоры, эту

План гончарных печей, обнаруженных в Карфагене
П. Глоклером, середина II века

«тару» античности, а также кувшины, вазы, блюда и тарелки, лампы, то есть предметы обихода, включая горелки для благовоний, маски, статуэтки, предметы культового назначения (см. Коропластика, гл. VIII). Карфагенские гончары добывали глину на близлежащих холмах и формовали свои изделия на достаточно примитивных кругах, придавая им очертания, характерные для пунического мира. Но иногда они повторяли греческие формы гончарных изделий (ойнофоров, или кувшинов для разлива вина, блюд для рыбы), произведенных в мастерских Афин, Малой Азии, Греции, включая ее колонии (имитация кампанской керамики). Далее эта продукция распространялась по всему пуническому западу, благодаря торговой сети, развиваемой карфагенскими купцами.

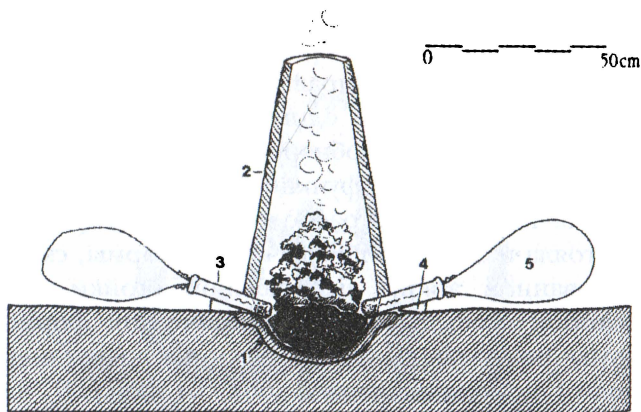
Типичные пунические амфоры в форме торпеды, кувшины с широким горлом (mushroom

jug) или лампы с двумя или тремя светильниками дюжинами выходили из рассеянных вокруг города печей, жадно пожиравших дерево. В начале XX века Поль Гоклер, один из лучших знатоков карфагенской земли, обнаружил гончарную печь, которая продолжала функционировать накануне взятия города. Прекрасно сохранившаяся, она состояла из топки эллиптической формы, смонтированной вокруг центральной стойки, над которой возвышалась цилиндрической формы труба. Воздуховоды, расположенные вокруг пода печи («пол», отделявший топку от камеры), нагревали до высоких температур помещение для обжига (лабораторию), расположенное на одном уровне с мастерской, где гончар размещал свою глиняную посуду. Чтобы изделия не склеивались между собой, между ним прокладывали кругляшки костей. А в расположенном над мастерской чулане, который соединялся с топкой, хранились дрова. Сюда же складывали черепки битой посуды, испорченные изделия, золу из топки, остатки дров и т.д. Мастерскими также поставлялись формы для литья и сосуды с красками, используемые гончарами для украшения ваз.

◆ Металлургия

Рудники или, точнее, их продукция (золото, серебро, олово) являлись главной движущей силой для финикийских мореплавателей, отправлявшихся на запад. Но в этот период, как нам кажется, финикийцы не были причастны к их разработке, предоставив их эксплуатацию тартесийцам в Иберии или этрускам в Италии. Однако после основания Карфагена пунийцы прибрали к

*Реконструкция металлургической печи из Карфагена,
конец III столетия*

*1 – горн; 2 – шахтная печь (реконструкция); 3 – сопло;
4 – основание (фундамент) печи из обожженной глины;
5 – воздуходувный мех*

рукам добычу полезных ископаемых. И об этом свидетельствуют два факта, подкрепленных археологическими данными и литературными источниками. Начиная с VI столетия карфагеняне проникли в глубь территории сульцитанцев на Сардинии и захватили ее, заведя, таким образом, зоной Иглезиенте, богатой полезными ископаемыми. Много позже именно благодаря добыче серебра вблизи Карфагена Баркиды будут финансировать выплату долга Карфагена, а также реализацию их собственного проекта по завоеванию Италии. Плиний Старший (Н. N. XXXIII, 96–97) утверждал, что «шахты рудника Баебело» поставляли ежедневно 300 ливров серебра Ганнибалу.

Это ремесло пользовалось широкой известностью, о чем свидетельствуют не только изображения, представленные на вотивных стелах тофета

в Саламбо, но и тексты пунических и финикийских надписей, в которых упоминаются литейщики (nsk) золота (hrš), серебра (ksp), бронзы или меди (nḥšt), железа (brzl) и свинца ('prt). Хотя термин «литейщик» не всегда соответствовал технологии, используемой для выплавки того или иного металла. И действительно, если плавка золотonosных или среброносных пород (купелирование) с целью получения драгоценных металлов не доставляла много хлопот, с железом, температура плавления которого достигала 1500°C, все обстояло намного сложнее. Даже в хорошо вентилируемых печах достичь такой температуры было невозможно, металл добывался путемковки руды, частично выгоревшей и прошедшей тепловую обработку в печи, подобной той, которую обнаружили на склонах холма Бирса в Карфагене.

В результате раскопок, проведенных французскими археологами, был найден целый квартал металлургов, активно действовавший в период между VI и III веками. Впоследствии его перенесли, а на этом месте возвели жилые здания (так называемый квартал Ганнибала). Здесь производили главным образом железо и медь. В мастерских в печах, оборудованных соплами, осуществлялось частичное выжигание руды. Сопла представляли собой два взаимодополняющих канала, позволяющих создать необходимые условия для проведения плавки. Температура в таких печах, разработанных, по всей вероятности, пунийцами, могла достигать 1000 °C.

СИСТЕМА МЕР И ВЕСОВ

Хотя во множестве надписей, дошедших до нас полностью или фрагментарно, содержатся

упоминания о единицах объема, веса или длины, наши знания о пунической системе мер и весов оставляют желать лучшего. С одной стороны, это обусловлено тем, что эти единицы часто указываются в сокращенном варианте, а с другой — тем, что часто довольно сложно определить значение той или иной единицы (объема, веса и т.д.).

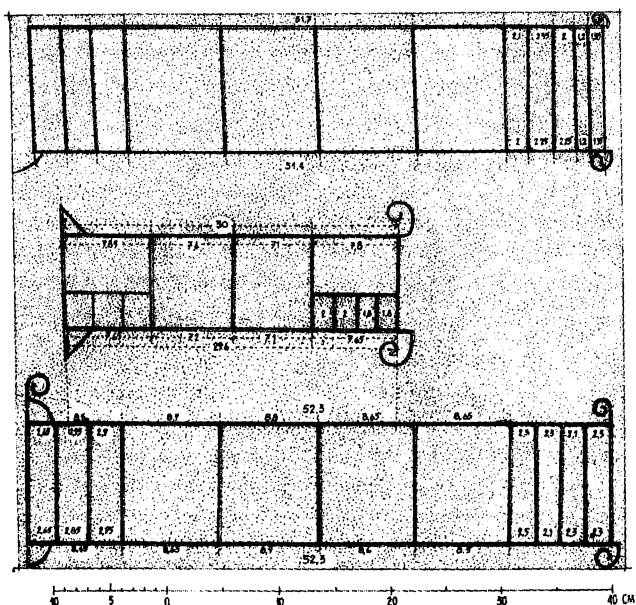
На одной полуколонне, датируемой эллинистической эпохой и установленной в ознаменование строительства бассейна в Тире (Ливан), имеется надпись, содержащая интересные сведения о мерах объема. В тексте описывается бассейн и сообщается его вместимость в Lg (logs, логах). Эта же единица была изображена на двух фрагментах сосудов для благовоний, найденных в Сузах (Ирак), датируемых VII веком. Совершенно очевидно, что ее значение изменялось со временем. Судя по исследованиям, проводимым учеными, изучающими библейский материал, один лог в эллинистическую эпоху соответствовал 0,6 литрам. На черепке, обнаруженном в Саккарае (Египет), приводится множественное число этой единицы объема — lght. Другая единица объема, встречающаяся в надписях на иврите (se' ah; вполне вероятно, что графически она может выглядеть и как s'h) и других семитских языках, известна нам только в своей сокращенной форме — s, которая была обнаружена на тирском глиняном кувшине, датируемом VIII веком. Она соответствовала 13 литрам. На одном алебастровом сосуде, изготовленном, вероятно, в Карфагене, имеется надпись, в которую включены следующие термины: mslt, lp, k. Два последних являются, вне всякого сомнения, сокращенными

формами единиц объема, в то время как первый, начертанный, кроме того, и на амфоре больших размеров, обнаруженной в Мемфисе, в Египте, мог обозначать вместимость сосудов подобной величины. Наконец, в надписи, найденной в Лапетосе, на Кипре, упоминается количество серебра весом в 102 кг. Термин встречается и в Библии как мера веса для зерновых (ког, соответствующий приблизительно 210 литрам). Вполне возможно, что в этом случае речь идет об ошибке писца, который либо забыл удвоить букву «каф» (kaf) для обозначения kkr (талант), либо случайно пропустил букву «шин» (shin) в krš (в персидской мере веса karsha — карша).

Начиная с эпохи Угарита* (XIII столетие) до эллинистической эпохи на Востоке были широко распространены две единицы веса. Речь идет о таланте (kkr) и сикеле (tql в Угарите, впоследствии šql, то есть шекель, в течение I тысячелетия). Эти меры веса встречаются и в Карфагене, хотя применяемая здесь система весов нам известна гораздо меньше, чем восточная. Шекель часто подразумевается в надписях, хотя в некоторых «тарифах», в которых приводятся и его более мелкие единицы (Zr — zôr?, видимо, равный менее четверти шекеля, и 'grt, являющийся, по всей вероятности, двадцатой частью шекеля), вес указывается именно в шекелях (см. Подношения и ритуалы, сопровождающие жертвоприношения, гл. VI).

* Угарит — древний город-государство в Финикии (ныне Рас-Шамра, холм близ города Латакия в Сирии). Название известно с начала II тысячелетия до нашей эры. В то время Угарит находился под влиянием Египта.

*Таблица соответствий (эквивалентов)
между пуническим локтем, римским футом
и птолемеевым локтем, применявшаяся на рынке
в Лептис-Мagne, Ливия (конец I века)*

Кроме своих собственных, карфагеняне пользовались также и иностранными единицами веса, в частности персидскими (дарик, карша), греческими (драхма, мина, литра) и римскими (ливр). Римский ливр (греческая литра; его транскрипция перешла и в пунический язык) встречается в надписях, и в частности в тексте, составленном на трех языках и обнаруженном на Сардинии, в котором его автор сообщает, что он в благодарность за излечение преподнес Эшмуну (= Асклепию = Эскулапу) бронзовый алтарь весом в 100 ливров.

Довольно долго считали, что основной мерой длины в пуническом мире был царский египетский локоть, равный 52 см. Но это не совсем так, по крайней мере в отношении более позднего периода. Благодаря таблице соответствий из Лептис-Магны (Ливия) нам известно, что пунический локоть был длиной от 51,4 до 51,7 см. Он был чуть менее птолемеева локтя, составлявшего от 52,25 до 52,30 см.

Но отыскание основной единицы длины в пуническом мире остается весьма непростой задачей, поскольку вариации существовали даже при возведении разных домов на одной и той же стройплощадке. Так, во время раскопок, проводимых на юго-восточном склоне холма Бирса в Карфагене (жилое здание, датируемое началом II века), С. Лансель идентифицировал два локтя: один был немногим более 50 см, а другой — около 44 см. В Фаросе, на Сардинии, также были идентифицированы две единицы длины для локтя: первая была равна 55 см, а вторая — 46 см. Хотя, как отмечают историки, в Мотии на Сицилии использовался только один локоть, достигавший в длину от 51 до 52 см.

Меры объема

Единица измерения	Эквивалент
Kr (kor)?	210 литров
S'h?	13 литров
Lg (log)?	0,6 литра
Mslt?	?

Меры длины

Единица измерения	Эквивалент
Mrs (=стадий)	Прибл. 185 м

Меры веса

Единица измерения	Эквивалент
Kkr (талант)	60 мин = 25,86 кг (эвбейско-аттический эталон) = 100 римским ливрам = 32,745 кг
Šql (шекель)	9,5 г
Zr (zōr)?	1/4 шекеля = 2,375 г
‘grt	1/20 шекеля = 0,475 г
Ltr (от греческой литры)	11 унций = 1 римскому ливру = 327,4 г
Мина	100 драхм = 431 г (эвбейско-аттический эталон)
Drkm (драхма)	4,31 г (эвбейско-аттический эталон)
Krš (карша)	83,33 г
Drk (дарик)	8,25–8,46 г.

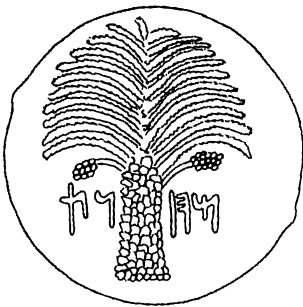
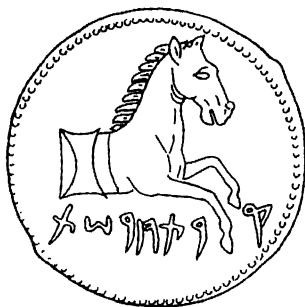
Какой мерой пользовались в пуническую эпоху для измерения расстояний, нам неизвестно. Однако в одной неопунической надписи, датированной 128–127 годами, обнаруженной в Джебель Мессудж (возле Мактара в Тунисе), содержится очень ценное указание, относящееся к единицам длины, используемым в Карфагене. В тексте сообщается расстояние от одного пункта до другого в округе Тушкат, выраженное в так называемых пробегах или этапах (Mrš, множественное число Mršm), что, по мнению М. Снисера, является чем-то вроде перевода классического термина «стадий» (равного 600 футам или приблизительно 185 м).

ДЕНЬГИ

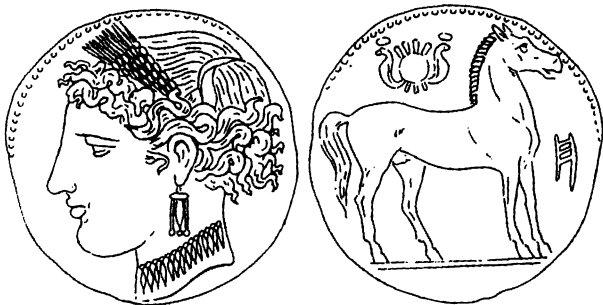
Несмотря на то что в эпоху античности карфагенянам не было равных в торговле и экономике, они, как и их финикийские предки, много позже лидийцев, которым приписывают их изобретение, ввели в обращение деньги. Но этот факт не говорит в пользу их «отсталости», просто карфагенская экономика не знала денег: при заключении торговых сделок пользовались слитками драгоценных металлов разного веса. В ее основе лежала система компенсаций и обмена, порядок функционирования которой нам неизвестен.

Появлением первых пунических монет мы обязаны сицилийским городам. Эмиссия серебряных и бронзовых монет, которая датируется приблизительно серединой V столетия, сначала

*Монета, отчеканенная около 410 года
на Сицилии от имени Карфагена.*

*На ее лицевой стороне изображена
передняя часть корпуса лошади и имеется
надпись «Карфаген». На оборотной стороне –
финикийская пальма и надпись «Mhnt» (Mahanat – армия)*

*Пуническая монета,
выпущенная в Карфагене между
241 и 221 годами. На лицевой стороне изображена голова
Коры (или Тиннит?), а на оборотной –
стоящий конь с крылатым диском над ним и буквой Н
(heth – хет) перед ним*

была осуществлена в Мотии и Палермо. И тот факт, что первые пунические монеты увидели свет именно в сицилийских колониях, вполне объясняется проникновением их экономики в экономику греческих городов острова. Их соотнесенность с весовой аттической системой, а также заимствование символов, изображенных на монетах греческих городов, является тому подтверждением. На первых монетах, отчеканенных в Мотии, изображены голова Горгоны, а на оборотной – пальма, *Phoinix* на греческом языке, что является недвусмысленным намеком на их причастность к городу и к финикийскому происхождению. На других монетах, выпущенных в Мотии или в Палермо, изображены символы разных греческих городов на Сицилии – Агригента, Сиракуз, Гимеры.

И только лишь в переходный период от V к IV веку (410—390 годы) появились первые монеты с надписью «Карфаген». Совершенно очевидно, что все эти монеты, серебряные тетрадрахмы, были отчеканены не в Африке, а на Сицилии, что подтверждается использованием аттического эталона. Впоследствии золотые монеты и монеты из электрума (природный сплав золота и серебра) чеканились в соответствии с финикийским эталоном (шекелем). Надписи, начертанные на них (лагерь, происхождение солдат, к нему приписанных, казначей, или квестор), наводят на мысль, что их выпуск осуществлялся в целях оплаты наемников, принимавших участие на стороне Карфагена в сицилийских войнах между 410 и 396 годами. На этих первых монетах с лицевой стороны были изображены голова коня, иногда — символ победы, а на оборотной — пальма, как на монетах, выпущенных в Мотье.

А в самом Карфагене к выпуску монет приступили в середине IV столетия. Карфагеняне ввели в обращение финикийский эталон, сикель или шекель ($\check{S}ql$) весом в 9,4 г, который вскоре снизился до 7,6 г. Карфагенская мастерская чеканила монеты из золота, электрума или бронзы, на которых часто изображалась голова женщины в профиль, выполненная в сиракузском стиле, но воспринимавшаяся как Тиннит. На аверсе встречались либо протома (условно-декоративное изображение верхней части тела животного) коня, либо изображение того же коня в полный рост, стоящего или скачущего галопом. На заднем пла-

*Пуническая монета,
выпущенная в Испании во второй половине III столетия.
На лицевой стороне изображен бородатый мужчина
с диадемой на голове (Гамилькар?),
а на реверсе – слон и его погонщик*

не иногда виднелась пальма. На других монетах на реверсе изображалась пальма с двумя гроздьями фиников, висящих по одну и другую сторону ствола, и протома коня или голова женщины на лицевой стороне. К выпуску серебряных монет приступили приблизительно в III веке, задолго до начала разработок Баркидами рудников Карфагена. Их отличало наличие на них различных пунических символов и букв. Наконец, после Второй пунической войны появляются и начинают циркулировать низкопробные и не в той степени совершенные с точки зрения их исполнения монеты, в чем некоторые исследователи усмотрели начало упадка города.

Вербовка Баркидами в III столетии солдат в Испании, в частности для подготовки и проведения итальянской кампании Ганнибалом, повлекла за собой выпуск большого количества монет из золота, серебра, электрума и бронзы. И в этот

же период отдельные финикийские города, например Кадикс, Ибица, Малага и другие, приступают к чеканке монет. На Сардинии между IV и концом II века также производилось много денег, главным образом из бронзы. В других пунических городах, таких как Пантеллерия, Мальта, Гозо, Лептис, Сабрата или Триполи в Ливии, чеканили монеты с надписью на пуническом языке, хотя следует отметить, что все они относились к римской эпохе.

В конечном счете у нас сложилось впечатление, что введение денежного обращения в Карфагене и пуническом мире было вызвано скорее необходимостью (или требованиями) предоставить наемникам, вступившим в карфагенские армии, практичный и легко конвертируемый способ оплаты (преобладание аттического эталона на Сицилии), чем реально существующей потребностью карфагенской экономики.

Нужды экономики вполне удовлетворяли способы оплаты, существовавшие и до введения денежного обращения. И как кажется, экономическая деятельность карфагенян всегда была независимой от денежной политики города, что подтверждается отмеченным учеными парадоксом, свойственным последнему периоду Карфагена: в то время как нумизматические данные свидетельствуют о низкопробности и снижении качества исполнения монет, что указывает на медленную агонию, в которую вступил Карфаген после поражения при Заме, результаты раскопок, проведенных в 50-х и 70-х годах прошлого столетия, утверждают обратное. Полвека, отделявшие Вторую пуническую войну от Третьей, оказались

для Карфагена периодом вновь обретенного процветания, ведь именно в это время город предпринял широкомасштабные работы (строительство круглого порта, возведение «квартала Ганнибала»), а что касается импорта, то Карфаген закупал большое количество греческих престижных изделий.

КАРФАГЕНЯНЕ

V

ВРЕМЯ

Описать концепцию и восприятие времени карфагенянами непростое дело, поскольку наши сведения в этой области довольно отрывисты. Если не только в пунических, но и в финикийских надписях содержится относительно богатый лексический материал, относящийся к количественному делению времени, то его восприятие, в частности в религиозной или философской сферах, в них практически не отражено. Тем не менее мы можем выдвинуть некоторые предположения.

Идет ли речь о системе деления времени в церковном календаре по годам правления магистратов или об обычае перечислять всех предков в погребальных надписях и упоминать о проклятиях, насылаемых на головы расхитителей гробниц, ничто не заставит нас думать, что у финикийцев и их западных потомков было циклическое видение эпох и времени: за жизнью на земле следовал вечный покой.

У финикийцев и пунийцев не было отдельного термина для обозначения времени. Наиболее подходящим был термин 't, который скорее обозначал такое понятие, как «эпоха» или «время протекания какого-либо процесса». Но в финикийской и пунической лексике существовали и другие выражения и слова, обозначающие время: прошедшее, настоящее и будущее. Были названия

поочередно следующих дней и месяцев, существовало слово для обозначения понятия вечности (l'im — навсегда) и судьбы, о чем свидетельствует надпись, начертанная на саркофаге Эшмуназара II, хранящегося в Лувре: царь, умерший в четырнадцатый год своего правления, утверждал, что он был преждевременно вырван из жизни.

ИЗМЕРЕНИЕ ВРЕМЕНИ

В противоположность финикийской системе церковных календарей, основанных на годах правления царей, в Карфагене суффеты давали свои имена годам, в течение которых они осуществляли свои функции. Типичная дата выглядела следующим образом: «В год суффетов X и Y, сына Z», причем генеалогия первого названного лица систематически опускалась. Но даже если год соотносился с периодом правления какого-либо царя или носил имя суффета, хронология оставалась относительной и могла быть абсолютной (со скидкой на возможную ошибку) только в том случае, если бы мы располагали полным и внятным списком царей или суффетов, сменявших друг друга. Итак, если, несмотря на отдельные пробелы, списки царей финикийских городов могут быть частично восстановлены, порядок чередования карфагенских суффетов практически невозможно воссоздать. Задача осложняется еще и тем, что встречается множество омонимов. И вполне вероятно, что именно по этой причине в некоторых надписях содержатся «двойные датировки», в которых имена суффетов дополняются именами *рабов*. На самом деле речь идет об уточнении, снижающем вероятность возник-

новения путаницы между годами. Так, к имени суффета, исполняющего свои обязанности в течение определенного года, в дату вводилось добавление, что это событие имело место в период деятельности того или иного *rāba* ('tR, где R является сокращенной формой от Rabim).

В 60-х годах прошлого века была обнаружена весьма интересная надпись III столетия, содержащая дату, указанную в соответствии с каноническим способом датировки, используемым в эту эпоху в Карфагене: «...Bst Šp̄tm Šp̄tw 'dnb'l ' tR... whbrnm», что переводится как «В год суффетов Шуфета (имя собственное) и Гадонибаала, во времена *rābov*... и их коллег». Еще одна надпись, найденная в тофете, являет собой редкое свидетельство перехода от одной магистратуры к другой. Текст, в котором говорится о строительстве двух часовен в Ливане, посвященных Аштарт и Тиннит, содержит имена двух пар разных суффетов, которым предшествует термин *Šp̄tm*.

Частое упоминание в надписях новолуния (о праздниках новолуния) свидетельствует о том, что финикийский и карфагенский календари были лунными. В них мы также обнаружили названия двенадцати месяцев, часть которых встречается и в еврейском календаре периода до изгнания. На этой основе и по аналогии с календарями, принятыми на Ближнем Востоке (Угарит, Месопотамия, Египет, у евреев), удалось восстановить год, состоящий из двенадцати месяцев и включающий, по всей вероятности, один дополнительный месяц. Но если мы и располагаем названиями практически всех этих месяцев, установить порядок их следования не так просто.

Финикийско-пунический календарь

Порядок следования	Название месяца	Значение	Приблизительное соответствие с юлианским календарем	
1	'tnm		Октябрь, знаменовал собой начало года	Обнаружение названия месяца в соседних культурах
2	Bl		Ноябрь	Встречается в Ветхом Завете (I Книга царств, 8, 2), хурритское* заимствование?
3	Mrp' (m)	Месяц исцеления	Декабрь?	Встречается в В.З. (I Цар., 6, 38)
4	Pg] gm	Еврейский термин PGR обозначает стелу	Январь	Встречается в Угарите
5	P'Lt	Месяц работ?	Февраль	Встречается в Угарите
6	Hyr		Март	Встречается в Угарите, хурритское заимствование?
7	Zyb	Месяц расцвета	Апрель	Встречается в В.З. (I Цар. 6, 1: Zw)
8	Mtn	Месяц даров?	Май?	
9	Zbh Sms	Месяц жертвоприношения солнцу	Июнь?	
10	Krr	Месяц танцев?	Июль?	Хурритское заимствование?
11	Mr' Lpny	Месяц перед (до) Месяца Mr'	Август	
12.	Mr'	Корень Yr' обозначает появляться: месяц воскрешения божества?	Сентябрь?	

* Хурриты – древний народ, появившийся на территории северной Месопотамии во второй половине III тысячелетия до нашей эры.

Ученые связывают некоторые из перечисленных месяцев (Zyb, 'tnm, Bl и P'lt) с наступлением сезонных работ, в то время как в другие, например в месяц Zbh Šmš (жертвоприношение солнцу), осуществлялись праздничные церемонии и литургические службы. Полагают также, что месяц Krg, упомянутый в надписи, обнаруженной в Пирги, был месяцем танцев. И мы с большой уверенностью можем утверждать, что год начинался с месяца 'tnm и заканчивался в месяце Mr'.

Если допустить, что финикийский, а затем и пунический календари были основаны на календарях либо Месопотамии, либо Египта, являющихся в то время двумя главными культурными полюсами на Ближнем Востоке, то вполне возможно установить начало отсчета времени у финикийцев и пунийцев.

В первом случае день начинался с заката солнца (Mb' Hšmš). А первый день месяца начинался вечером того дня, когда на небе появлялся тонкий серп новой луны (Hdš). Ночь полнолуния (Ks') соответствовала пятнадцатому дню месяца, который насчитывал от 29 до 30 дней. И, как свидетельствует одна финикийская надпись, обнаруженная на Кипре, это событие сопровождалось празднованиями. Поскольку лунный год состоял из 354 дней, то для совпадения календаря с сезонными ритмами, а следовательно, с сельскохозяйственными работами, в него вставляли один дополнительный месяц, как это имеет место в наши дни в еврейском календаре. Вполне возможно, что им был месяц Mr' Lpny. Но тогда двенадцатый месяц остается неизвестным для нас, хотя некоторые специалисты предполагают, что им был месяц Šh, встречающийся в иудейском календаре,

который шел за августом перед дополнительным месяцем.

Также вполне вероятно, и скорее всего так оно и было, что финикийско-пунический календарь был заимствован у египтян. В этом календаре, который не всегда совпадал по фазам с солнечным календарем, день начинался с восходом солнца (Mš' Nšmš), а полнолуние выпадало на второй день месяца. Каждый месяц состоял из 30 дней, а год включал в себя, таким образом, 360 дней. Чтобы не отставать от солнечного года, в календарь включали пять дополнительных дней, прибавляемых в конце двенадцатого месяца. Древних египтян, которые использовали и другие календари, эта система удовлетворяла полностью, даже если каждые четыре года набегал один лишний день.

Если имеющиеся в нашем распоряжении редкие эпиграфические свидетельства дают возможность выдвинуть некоторые предположения относительно деления года (Šn), то в том, что касается деления месяца (Yrh — термин, изначально обозначающий луну), все обстоит гораздо сложнее. Нам неизвестно, был ли он поделен на недели, а если да, то когда они начинались. То же самое относится к делению дня (Ym) на временные периоды. Благодаря надписям мы знаем названия только двух из них: восход солнца (Mš' Nšmš) и заход солнца (Mb' Nšmš), которые были двумя кардинальными точками отсчета (см. Путешествия, гл. IX). Мы до сих пор не знаем, каким словом обозначалась ночь. Хотя благодаря многим циферблатам, найденным как на Востоке, так и на Западе, нам стало известно, что финикийцы и пунийцы делили день на часы еще в эллинистическую эпоху. Один из таких солнеч-

ных циферблатов, обнаруженных в Лептис-Магне (Ливия), который мог быть произведен в Греции, обозначался неопуническим термином Pn.

ПЕРИОДЫ ЖИЗНИ

Нам мало что известно о разных периодах жизни обычного карфагенянина или карфагенянки. Но отдельные термины, встречающиеся в надписях, а также сведения, полученные при изучении тофетов Карфагена и Сардинии, позволяют выделить основные этапы жизни, поскольку по поводу их наступления проводились торжественные мероприятия.

Напомним очевидное: человеческое существование делилось на три периода: детство, зрелый возраст и старость. Две финикийские надписи, обнаруженные в Турции, подтверждают различие, существовавшее между периодом зрелости (Lmnr'gy — «начиная с юности») и старостью (Rš't). В пуническом обществе, как и в любом другом, переход от одного периода жизни к другому сопровождался праздничными торжествами. И это касалось, в частности, окончания детства и вступления во взрослую жизнь. И тофеты в этом случае являются идеальными «хранилищами» подобных практик.

ОБРЯДЫ ПЕРЕХОДА

Имеющиеся в нашем распоряжении данные, касающиеся проведения обрядов перехода, весьма неравноценны. Практически все эти сведения были получены при раскопках тофетов и некро-

полей, хотя они касаются только некоторых обрядов, и нам, например, ничего не известно о том, как проводились торжества по случаю рождения или свадьбы.

Начиная с Диодора Сицилийского тофет воспринимался как отвратительное и гнусное место, где карфагенянин приносил в жертву своего первого ребенка.

Древние авторы, не понимая в полной мере значения карфагенских обрядов и церемоний, ассоциировали хорошо систематизированные религиозные и социальные практики с регулярным проведением искупительного жертвоприношения в честь кровожадных божеств. Однако непредвзятый анализ объективных данных свидетельствует о том, что в тофетах происходили различные типы церемоний, в частности в них проводились обряды при переходе от одного периода жизни к другому. Здесь, видимо, имел место печально знаменитый обряд, называемый Молох (то есть проведение детей через огонь. — *Примеч. пер.*). Его осуществление подтверждается несколькими надписями на пунических стелах, где он обозначается терминами молк (Mlk) или молкбаал (Mlkb'l) и по своему значению приближается к латинскому выражению *intravit sub iugum* (вступление в период пребывания под игом). Речь, видимо, идет о чем-то вроде крестин, которые сопровождалась церемонией, включающей жертвоприношение и установку стелы (см. Тофет и Молох, гл. VI).

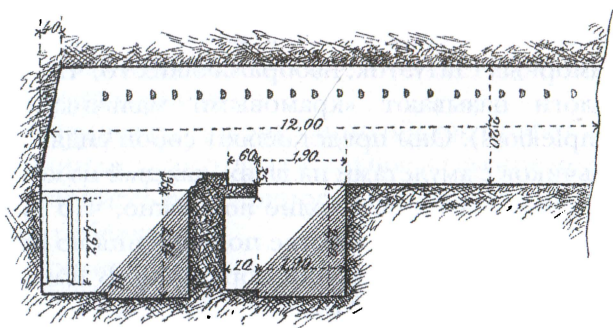
Другим важным моментом в жизни финикийских и карфагенских мальчиков было, по всей вероятности, обрезание, о котором Геродот (II, 104) говорил, что оно было заимствовано у египтян.

В Сидоне (Ливан), в храме Эшмуна, бога-исцелителя от болезней, было обнаружено множество мраморных статуэток, изображающих то, что археологи называют «храмовыми мальчиками» (temple-boys). Они представляют собой сидящих мальчиков с амулетами на шеях, каждый из которых держит голубя. Вполне возможно, что они предназначались в качестве подношения во время проведения церемонии обрезания. В Карфагене также были обнаружены аналогичные образы, изображенные, в частности, на стелах тофета. В надписях на стелах иногда встречаются упоминания о брадобреях, на которых традиционно возлагалась обязанность проведения подобной операции. Принимая во внимание, что этот тип изображений относительно редко встречается в Карфагене, ученые пришли к заключению, что этот обряд довольно скоро был предан забвению.

Однако церемонии, проводившиеся в тофетах, касались не только мальчиков. На стелах тофета в Сульчисе, на Сардинии, встречается столько же изображений мальчиков, сколько и девочек. Девочки чаще всего представлены анфас с тамбуринами, которые они держали в руках. Вполне возможно, что эти образы выбивались на стелах в ознаменование торжеств, организуемых в момент перехода от детства к юности, то есть в момент наступления половой зрелости.

Что касается погребальных церемоний, то сведения, полученные в результате раскопок, проведенных в пунических некрополях, дают возможность восстановить обряды, осуществляемые по случаю похорон. Торжественность и пышность их проведения зависели, разумеется, от материального достатка усопшего и членов его семьи,

*Продольный разрез погребальной шахты
из так называемого некрополя рабов в Карфагене
(IV столетие) с двумя расположенными
друг над другом склепами*

но и также от того, каких обрядовых обычаев они придерживались: захоронение тела или его сожжение. В последнем случае покойника располагали на костре, после чего крупные кости собирались и складывались вместе с амулетами в погребальную урну, либо размещались прямо на земле в усыпальнице. В случае захоронения тела, покойника омывали и подготавливали к проведению погребальной церемонии. Затем его украшали принадлежащими ему при жизни драгоценностями (кольца, печати и т.д.), к которым добавлялись различные так называемые апотропаические предметы, египетские по происхождению (защитающие от неблагоприятных воздействий и отгоняющие их): фигурки Беса и Птаха-патека (в виде нагого уродливого карлика), колокольчики, чехлы для амулетов и т.д. Затем тело помещалось в деревянный сундук (гроб), хотя иногда его укладывали непосредственно на землю или на слой извести.

Если в богатых семьях располагали средствами, то приобретали дорогостоящие мраморные саркофаги для своих покойников (см. Скульптура и рельефы из камня, гл. VIII). В IV столетии существовал обычай наливать в них некоторое количество благоуханной смолы. А веком раньше одна богатая дама из Кадикса (Испания), захороненная в мраморном саркофаге, вывезенном из Сидона, была, вероятно, сначала забальзамирована, а уж затем ее тело обернули саваном.

Обычно покойников клали головой на восток, а ногами на запад, то есть в таком положении, которое, видимо, способствовало установлению связи с ходом солнца. А в самой усыпальнице покойника окружало более или менее большое количество самых разнообразных изделий: здесь находили предметы быта, мебель, выполненную в миниатюре, музыкальные инструменты, вещи, когда-то ему принадлежавшие, и т.д. Некоторым предметам отводилось определенное место: яйца страуса размещались рядом с головой, амфоры и большие кувшины для вина ставили в ноги. Иногда в левую руку покойнику вкладывали унгентарии (сосуды со слезами), или бронзовую, или железную бритву (см. Бритвы, гл. VIII). У ламп, как нам кажется, не было определенного места, они могли располагаться где угодно. Церемония похорон начиналась с целой серии пожертвований, назначение которых сводилось к тому, чтобы представить усопшего богам; к ним относились яства, яйца страуса (см. Яйца страуса, гл. VIII), различные виды питья (вино, молоко, вода, включая и растительное масло). В отдельных случаях в жертву приносили козу. Греческое влияние прослеживалось до самого конца Карфа-

гена, оно воплощалось в наличии в захоронениях бронзовых монет и обол, предназначенного для Харона*. После закрытия могилы лица, осуществлявшие церемонию захоронения, выбрасывали пустые сосуды и чаши, покидая кладбище. Затем принимавшие участие в траурной процессии расходились, чтобы вернуться сюда через несколько дней и устроить поминальную трапезу в честь усопшего.

* В греческой мифологии Харон переправлял умерших через реку Стикс в царство мертвых, за что получал плату в один обол.

VI

РЕЛИГИЯ

Как у их финикийских предков и как вообще у всех семитов, у карфагенян было аниконическое (то есть не связанное с изображениями) видение божественного проявления. Культ мог осуществляться в любом предполагаемом месте пребывания божества (вершина горы, например) или рядом с любым объектом (трон, камень), готовым его принять. Отсюда и возник обычай устанавливать магические камни, или бетилы (термин имеет семитское происхождение (bt 'l) и означает «обитель божества»), которым поклонялись). Но кроме этих общих сведений, нам трудно сказать что-либо еще о религиозном мировоззрении карфагенян. У нас нет литургических или мифологических текстов, способных прояснить, как осуществлялись культы, или что собой представляло религиозное чувство пунийцев. Нашими единственными источниками являются надписи, которые не всегда понятны и убедительны, и иконографические представления, интерпретация которых не всегда доступна. Но, несмотря на это, некоторые образы и надписи религиозного характера, в частности тарифы, устанавливающие размеры подношений или списки расходов, понесенных храмами, свидетельствуют о том, что религиозная жизнь была в высшей степени динамичной. В финикийском и пуническом мирах боги рождались, жили, умирали и возрождались вновь. Некоторые из них были практически пре-

даны забвению, тогда как другие обретали новую жизнь в западных колониях.

БОГИ

Мифологические рассказы, содержащиеся на глиняных клинописных табличках Угарита (иначе — таблечках), тексты финикийских и пунических надписей, а также вся совокупность иконографических изображений на votивных стелах дают возможность описать относительно обильный пантеон финикийско-пунических богов и выделить основные характеристики каждого из божеств. Они обладали более широкими «полномочиями», чем божества, населяющие греко-римский мир, чем и объясняются трудности, с которыми сталкивались классические авторы при присвоении греческого или латинского теонима (божественного имени) тому или иному финикийско-пуническому божеству. Так, Аштарт, в зависимости от автора, называли Афродитой, Артемидой или Юноной. И наоборот, финикийско-пуническое божество, которое Плиний Старший, а затем и Аппиан называли Аполлоном, иногда идентифицировался с Мелькартом, а иногда — с Решефом.

Финикийские теонимы, равно как и антропонимы (имена людей), в целом достаточно прозрачны. Большая часть семитских мужских богов носят имена, состоящие из обобщающего термина баал (B'l — наставник, господин), дополненного указанием места или объекта. Этот термин может иметь форму женского рода, о чем свидетельствует наименование богини Библоса Баалат (B'lt). Кстати говоря, всех этих божеств объеди-

няла одна общая черта — каждый из них был покровителем того или иного города. Так, Милькарт был защитником Тира, Эшмун, по всей вероятности, — Сидона, а Баалат Губал (B'lt Gbl), то есть «владычица Библоса», оказывала покровительство этому городу. Что касается пунического Запада, то можно предположить, что Тиннит была патронессой Карфагена, а Цид защищал Сардинию, что Кадикс находился под покровительством Мелькарта и что, наконец, в Ликсе особо почитался Шамаш (Šmš).

◆ Аштарт ('strt) (Ашторет, Астарта)

Аштарт была преимущественно финикийской богиней, богиней плодородия и войны. Ей поклонялись не только в Финикии, но и на Кипре и Мальте. Ее почитали также и в Пиргии, где этруски ассимилировали ее с богиней Уни. Существуют несколько надписей, обнаруженных в Карфагене, свидетельствующие о том, что ей был посвящен один их храмов, хотя по сравнению с Тиннит она не пользовалась таким преклонением и почитанием. Образ Аштарт, атрибутами которой были голубь и серп месяца, был заимствован у великой египетской богини Хатхор, с которой у нее было много общего.

◆ Баал Хаммон (B'l Hmn)

Одновременно бог солнца и подземного царства, он был в пуническую, а затем и в римскую эпохи верховным богом африканцев и назывался африканским Сатурном. Судя по латинскому эпитету *Frugifer* (щедрый), которым его часто на-

деляли, он был богом плодородия земли, и даже более того — он был космическим божеством, а его эмблемой был серп месяца, над которым возвышался шар, окруженный звездами.

♦ Баал Сафон (B'l Spn)

Это древнее семитское божество бури и урагана. Первоначально оно появилось на горе Сафон, современное название Джабаль аль-Акра, расположенной в 40 км на севере от Угарита (современный город Рас-Шамра, на побережье Сирии). Обожжаемый, по меньшей мере с XIII столетия, племенами, населяющими Угарит, он покровительствовал мореплавателям, о чем свидетельствуют votivные якоря, обнаруженные в храме, возведенном в его честь. Его имя использовалось для обозначения севера населением восточного побережья (в качестве термина оно сохранилось и в иврите). Как нам известно, на пуническом Западе, а именно в Карфагене, в его честь был основан храм.

♦ Баал Шамим (B'l Šmm)

Судя по его имени, это был бог неба. В надписи, обнаруженной на одной карфагенской стеле, упоминается посвященный ему храм (хотя вполне возможно, что это была всего лишь небольшая часовня), построенный в Карфагене внутри ограды тофета.

♦ Эшмун (šmn)

Бог-покровитель Сидона Эшмун часто уподоблялся греческому Асклепию и римскому Эскула-

Баал-Хаммон в тиаре

пу. Судя по его имени, которое означает «масло» (растительное), а в широком смысле — «бальзам», он был богом-целителем. Если верить литературным источникам, в Карфагене в его честь возвели храм на вершине холма Бирса. В надписях упоминаются несколько рабов или служителей, приписанных к этому храму. Нам неизвестно, какие предметы входили в число его атрибутов и какова была его иконография.

◆ Хорон (Hrn)

Об этом божестве мы почти ничего не знаем, хотя к нему обращались еще в Угарите как к божеству, служащему противоядием от змеиных укусов. На пуническом Западе о нем упоминается

лишь в одной надписи, обнаруженной в храме, посвященном Циду и расположенном в Антасе, на Сардинии.

♦ Хотер Мискап (Htr Mskr)

Упоминаемое в трех надписях, обнаруженных в Карфагене, это божество, имя которого отсылает к запоминанию, был особенно почитаем в Мактаре (тунисский О-Телл).

♦ Милькарт (Mlqrt)

Именно так мы будем обозначать бога-покровителя Тира, хотя общепринятое произношение его имени — Милькарт. Его имя является сращением *mlk* — царь и *qrt* — город. Таким образом, он был правителем города. Геродот (II, 44), который, как и все греки, идентифицирует его с Гераклом, посещал его святилище в Тире в середине V века, и непосредственно из уст жрецов услышал историю становления его культа. Он сообщает, что святилище было основано одновременно с городом в III тысячелетии. И как бы усиливая органическую связь, установившуюся между Тиром и Милькартом, многие западные надписи содержат выражение: «Mlqrt 'l Šr», или «Милькарт, который правит Тиром». Милькарт был главной фигурой финикийской религии. Неизбежно ассоциируемый с финикийской экспансией, он был, по словам Диодора Сицилийского (XX, 14), Гераклом для колонистов. Легенды об основании Карфагена и Кадикса с большой убедительностью повествуют о том, что колонисты не преминули захватить с собой реликвии этого божества.

А едва прибыв на место, они сразу же принялись строить храм, что-то вроде «филиала» храма в Тире, где в основном и происходил товарообмен с местным населением.

Святилище в Кадиксе на Санкти Петри, ныне практически поглощенном водой островке, было главным центром притяжения для всех исповедующих культ Милькарта. Именно сюда пришел Ганнибал, прежде чем отправиться в итальянский поход. И славу святилища, далеко вышедшую за пределы финикийского и пунического миров, не смогла поколебать даже победа, одержанная римлянами, поскольку Цезарь также бывал здесь (Дион Кассий. XXXVII, 52; Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. 7; Плутарх. Цезарь, 11, 5). На самых древних образах этого бога он представлен в положении стоя, с бородой, одетый в длинную тунику и с конической тиарой на голове. На плече он нес топор с отверстием в топорнице и, может быть, цветок лотоса. Но вскоре его образ претерпел значительные изменения, заимствовав иконографию греческого Геракла. Ему приписывают также и две одинаковых стелы из храма в Тире, часто изображавшиеся на монетах. Его egersis (пробуждение, возрождение) праздновали в течение греческого месяца Peritios (февраль—март), что соответствовало, видимо, финикийскому месяцу Мр' (см. Измерение времени, гл. 5). В этот период бог возрождался к жизни благодаря ритуальной женитьбе на своей супруге Аштар (иерогамия).

♦ Решеф (Rsp)

Это самое древнее божество, которому поклонялись еще в Эбле, Мари (III тысячелетие) и в

Угарите (II тысячелетие). К нему, символизирующему чуму и войну, обращались, чтобы отвести беды, которые он мог наслать во гнев. Самое большое количество свидетельств, подтверждающих существование этого бога, были обнаружены на Кипре, где ему, видимо, были присущи черты местного Аполлона. В одной надписи из Карфагена упоминается его храм. Вполне вероятно, что речь шла о храме, расположенном на центральной площади (агоре), который был разграблен армиями Сципиона Эмилиана (Аппиан. Ливийская книга, 127; Валерий Максим. I, 1, 18). Исходя из того, что у них были общие атрибуты — лук и стрела, а также в силу того, что оба были солнечными богами, Решефа обычно идентифицируют с Аполлоном. Место, которое он занимал в подписании пакта между Ганнибалом и посланниками Филиппа V (первая триада), дает возможность предположить, что ему отводилась официальная роль в Карфагене.

♦ Саламбо

Этот теоним, заимствованный Г. Флобером для названия своего романа, встречается в «Жизнеописаниях Августов» (Гелиогабал. VII, 3). Он является производным от теофорного имени Садамбаал (Ṣdmb'l), упомянутого один-единственный раз в пунической надписи, обнаруженной на Мальте и датированной III веком. И в сегодняшнем Карфагене один из кварталов носит название Саламбо, которое в силу эффекта бумеранга было ему присвоено в начале XX столетия. Ведь Флобер, с головой окунувшись в историю Карфагена, был первый, кто

Тофет в квартале Саламбо

ввел в обиход это имя, данное впоследствии кварталу, и какому кварталу?! В котором находился тофет, и где, по слухам, осуществлялись человеческие жертвоприношения!

♦ Сакон (Skn)

В Карфагене, где его почитали как священного бога (B'l qdš), в его честь был построен храм. В другой надписи (плохо, впрочем, сохранившейся) его имя встречается наряду с именами Шамаша и Баала. В Пирее (Греция), где его считали всемогущим, ему был посвящен мраморный алтарь, датируемый III веком. Поскольку рядом с этим алтарем находились и другие, посвященные Гермесу и Зевсу Сотеру, ученые пришли к выводу о наличии сходства в осуществлении функций между этим божеством и греческим Гермесом.

◆ Шадрапа (šdrp')

Ему поклонялись на Востоке, в Амрите и Сарепте. Упоминания о нем на пуническом Западе встречаются в четырех надписях, датируемых между V и III веками и обнаруженных в Гротта Реджина, в гроте-святилище, расположенном поблизости от Палермо, на Сицилии. Судя по другой надписи, найденной в храме Цида в Антасе, один из его приверженцев преподнес по обету образ Шадрапы, который так и не был обнаружен. Бог-покровитель Лептис-Магны, в Ливии, в римскую эпоху наряду с Милькашартом ассоциировался с Либер Патер (то есть с Дионисом или Вакхом). Эта ассоциация и главным образом разложение его теонима на две составляющих: на Шад (Shad) и Рап (Rp'), что означает «исправлять», а в более широком смысле — «лечить», наводит на мысль, что это был бог-целитель.

◆ Шамаш (šmš)

Этот теоним означает «солнце». В тексте на табличке, найденной в Пирги, упоминается месяц жертвоприношений в честь Шамаша, что свидетельствует о том, что его культ считался официальным. А в надписях, обнаруженных в Карфагене, он встречается в числе прочих божеств, и в одной из них говорится о слугителе, приписанном к его храму. В Ликсе, на Атлантическом побережье Марокко, где заходящее солнце погружается в океан, на монетах встречается надпись «Mqm šmš», что означает «обитель Шамаша». Вполне возможно, что он был покровителем этого города.

◆ Цид (Šd)

О поклонении этому божеству свидетельствуют теофорные (буквально «богоносные». — *Примеч. пер.*) имена, встречающиеся начиная с VII века на Востоке. В Карфагене его культ ассоциировали с культами Тиннит и Милькарта, о чем свидетельствуют надписи, датированные самое раннее IV веком, в которых упоминается о священных рабах. В качестве самостоятельного божества Циду поклонялись на Сардинии, где пуническим населением он почитался как прародитель и покровитель острова (Šid 'dr Bby, то есть «Цид — отец всемогущий»). В греческих источниках его уподобляют Иолаю, помощнику Геракла и колонизатору Сардинии. Если верить Павсанию (X, 17), пунийцы и сардинцы даже воздвигли в святилище в Дельфах статую с его изображением. Руины святилища в Антасе, а также большое количество votивных надписей, обнаруженных в ходе раскопок, свидетельствуют о том, что культ Циды имел большое значение в религиозной жизни. Знатные люди из Кальяри и из Сульчиса (Krlu и Slky на пуническом языке) посещали святилище, вырубленное в его честь в скале. С началом романизации Сардинии и до расцвета имперского периода ему продолжали поклоняться и почитали его под именем Сардус Патер Баб(и). Этимология его имени говорит о том, что он был покровителем охотников и рыболовов, хотя его ассоциация с культами Хорона и Решефа свидетельствует о том, что он был целителем. В иконографии он представлен в двух видах: молодой и безбородый и в зрелом возрасте и с бородой. Но в обоих случаях у него на голове была тиара из перьев, а в руках — копье.

◆ Тиннит

Этот теоним, довольно долго озвучиваемый под влиянием первых филологов как Танит, в действительности произносится Тиннит, что подтверждается греческой транскрипцией этого имени, начертанной на стелах, которые были

Скульптурное изображение Тиннит с львиной головой

обнаружены в святилище Эль-Хофра в Константине. Это божество в течение долгого времени считалось африканским, несмотря на одну обнаруженную в Карфагене надпись, в которой говорится, что Тиннит поклонялись в Ливане. Благодаря найденной в ходе раскопок, проведенных в Сарепте (Ливан), надписи, датируемой VI веком, в которой приводится ее имя, восточное происхождение Тиннит не вызывает у нас сомнений. Первые свидетельства о ней в Карфагене относятся к V веку, что подтверждается текстами на стелах тофета, в которых она упоминается наряду с Баал Хаммоном, чьей супругой она являлась. Она была наделена многочисленными функциями: была богиней подземного царства и уподоблялась Артемиде, но ее ассоциация с созвездиями придавала ей космические масштабы. Она была Куротрофой (то есть вскармливающей или кормилицей), о чем свидетельствует прилагаемый к ней эпитет «материнская» ('m), часто встречающийся в Карфагене, замененный в римскую эпоху на *nutrix*. Будучи верховной богиней в Карфагене, она способствовала плодородию мужчин и земли. Она возглавляла ассамблеи. В римскую эпоху она становится Юноной небесной (или Целестис). Точно так же, как Аштарт была наделена многими иконографическими чертами богини Хатхор, Тиннит заимствовала некоторые атрибуты Изида (крылья грифа, скрывающие нижнюю часть тела). В текстах на стелах тофета Карфагена она, как правило, упоминается перед Баал Хаммоном. Если принимать во внимание надписи на греческом языке на монетах, отчеканенных в Ашкелоне, то ее называли «пан Баал» (pn B'l) или скорее «фан Баал». Среди многих предложенных

вариантов перевода вариант «Лик Баала» нам кажется предпочтительнее, поскольку в данном случае подчеркивается тесная связь, объединяющая двух божеств.

КУЛЬТЫ

Финикийская, а затем пуническая религия была далеко не так однородна, как это может показаться с первого взгляда. Наследник локального партикуляризма городов финикийского побережья, пунический мир воспроизвел ее модель на своем Западе. В городах-космополитах, заселенных поочередно следующими друг за другом волнами иммигрантов, отмечалось множество культов: официальных, частных, то есть династических.

Если не вызывает сомнения тот факт, что в финикийских городах восточного побережья исповедовали официальные культы божеств-покровителей этих городов (Милькарта в Тире, Эшмуна в Сидоне, Баалата в Библе и т.д.), то в отношении Карфагена все далеко не так прозрачно. Литературные источники и эпиграфические сведения, обнаруживаемые по большей части в тофете, довольно противоречивы. Согласно первым, превалировал культ Баал Хаммона, мужского божества, питающегося, по слухам, кровью карфагенских мальчиков. Хотя, если верить вторым, культ женского божества Тиннит имел гораздо большее значение. Именно она упоминается под именем «Гения Карфагена» в договоре, подписанном Ганнибалом и посланниками Филиппа V Македонского (см. Дипломатия и международные отношения, гл. III).

Протома богини

Если принимать во внимание частоту упоминания их имен в надписях, а также большое количество статуэток, фигурок и рельефов с их изображением, можно с уверенностью сказать, что оба эти божества были главенствующими в Карфагене. И следовательно, исповедование их культов осуществлялось на официальной основе, что, впрочем, подтверждается древними источниками, в которых упоминаются статуи, установленные в их честь. Судьба этих изображений оказалась не самой славной. По словам Плиния Старшего (Естественная история. XXXVI, 39), после разрушения Карфагена статуя Баал Хаммона оказалась установленной прямо на зем-

ле (humī stans) у портика Наций в Риме. Следы скульптурного изображения Тиннит затерялись во времени, хотя много позже, в 218–222 годах нашей эры, статуя богини появилась в компании бога-солнца Элагабала в храме на холме Палатин в Риме.

Кроме Тиннит и Баал Хаммона, в Карфагене существовали и другие божества, культы которых были приняты официально. Хотя убедительных тому подтверждений у нас недостаточно. В своем описании взятия города Аппиан упоминает храм, расположенный на агоре и посвященный Аполлону, хотя его пунический аналог нам неизвестен (Решеф, Эшмун, Милькарт?). Диодор Сицилийский в свою очередь рассказывает о введении в Карфагене культа Деметры и Коры после поражения при Сиракузах в середине IV века. Принимая во внимание большое количество курильниц для благовоний, найденных на месте раскопок, этот храм, по всей вероятности, располагался на северо-западе от некрополя, называемого некрополем *рабов* (см. Карфаген, гл. II). За пределами Карфагена, в финикийских колониях на Средиземноморье, официально поклонялись божествам-покровителям их городов. В Кадиксе культ Милькарта исповедовали не только его жители. В Утике культ этого Аполлона, упомянутого Плинием Старшим (Естественная история. XVI, 216), был наряду с культом Цида, «праотца сардов», принят официально.

Всегда сложно говорить о частных культах, поскольку их распространение было по определению ограничено домом и семьей. Но тем не менее в ходе раскопок в 50-х годах прошлого столетия жилого дома в «квартале Ганнибала» архео-

логами была обнаружена домашняя часовня, хотя сказать, в честь какого божества она была возведена, не представляется возможным. Это открытие свидетельствует о существовании домашних культов. Тофет также мог представлять собой место осуществления частных культов, о чем свидетельствуют тексты на votivных стелах. Вполне допустимо, что карфагеняне практиковали культ предков или, по меньшей мере, культ усопших. Диодор Сицилийский (XIII, 62, 4) утверждал, что перед битвой при Гимере Ганнибал Магонид принес в жертву три тысячи греческих пленников манам своего предка Гамилькара. А у жителей Карфагена был обычай регулярно посещать семейные склепы. В конце Второй пунической войны Гасдрубал Козленок, заклятый враг Баркидов, на которого была возложена миссия проведения переговоров о мире с римлянами, был обвинен разъяренной толпой в измене. По словам Аппиана, он укрылся в усыпальнице своего отца, где покончил жизнь самоубийством.

За исключением культов Деметры и Коры, введение которых подтверждается как литературными источниками, так и результатами археологических раскопок (иконография, надписи), мы не можем сказать, исповедовались ли в Карфагене какие-либо еще иностранные культы. Хотя вполне вероятно, что поклонялись Изиде. Ее атрибуты, изображенные на стелах тофета, вызывают предположение, что некоторое количество карфагенян исповедовали культ этой египетской богини. И очень может быть, что внутри ограды тофета в ее честь была возведена часовня. И можно также предположить с некоторой долей вероятности, что каждое иностранное со-

общество, переселившись в пуническую метрополию, продолжало поклоняться богам их предков (ливийским, греческим, этрусским, египетским и другим божествам).

И наконец, в литературных источниках неоднократно отмечался факт осуществления династических культов в Карфагене. Хотя у нас нет в этом полной уверенности. Первым божеством, подпадающим под эту категорию, должна была быть, несомненно, Элисса / Дидона. Силий Италик сообщает, что именно в темплуме, посвященном его манам, Ганнибал поклялся перед своим отцом до последних дней своей жизни воевать с римлянами. Место это, по словам поэта, было украшено мраморными статуями его предков и алтарями (Пуническая война. I, 81–98). Но не сложно доказать, что это описание в большей степени соответствует римскому пейзажу, чем карфагенскому, что и посеяло некоторые сомнения в отношении так называемой клятвы Ганнибала. Другой древний автор, Диодор Сицилийский, утверждает, что по всему западному финикийскому миру возводили храмы в честь Гамилькара, потерпевшего поражение при Гимере. Сицилийский автор, видимо, перепутал Абдмилкарта, это пуническое имя Гамилькара, с Милькартом, божеством действительно обожаемым и почитаемым на финикийском Западе. Баркидам, и в частности Гасдрубалу, основателю Карфагена, приписывают робкие попытки установить монархический строй и стремление ввести практику осуществление династических культов. Но таких аргументов, как образы, выбитые ими на монетах, отчеканенных в Карфагене, и на которых они уподобляются Милькарту / Гераклу, явно недостаточно.

СЛУЖИТЕЛИ КУЛЬТА

Храм, действующий в соответствии с финикийскими традициями, был настоящим «производством». Для его функционирования требовались жрецы, лица, осуществляющие жертвоприношения, рабы для обслуживания культа, администраторы, ремесленники и писцы.

♦ Жрецы

В античных обществах, в которых религия и политика тесно переплетались, жрецам, разумеется, отводилась одна из ведущих ролей. В Карфагене куханимов (единственное число *Khṇ*, произносится *кухен*), главным образом выходцев из старинных семей, многие члены которых, будучи первыми основателями города, обладали монополией на исполнение жреческих функций, объединял необычайно сильный корпоративный дух. Пуническое «духовенство» было иерархически строго организовано, его возглавлял *раб* куханим (*Rb Khnm*), верховный жрец великих жрецов, за которыми следовали обычные жрецы. Как нам кажется, безбрачие не являлось необходимым условием для осуществления их функций, по крайней мере на самой вершине иерархической лестницы, поскольку в некотором количестве надписей приводятся подробные родословные с указанием потомков некоторых *рабов* куханимов. Нам неизвестно, был ли период исполнения ими своих обязанностей ограничен во времени. Женщины также могли становиться жрицами, и иногда они достигали вершин иерархической лестницы. Хотя это замечание относится не ко всем культам.

Облик карфагенских жрецов удалось восстановить благодаря сопоставлению литературных данных и иконографических образов. Главной частью священнического одеяния являлась туника из белого льна, под которую иногда надевали набедренную повязку. Силий Италик (III, 21–27) сообщает, что жрецы храма Милькарта носили льняную тунику без пояса, украшенную вышитым орнаментом, и ходили по храму босиком. Часто безбородые и с бритой головой жрецы, как правило, носили круглые головные уборы. Хотя это не являлось правилом, поскольку на многих карфагенских стелах встречаются изображения жрецов с непокрытой головой. А на одной из них представлен бородатый жрец с волосами средней длины и вуалью, спускающейся с его плеч (см. иллюстрацию). Если согласиться с идентификацией персонажа, представленного на знаменитом карфагенском саркофаге, со жрицей Тиннит, то можно сделать заключение, что одеяние жриц было более изысканным (см. Скульптура и рельефы из камня, гл. VIII). Оно состояло из туники из тонкой ткани, которую покрывали, начиная от талии, два огромных крыла. Головной убор состоял из перьев грифа и был аналогичен головным уборам египетских богинь.

В обязанности жрецов входил надзор за правильным отпращиванием культа, в частности за организацией ритуалов жертвоприношения и сопутствующих им церемоний. Некоторые из них наделялись титулами в соответствии с осуществляемыми ими функциями. Так, были жрецы, проводившие обряды жертвоприношения и называвшиеся зуббах (Zbh), роль которых была аналогична роли римских фламенов. Другие но-

*Вотивная стела из тофета в Карфагене
с изображением жреца, держащего блюдо
и сосуд для возлияний, III–II вв. до н.э.*

сили титул миким Илим (Mqm 'lm), что, видимо, означает «воскреситель божества». С этим титулом соотносился круг обязанностей, связанных с поклонением Милькарту или подобному божеству, культ которого содержал идею возрождения («эгерсис»). Много раз встречающийся в Карфагене и других местностях, этот титул, полное наименование которого Mqm 'lm mtrh 'štrny, свидетельствует о том, что его обладатель участвовал в церемониях иерогамии (символической свадьбы

божественной четы, например Милькарта и Аштарт).

У всех жрецов были разные обязанности. Представители высшего жречества были избавлены от некоторых повинностей, которые возлагались на нижние чины. Если судить по большому количеству папирусных печатей, свидетельств их обширной переписки, обнаруженных во время раскопок храма на улице Шаббат в Карфагене, они участвовали в духовной и экономической жизни своего города.

♦ Храмовые рабы и функции, связанные с деятельностью храмов

Лучшим свидетельством того, как осуществлялось руководство храма, действующего в соответствии с финикийскими традициями, являются отчеты о затратах, произведенных в храме Аштарт в Китионе (Кипр). В составленных в первой четверти IV века на обеих сторонах алебастровой таблички текстах упоминаются многие специальности; при храмах работали: служители, состоящие при дверях, певчие, обслуживающий персонал, браздобреи, лица, отвечающие за водоснабжение, пекари, писцы, а также лица, занимающиеся священной проституцией обоих полов, и т.д. Пунические храмы функционировали практически по той же схеме, и отчеты, аналогичные тем, что были обнаружены в Китионе, и составленные, вероятно, «тридцатью человеками, уполномоченными осуществлять контроль над расходами», о которых идет речь в тарифах, определяющих размер подношений для проведения ритуалов жертвоприношения (см. Подношения и ритуалы, сопровожда-

ющие жертвоприношения). В пунических текстах упоминается и о священных брадобреях. На них была возложена ответственность не только за бритье тонзур у жрецов и верующих, они, видимо, исполняли обязанности хирургов и в этом качестве проводили обрезание (см. Обряды, знаменующие наступление нового периода жизни, гл. V). Во многих пунических текстах говорится о мужчинах и женщинах, называющих себя служителями ('abd / 'immat) божества. Речь идет, вероятно, о рабах, приписанных к храму и осуществляющих самые разные функции («пономарей», певчих, лиц, занимающихся поддержанием чистоты и порядка в храме, священных проституток и т.д.). В надписях, обнаруженных в Карфагене, упоминается множество рабов, приписанных к храмам Эшмуна, Милькарта, Цид-Тиннит, Милкаштарт, Аштарт, Хотер Мискара, Сакона, Цид-Милькарта и т.д.

Экономическая деятельность была неотъемлемой частью жизни храмов, поскольку в них (или в мастерских при храмах) были организованы изготовление и продажа преподносимых по обету (а также многих других) статуэток, которые верующие, воспользовавшись посещением храма, охотно покупали. Так, в Керкуане, пуническом городе на тунисском мысе Бон, существовала гончарная мастерская, расположенная во флигелях при храме. И заведение подобного типа было обнаружено в Карфагене, поблизости от тофета.

СВЯЩЕННАЯ ПРОСТИТУЦИЯ

Этот ритуал, связанный с плодородием, всегда вызывал любопытство и разжигал неумную фантазию комментаторов. Хотя следует разли-

чать постоянную священную проституцию, которая существовала также и в Коринфе (Страбон. VIII, 6, 20–23; XII, 3, 6), и временную священную проституцию. Эти два вида деятельности относятся к двум разным аспектам сексуальности: во-первых, существовали храмовые рабы, которые занимались проституцией исключительно в пользу храма, а во-вторых, женщины, отдававшие в храмах один-единственный раз в своей жизни первому встречному.

По словам Геродота (I, 199), этот последний обычай существовал и в Вавилоне, а далее он добавляет, что подобная практика встречалась и на Кипре. Женщины любых сословий должны были прийти в храм Афродиты и здесь, за оградой, ждать, пока посетитель не бросит им на колени деньги, как бы взывая к богине. И тогда они должны были следовать за ним за пределы храма, соглашаясь на любую сумму, им предложенную (как бы мала она ни была). Женщины не имели права выйти за ограду храма, не исполнив этот обряд. Безжалостный Геродот добавляет, что женщины безобразной наружности могли находиться здесь в ожидании клиента до четырех лет! Эпиграфические источники, будь то финикийские или пунические, не слишком красноречивы по поводу этого типа проституции. Хотя храмовые рабы, постоянно занимавшиеся священной проституцией, в них хорошо представлены. Женщины назывались уламмат ('lmt — буквально «половозрелая девушка») или имматаштарт ('mt 'štrt, то есть «служанки Аштарт»). Что касается мужчин, то им присвоили наименование калбим (Klbm, буквально «собаки»). Это слово имеет не такой уничижительный оттенок, как это может пока-

заться с первого взгляда (ср.: библейский Халев из колена Иудина), оно означает только то, что человек, носящий это название, посвящен божеству. Этих мужчин называли также гурим или гарим (Ggm — юнцы, юноши) и, может быть, Абд(бит) аштарт ('bd(bt) 'štrt, служитель [храма] Аштарт?). За исключением этих названий, присваиваемых мужчинам и женщинам, занимающимся священной проституцией, нам практически ничего не известно о том, как осуществлялась их деятельность (в каких местах, каким образом и т.д.). Если верить древним авторам, храмы в Пафосе, на Кипре (Геродот. I, 199), в Эриксе, на Сицилии (Полибий, I, 55), и в Сикка Венерия (современный Ле Кеф), в Тунисе (Валерий Максим. II, 6, 15), прославились благодаря практикуемой в них священной проституции. Но они были не единственными. Археологические данные свидетельствуют о том, что она была распространена также и в Пирджи, к чему склоняются многие исследователи, и в Китионе, где, как нам кажется, оба типа священной проституции, постоянной и разовой, подтверждаются документально.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЗАПРЕТЫ

Несмотря на нехватку источников, достоверно известно, что в финикийской и пунической религии содержалось большое количество самых разных запретов и табу, в частности алиментарных и сексуальных. Но эти запреты действовали только в пределах храмовых оград. И это единственное, о чем можно говорить с уверенностью в свете имеющихся в нашем распоряжении данных.

По словам Силия Италика (III, 21–27), женщинам был запрещен вход в храм Милькарта в Кадиксе. Жрецы, которые давали обет безбрачия, должны были брить бороду и голову. А касаться священного пола в святилище они могли только босыми ногами. И наконец, проход на территорию храма был запрещен свиньям. Похожие запреты встречаются и в латинской надписи, обнаруженной в Фубурбо Майе, римском городе в Тунисе, придерживающемся пунических традиций. В ней описывается свод правил, которые нужно было соблюдать, чтобы проникнуть в святилище Эскулапа, бога-целителя, обладающего теми же атрибутами, что и Эшмун. Ими предписывалось, во-первых, воздержание от половой жизни и отказ от потребления свинины и бобов; а во-вторых, было рекомендовано не стричь волосы (хотя в противоположность ритуалу, принятому в Кадиксе, запрещалось только самому себе подстригать волосы), иначе говоря, возбранялось осквернение волос прикосновением железа и запрещалось также осквернять свое тело посещением общих купален. В надписи также оговаривался запрет на ношение обуви в святилище. На Востоке в надписях, обнаруженных в храмах, действовавших в духе финикийских или восточных традиций, говорилось о пищевых запретах. Ими предусматривался не только отказ от потребления свинины; козлятина, говядина или рыба также считались нечистыми в некоторых святилищах.

Из всего этого следует, что свинья как животное вообще исключалась всеми храмами. И вполне вероятно, что пунийцы оставались приверженцами алиментарных запретов их предков. Но длилось это недолго. С введением культа Де-

метры и Коры в Карфагене табу в отношении потребления свинины канул в лету. И тогда изображение животного появилось на многих керамических изделиях, а свинине как неотъемлемой части рациона придавалось большое значение. Анализ результатов немецких исследователей свидетельствует о том, что в некоторых кварталах Карфагена ее потребляли в больших количествах (см. Кухня и пища, гл. IX).

МОЛИТВА

В пуническом мире было принято молиться в полный голос. И это подтверждается выражением «потому что он услышал мои взывающие к нему вопли» (буквально «крик моих слов»), которое часто встречается в некоторых надписях. Согнув правую руку и обратив ладонь к небу, верующий обращался со своими просьбами к божеству. Он просил, чтобы его выслушали и благословили исполнение его желаний, которые он формулировал. Желания касались главным образом prolongation жизни, сохранения здоровья, репутации, добрых воспоминаний о нем после смерти, процветания, материального благополучия. Очень часто и, может быть, для подкрепления своих просьб на ладони верующий держал горшочек с ладаном, что подтверждается многими изображениями на стелах и саркофагах.

Но к божествам обращались, чтобы наслать на отдельных лиц, например на расхитителей гробниц, проклятия. Этот обычай был широко распространен в восточных городах. На саркофаге Ахирама, царя Библа, правившего приблизительно в X веке, было начертано проклятие, согласно

которому любой следующий царь, осмелившийся его открыть, будет наказан, и в этом случае «скипетр его власти сломается», трон опрокинется, а в Библие больше никогда не будет спокойствия. А в надписи на гробнице Тибнита, царя Сидона (V век), говорится, что каждый, покусившийся на ее расхищение, «не будет иметь потомства под солнцем, и никогда не найдет себе места в мире мертвых». А Эшмуназар II, его сын, во всем следуя своему отцу, пообещал нечестивцу, который осмелится открыть его саркофаг, что «у него не будет ни корня в земле, ни плода наверху, ни лица среди живущих под солнцем»!

В Карфагене все, осуществлявшие подношения в тофет, предостерегали воров от похищения их стел. В выражении менее поэтичном, чем то, которое составил Эшмуназар II, один из них обещает возможному грабителю, что Тиннит перережет ему горло. А другой, парфюмер Баалазор, убеждает грабителей в том, что за кражу стелы Баал Хаммон лишит их жизни. А некто Кунмай взывает к Тиннит с тем, чтобы она по заслугам осудила дух того, кто покусится на ее стелу. И наконец, Салах, сын Барика, сына Хорасицилианца, также обращается к Тиннит, чтобы она прокляла каждого, кто украдет ее стелу.

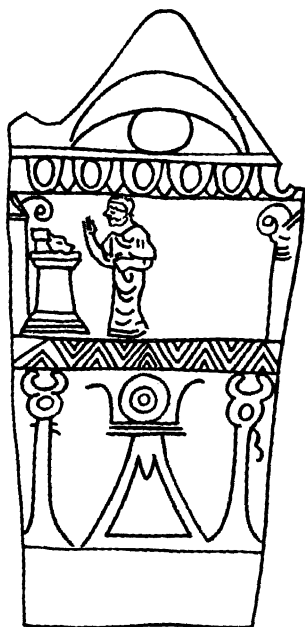
ПОДНОШЕНИЯ И РИТУАЛЫ, СОПРОВОЖДАЮЩИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Один из самых интересных аспектов пунической религии заключался в том, что подношения осуществлялись в соответствии с определенной

кодификацией, которую называли тарифами пожертвований (b't). Множество надписей, часть из которых дошла до нас фрагментарно, входит в эту категорию текстов. Одна из них, наиболее хорошо сохранившаяся, была вновь обнаружена в Марселе, что, кстати говоря, привело к тому, что были выдвинуты весьма смелые гипотезы по поводу присутствия карфагенян в устье Роны. На самом деле надпись была впервые найдена в Карфагене, о чем ясно говорится в ее тексте, в котором упоминается храм Баал Сафона. В XIX столетии она была привезена в фокейский город, где и была утеряна. Тарифы пожертвований определяют в зависимости от животного, которого приносят в жертву, и природы жертвоприношения, размера платы, причитающейся жрецам, которую жертвователи обязаны уплатить либо в индивидуальном порядке, либо в виде поступления от семьи, ассоциации и т.д. В этих текстах детально описываются типы жертвоприношений или пожертвований, хотя в них не говорится ни слова о ритуалах, их сопровождающих. В них также не сообщается, чем были обусловлены эти жертвоприношения. Не считая тарифов, о типах жертвоприношений мы можем судить по изображениям и текстам на votивных стелах. Всего их насчитывается три: молкбаал, молкомор и молкадом. Мы еще вернемся к ним в силу существования их связи с жертвоприношением детей (см. Тофет и Молох).

Три среди множества жертвоприношений, упоминаемых в тарифах, нам хорошо известны. Два первых называются Kll и šw't. При их проведении разрешалось принести в жертву любое животное, за исключением птиц. Жертвователь, баал зуббах (B'l zbh — буквально «распорядитель

Сцена жертвоприношения, изображенная на вотивной стеле из тофета Карфагена, III–II вв. до н.э.

церемонии», то есть лицо, в чьих интересах осуществлялось жертвоприношение), не имел права ни на одну из частей жертвы и был обязан, помимо этого, уплатить 5 шекелей и 2 зора, если речь шла о животном небольшого размера (см. Система мер и весов, гл. IV), и вплоть до 10 шекелей серебром, если речь шла о быке. Жертвоприношение типа *ṣw't* считалось более престижным, хотя божеству в этом случае ничего не доставалось. Жертвенное животное делилось между жертвователем и жрецами, и, как нам кажется, именно первый получал большую часть, поскольку в одном из тарифов указывается, что только шку-

ра зверя отходила жрецу. Упоминание о третьем типе жертвоприношений, *šlm kll*, встречается только в тарифе из Марселя. При его проведении принимались любые животные, включая и птиц. Жрецы получали компенсацию в денежном выражении, но не имели права ни на одну из частей животного. В случае если жертвенное животное относилось к разряду рогатого скота, жертвователь также не мог присвоить себе ни одну из его частей. Ему позволялось забирать только мясо птицы.

В жертвенных тарифах шла речь не только о жертвоприношениях, но и о подношениях. В них упоминается о подношениях в дар выпеченных изделий (пирогов, печенья вроде мучных лепешек на растительном масле), ранних овощей, молока, растительного масла. Наряду с богами пунийцы преподносили в дар покойникам самые разные вещи: ладан, ароматические масла, фрукты (настоящие или их муляжи из обожженной глины), святилища в миниатюре, выполненные из глины или серебра, троны, каменные вотивные корабли, якоря, кубки и чаши, статуи или статуэтки, оружие, бритвы и т.д.

Что касается обрядов, то наши знания о них весьма ограничены. И только изображения на вотивных стелах, дополняющие эпиграфические данные, дают нам некоторое представление о том, как они происходили. Перед жертвоприношением животное (быки, бараны, овцы), разумеется, украшалось (очищалось от грязи, на него вешали гирлянды и т.д.). Затем в сопровождении торжественной процессии, в которую входили жрец, приносящий животное в жертву, его помощники, несущие орудия убийства, а

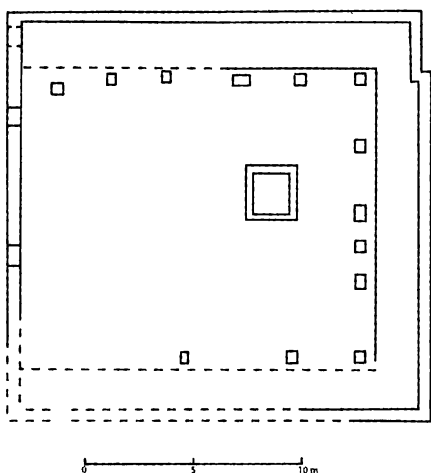
также жертвователю (баал зубах) подводили его к алтарю. По всей вероятности, процессию сопровождали музыканты. Затем жрец выпускал из животного кровь, отрезал ему голову и клал ее на алтарь. В некоторых случаях часть туши животного, предназначавшаяся божеству, сжигалась на алтаре. Кусочки ладана, молоко или масло иногда дополняли подношение. Оставшаяся часть туши животного делилась между жрецами и жертвователем. По окончании церемонии жертвователю воздвигал стелу в ознаменование «торжественного и благословенного дня» (Вум n'm wum brk), о чем упоминается в некоторых надписях.

РЕЛИГИОЗНЫЕ АССОЦИАЦИИ

Религиозные ассоциации были широко представлены в финикийском и пуническом мирах. На финикийском и пуническом языках, равно как и на иврите, они назывались марзах (Mrzh), что означает «место сбора». В тарифе из Марселя упоминается марзах Илим (Mrzh 'lm), то есть религиозная ассоциация какого-то конкретного божества. Нам почти ничего не известно об их деятельности, за исключением того, как проводились празднования по случаю жертвоприношений и как осуществлялась организация пиров.

СВЯТИЛИЩА И ХРАМЫ

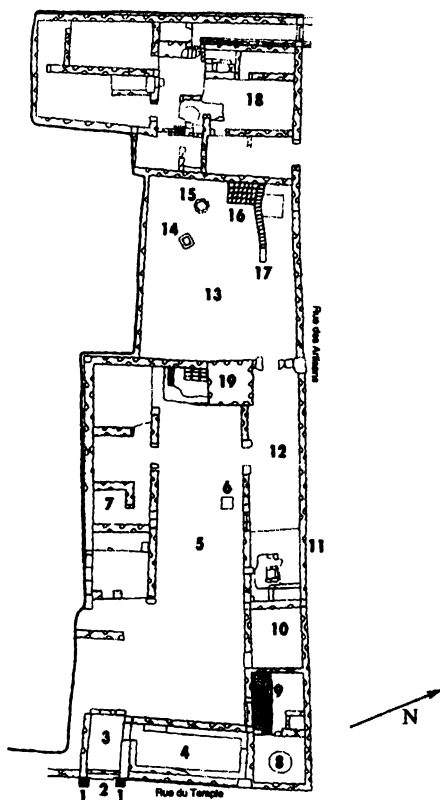
Термином «святилище» определяется пространство, считающееся священным и предназначенное для отправления культа того или иного божества. Оно могло быть оборудовано различ-

*План первого варианта пригородного святилища
Финиссут в Тунисе; в центре двора, окруженного портиком,
находится часовня, III–II вв. до н. э.*

ными культовыми (алтарь, часовня или храм) и другими, не имеющими религиозного назначения сооружениями (мастерские, емкости для воды, жилые помещения и т.д.). А под храмом понимали отдельно построенное здание.

В пуническом мире святилища могли размещаться в самых разных местах. Они могли органично вписываться в структуру города (Мотия, Керкуан), иногда они находились за его пределами (храм Тас-Силг на Мальте), обозначая его границы (пригородные святилища Циды в Антасе и Финиссут в Тунисе). Наконец, их обустраивали в пещерах, выходящих непосредственно на море (святилища в скалах Гротта Реджина возле Палермо и Куэва д'эс Киерам в Ибике). Если архитектурные элементы и элементы декора претерпевали со временем изменения, святилищам

- План святилища в Керкуане (Тунис),
расположенного в черте города (первая половина III в до н.э.)
- 1 – фронтальные пилястры; 2 – преддверие; 4 – вестибюль;
5 – зал со скамьями; 6 – двор, где проводились культовые ритуа-
лы; 7 – алтарь; 8 – комнаты разного назначения,
предназначенные для обслуживания храма; 9 – печь;
10 – сушилка; 11 – лаборатория; 12 – помещение
для приготовления теста; 13 – помещение для складирования
глины; 14 – малый двор для проведения культовых ритуалов;
15 – тайник, устроенный в более поздний период;
16 – колодцы; 17 – место хранения культовых лепешек;
18 – стена из необожженного кирпича; 19 – дом жреца;
20 – подставки для предметов, использовавшихся
в ритуальных целях

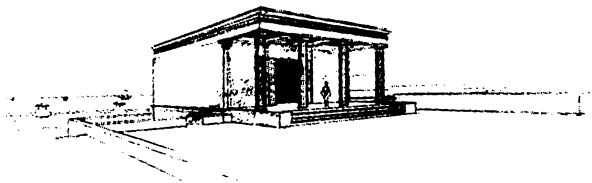
и храмам, построенным в соответствии с семитскими традициями в Северной Африке, было суждено на протяжении столетий сохранять свой первозданный облик.

Характерной чертой типового святилища был двор под открытым небом, куда входили через вестибюль, украшенный пилястрами. В центре двора располагались алтарь и часовня — микдаш (Mqdš). Внутри часовни устанавливали маленькую статую культового божества из драгоценного металла, а также священные предметы и изделия, его сопровождающие (вазы, кубки). В этих святых местах всегда копали колодцы и оборудовали их большими емкостями для воды, то есть бассейнами. В финикийской, а затем и пунической религии воде придавалось первостепенное значение. Напомним, что в храме в Китионе среди прочих служащих был и ответственный за водоснабжение (баал майим — B'l Mym).

В городском святилище в Керкуане, разрушенном в середине III века, имеется множество сооружений и построек, характерных для святилищ, возведенных в соответствии с семитскими традициями; в нем имеются: вестибюль, двор под открытым небом, алтарь, часовня, колодцы. Кроме того, в нем были дома, где проживали служители культа, или мастерские по изготовлению статуэток.

Что касается храмов, то все они, как правило, возводились по модели трехчастного храма Соломона, описанного в Ветхом Завете (Третья книга Царств. 6—7). Продолговатой формы, он состоял из вестибюля, культового помещения и Святая святых*, расположенных анфиладой. Вход был

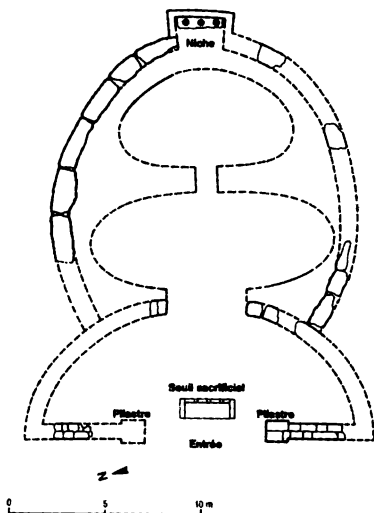
* Святая святых — помещение в Иерусалимском храме, где хранится ковчег завета.

Реконструкция фасада храма на улице Шаббат в Карфагене, начало II вв. до н.э.

ориентирован на восток и украшен с боков колоннами или пилястрами, а перед ним размещалась широкая паперть. Пунический мир оставил нам некоторое количество зданий, построенных по этой модели. На Сардинии, в Монте Сираи и в Фаросе были обнаружены трехсторонние структуры, восходящие к архаической эпохе. В ходе раскопок, проведенных в XX столетии в Карфагене, также были обнаружены два здания этого типа, датируемые эллинистической эпохой. Первое находилось в квартале Саламбо, поблизости от тофета, а второе — недалеко от холма, современное название которого Сиди бу Саид. И наконец, храм на улице Шаббат относится, видимо, к той же типологии зданий, даже если в результате обнаружения немецкими археологами некоторых архитектурных элементов (дорические капители большого формата) может сложиться впечатление, что фасады возводились в типично греческом стиле.

На самом деле проникновение в культовые сооружения элементов, чуждых семитской культуре, было довольно распространенным явлением при условии, что эти нововведения не помешают ходу литургии. Впечатляющим примером этого является храм Аштарт в Тас-Силг (на Мальте).

*План храма в Тас-Силг, посвященного Аштарт
(Мальта, VIII–VII вв. до н.э.).*

*Entrée – вход; seuil sacrificiel – порог
(видимо, возвышение) жертвенника*

При возведении этого храма, расположенного на холме, выходящем на бухту Марсакслонк и действующего начиная с VIII столетия, было использовано автохтонное строение, относящееся к концу III тысячелетия, представлявшее, несмотря на закругленную планировку его стен, то преимущество, что было трехчастным.

ТОФЕТ И МОЛОХ

Сочетая черты некрополя (весьма, кстати говоря, специфические) и святилища, тофет являлся одним из самых характерных пунических сооружений. Удивительно, что единственные

сохранившиеся образцы этого типа сооружений сконцентрированы в Центральном Средиземноморье (Тунис, на востоке Алжира, на Сицилии и Сардинии). В результате проведенных до настоящего времени исследований так и не удалось обнаружить следов их присутствия ни на Востоке, ни в Испании, ни в Марокко. Только в 1919 году Ж.И.С. Уитейкер, владелец острова Мотии, расположенного возле западной оконечности Сицилии, и исследователь его недр, обнаружил поля, уставленные стелами, под которыми находились урны с останками совсем маленьких детей и животных. Он был первым, обнаружившим связь между их прахом и жертвоприношениями детей, описанными литературными источниками. Первые исследователи и историки пунического мира, находясь под впечатлением произведений Диодора Сицилийского, с одной стороны, и библейскими текстами — с другой, поспешили назвать поля этого типа тофетами. Термин не является финикийским, он был заимствован из иврита, в частности из Ветхого Завета, в котором этим словом обозначается место, расположенное недалеко от Иерусалима, в долине Енном (Геенном, откуда происходит геенна (огненная), по-арабски гаханнам). Как нам известно из Четвертой книги Царств (22, 10), именно в этом месте детей обоих полов проводили через огонь.

Тофет в Карфагене был найден двумя годами позже благодаря проницательности двух любителей древности, один из которых был инспектором полиции. Их звали Франсуа Икар и Поль Жилли. Обоих приятелей заинтриговал необыкновенно оригинальный предмет, предложенный им знакомым перекупщиком. Это была бахромчатая

стела, изображающая взрослого человека в профиль, одетого в прозрачные одежды. Его правая рука была согнута в молитвенном жесте, а в левой руке он держал младенца. Для образованных любителей древностей такая сцена воплощала собой истинное назначение тофетов. И тогда они решили устроить слежку за перекупщиком, и однажды ночью в декабре 1921 года они застали его в окружении нескольких рабочих в тот момент, когда они извлекали из земли стелы в местечке, расположенном недалеко от прямоугольной лагуны Карфагена (торговый порт). И уже со следующего года здесь начали проводить регулярные раскопки, которые осуществлялись разными группами археологов вплоть до 70-х годов прошлого столетия. Но, казалось, проклятие нависло над тофетом Карфагена: начиная с момента его обнаружения, не было найдено ни одного примечательного предмета. Но, несмотря на это, на протяжении десятилетий велись точечные исследования: изучались урны, костные останки, типология и иконография стел, а также эпиграфика, что позволило расширить круг наших знаний относительно пространства этого типа и обрядов, в нем проводимых.

Тофет состоит из множества пластов (стратов) вотивных ансамблей. В каждом из них имеется урна из обожженной глины, в которой содержатся обгоревшие кости и пепел, иногда дополняемые украшениями или амулетами. В зависимости от периодов каждый слой обозначался галькой, полуколонной или стелой. На этих стелах, по крайней мере на самых поздних из них, имелись надписи, начинающиеся с канонической формулировки: «Госпоже Тиннит, Лику Баала, Господу

Баал Хаммону» (см. Надписи, гл. VII). Судя по эпиграфическим данным, это пространство было доступно лицам всех сословий (рабам, гражданам) вне зависимости от их происхождения (ливийцам, грекам или итальянцам). В текстах упоминаются часовни, посвященные различным богам, что, принимая во внимание votivный, а не погребальный характер посвящений, исключает сведение этого места к простому некрополю для захоронения детей и наводит на мысль о том, что здесь проводили различные религиозные церемонии.

Начиная с 20-х годов прошлого столетия исследователи, ведущие раскопки в этом месте, выявили стратиграфическое чередование, определившее четыре периода захоронений в тофете. С тех самых пор порядок чередования пластов не претерпел сколь-нибудь значительных изменений:

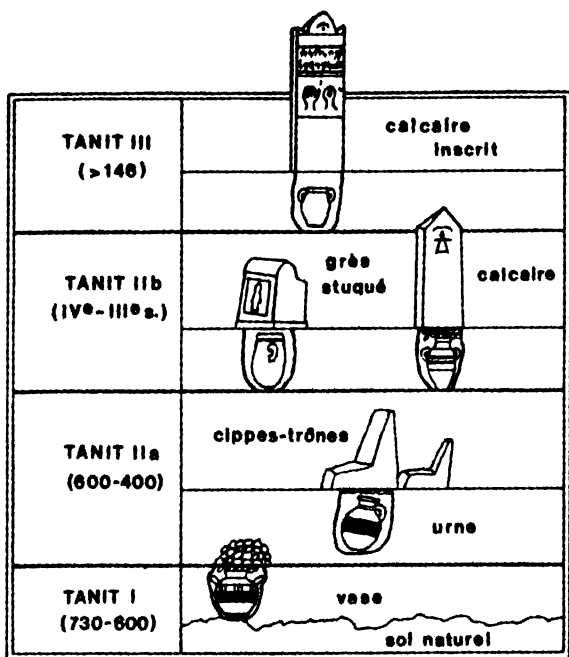
Танит I (около 800 года — начало VII века);

Танит IIa (начало VII — конец V века);

Танит IIb (конец V — конец IV века);

Танит III (конец IV века — 146 год).

Остеологические исследования останков из тофетов в Карфагене, в Суссе (Тунис), в Фаросе (Сардиния) и Моти (Сицилия) позволили сделать заключения относительно лиц, погребенных в тофетах. Наряду с останками очень маленьких детей были обнаружены кости животных (ягнят, коз и козлят, телят, собак, кошек и даже обезьяны!) и иногда птиц (дроздов и т.д.), сложенных вперемешку с человеческими костями. Самый старший ребенок, захороненный в урнах архай-

*Схематическая стратиграфия тофета
в Карфагене*

ческого периода из тофета в Карфагене, имел всего лишь четыре-пять месяцев от роду. В урнах следующего периода были выявлены останки ребенка 12 лет, что может восприниматься как исключительное явление. Было также отмечено, что в одной урне могли одновременно находиться кости нескольких детей. Другими исследованиями, проведенными в институте судебной и социальной медицины в Лилле, было выявлено, что большая часть субъектов имела возраст от пяти месяцев внутриутробной жизни до нескольких недель после рождения. И, таким образом, ученые пришли к выводу, что тофет был местом

погребения мертворожденных детей и детей, умерших вскоре после появления на свет. Но как же в таком случае быть с печально знаменитыми жертвоприношениями детей, которые, как полагают, происходили именно в тофете?

В коллективном бессознательном понятие «Молах» систематически ассоциируется с человеческими жертвоприношениями, вошедшими в нашу жизнь благодаря великим образам, созданным Флобером. Это слово, которое графически выглядит точно так же, как и титул царя (mlk, произносительная норма — милк, хотя озвучивается как «молк»), обозначает в религиозном контексте одну из категорий жертвоприношений. Дошедшие до наших дней надписи на стелах Карфагена свидетельствуют о том, что речь идет действительно о жертвоприношениях, которых насчитывается, по меньшей мере, три типа: молкбаал (mlkb'l), молкомор, существующий и в латинской транскрипции как молхомор — molchomor (mlk'mr), и molkadom bšrm btm (mlk' dm bšrm btm), иногда встречающийся в сокращенном варианте: молкадом или bšrm btm. На протяжении более столетия многие исследователи пытались примирить классические источники с пуническими надписями, выискивая в них смысл, соответствующий общепринятому мнению о существовании обычая принесения в жертву детей. Однако ничто нас в этом не убеждает. Мы уже упоминали, что существует вероятность сходства между пуническими терминами «молк» и «молкбаал» и латинским выражением *intravit sub iugum*, что означает «вступление в период пребывания под игмом»; речь идет о ритуале освящения, озаменованного (или нет) принесением в жертву скорее всего

животного (см. Обряды, знаменующие наступление нового периода жизни, гл. V). Что касается второго типа жертвоприношения, «молкомор», то у нас не вызывает сомнения тот факт, что в этом случае в жертву приносили ягненка. Остается третий, самый сложный для понимания тип жертвоприношений. Филологами было представлено множество частичных вариантов перевода, среди которых вариант «кровавое жертвоприношение взамен ребенка» нам кажется предпочтительнее. Этот перевод соответствует ритуальным латинским формулировкам, выгравированным на стелах Н'Гауса в Алжире. В некоторых из них говорилось, что жертвоприношение было совершено *anima pro anima, sanguine pro sanguine, vita pro vita*, то есть «дух за дух, кровь за кровь, жизнь за жизнь», а в некоторых упоминался объект жертвоприношения: *agnum pro vicario*, то есть «ягненок в качестве замещающего объекта». Таким образом, все вышесказанное подтверждает существование заместительных жертвоприношений, но никак не принесение в жертву детей. Даже несмотря на некоторую натянутость, предложенный вариант перевода для *mlk 'dm bšgm btm* не может служить доказательством факта жертвоприношения детей. И поэтому, ссылаясь на объективные данные, которыми располагаем, мы не можем утверждать, что хотя бы один из этих ритуалов соотносился бы с человеческими жертвами. Факт существования человеческих жертвоприношений в отдельный период развития финикийской и пунической истории у нас не вызывает сомнения — греки и римляне также совершали подобные обряды. Но согласиться с постоянным, систематическим и массовым ха-

*Общий вид тофета в Фаросе (Сардиния),
VII–II вв. до н.э.*

рактором этих ритуалов в том виде, в каком их описывали классические авторы, это означало бы оказывать больше доверия внешним источникам, чем конкретным материальным данным пунической археологии.

МАГИЯ И СУЕВЕРИЯ

Начиная от рождения и до смерти каждый карфагенянин ощущал присутствие магических сил, которые могли быть благотворными или пагубными. И, следовательно, он расходовал большое количество энергии для того, чтобы заручиться поддержкой одних и попытаться защититься от других. До самой могилы маски, амулеты и бритвы обеспечивали ему эту защиту. И именно в этой сфере египетское влияние на карфагенян оказалось самым ощутимым. Кресты с ручками, «Око Гора», скарабеи (см. Глиптика, гл. VIII) или фигурки с изображением Беса или Птаха-патека из стеклянной массы или фаянса неотъемлемой

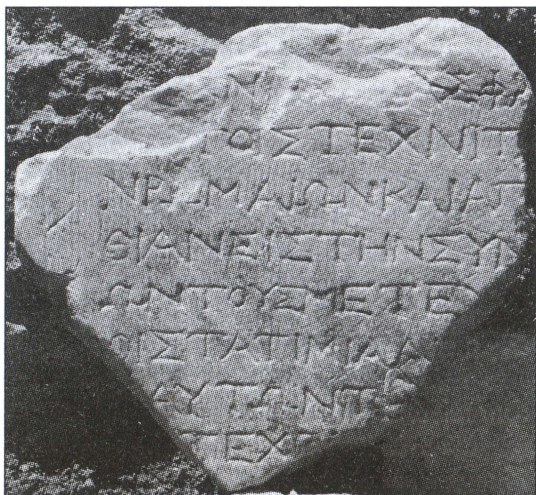
частью входили в мир, окружающий карфагенянина. Подвешиваемые под одежду или на шею, они защищали своих владельцев от пагубных влияний и событий, которые могли на них наслать их завистники и враги.

Но если амулеты оказывались недейственными, если желание избавиться от своего соперника оказывалось неистребимым, тогда карфагенянин отправлялся к чародеям и магам. Среди членов сообщества магов египтяне, как нам кажется, пользовались самой высокой репутацией. Они умели, по крайней мере их клиенты были в этом уверены, изгонять зло и отводить беду и сглаз. В случае необходимости они составляли специальные защитные тексты (заговоры, на папирусе или на листе драгоценного металла) или тексты с проклятиями (на папирусе или на свинцовой пластине), которые вставляли в специальные египетские футляры для амулетов в виде головы Сехмет или ястреба Гора. Часть такого папируса, содержащая заклинания пунических колдунов «Истребите нашего врага! Навлеките на него беды! Растопчите его!» и т.п. была найдена на Мальте.

VII

ЛИТЕРАТУРА

Большая часть пунических литературных текстов, написанных на скоропортящихся материалах (папирус, кожа), погибла в огне карфагенских пожаров. По словам Плиния Старшего, все то, что не было истреблено пламенем, было по приказу римского Сената роздано нумидийским принцам, союзникам Сципиона Эмилиана. Впоследствии часть этих сокровищ принадлежала Ююбе II, царю Мавритании, который владел латинским, греческим и пуническим языками (Плутарх. Антоний. 36; Плиний Старший. Естественная история. V, 16). А через много лет Св. Авгу-

Греческая надпись на одной из стел в Карфагене

стин напомнил о том, какое значение имели все эти *libri punici*, то есть пунические книги (Послание. 17, 2). В связи с тем, что они не были переписаны и переведены, их постигла жалкая участь: эти произведения исчезли. И в результате сохранились только те тексты, которым повезло и которые были транскрибированы, переписаны или переведены на греческий язык. Мы имеем в виду «Странствия Ганнона», «Клятву Ганнибала», некоторые отрывки из трудов Магона по сельскому хозяйству и пунические отрывки в латинской транскрипции из «Пунийца» Плавта. Но, разумеется, пуническая литература не ограничивается только этими произведениями.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЖАНРЫ

Во многих античных источниках сообщается о наличии в библиотеках Тира и Карфагена хроник, анналов, мифологических поэм, трактатов по философии, праву, истории, географии и сельскому хозяйству. Так, Аристотель, несомненно, пользовался пунической документацией по государственному праву, когда составлял свое знаменитое описание карфагенской конституции. Точно так же обстояло дело и с документами по международному праву. И, разумеется, договоры, пакты, соглашения, заключенные Карфагеном, хранились в архивах и были зарегистрированы и прокомментированы, о чем свидетельствуют сотни печатей, обнаруженных в ходе раскопок, проведенных немецкими археологами на улице Ибн Шаббат в Карфагене.

Но именно в области философии, примером чему является финикиец Зенон из Китиона,

основатель школы стоиков, творчество карфагенян было наиболее продуктивным. Ямвлих (О пифагоровой жизни. 27, 128; 36, 267) сообщает нам имена многих карфагенских философов-пифагорейцев: Мильтиад, Анф, Годий, Леокрит. Диоген Лаэртский (VII, 1, 37; 3, 165), в свою очередь, находился под влиянием трудов Герилла-карфагенянина, ученика Зенона из Китиона, который, по всей видимости, написал множество работ по философии на греческом языке. Но самым знаменитым карфагенским философом был, разумеется, Клитомах (настоящее имя Гасдрубал), находившийся в Афинах во время разрушения его родного города. Он составил послание к своим соплеменникам с выражением соболезнования.

Карфаген располагал своими собственными хрониками и анналами, взяв за образец архивы Тира, хранившиеся в храме Милькарта, по которым консультировался Геродот. Саллустий (Югурта. 17, 7) сообщает, что Гиемпсал, сын Гауды и отец Юбы I, нумидийский царь, правивший в I веке, бережно хранил (а может быть, и написал) историю своей страны, составленную на пуническом языке.

Наряду со «Странствиями Ганнона», которые дошли до наших дней благодаря их переводу на греческий язык и которые, как говорят, находились в храме Баал Хаммона в Карфагене, где ими мог воспользоваться любой желающий, Солин (XXXII) и Аммиан Марцеллин (XXII, 15, 8) упоминают о пунических трудах по географии. Очень может быть, что карфагенские географы собирали и записывали сведения, которые им сообщали по возвращении из путешествий торгов-

цы и первооткрыватели, чтобы иметь под рукой справочники по судоходству. Эта имеющая большое значение деятельность финансировалась государством, которое, кстати говоря, окружало себя всяческими предосторожностями, чтобы сохранить свое превосходство над другими нациями. И это подтверждается фактом добровольного потопления своего корабля одним адмиралом ради того, чтобы сохранить в тайне от римских моряков маршрут передвижения (см. Путешествия, гл. IX).

АЛФАВИТ

В течение второй половины II тысячелетия семиты, проживающие на пуническом западе, разработали поистине революционную систему письменности — алфавит. Тогда как для других систем (идеографических, фонографических) требовались сотни, если не тысячи, знаков для графического выражения языка, алфавит использовал их не более тридцати. Хотя нам неизвестны все этапы этого нововведения и его распространения на Ближнем Востоке, а затем на остальной части Средиземноморского бассейна, очень может быть, что первый алфавит зародился приблизительно в XVI веке на Синайском полуострове. В XIV—XIII веках в Угарите использовали алфавит, состоящий из 30 клинообразных знаков (*cuneiforms*, от латинского слова *cuneus* — гвоздь). Впоследствии финикийцы уменьшили количество знаков до 22, введя в алфавит графические символы. Они очень быстро передали его своим соседям евреям и арамейцам, а затем и грекам в конце IX столетия. Эти последние усо-

вершенствовали его применительно к особенностям своего языка, передав его, в свою очередь, италийским народам (этрускам и латинянам). Что касается финикийских колонистов, поселившихся в западном бассейне Средиземноморья, в частности в Карфагене, то в их среде с VI века начал развиваться специфический диалект, получивший название пунического языка, которому были свойственны некоторые особенности графического выражения. Незадолго до падения Карфагена разговорный финикийский язык и финикийская скоропись распространились на бывших пунических территориях. Названный неопуническим, этот язык просуществовал до расцвета римской имперской эпохи (III век нашей эры).

И только в 1758 году, благодаря усилиям аббата Жака Бартелеми, произошла расшифровка финикийского языка. Двухязычная надпись, составленная на греческом и финикийском языках на полуколонне, обнаруженной на Мальте, стала в каком-то смысле его Розеттским камнем*.

В наше время известно около 7000 надписей на пуническом и неопуническом языках. Большая часть из них — это votивные тексты, обнаруженные в тофетах. Но если расшифровка «классиче-

* Розеттский камень — фрагмент стелы, обнаруженный в июле 1799 года во время наполеоновской кампании в Египте (в местечке Розетт, ныне Рашид), на которой были начертаны три версии одного и того же текста на двух языках — древнеегипетском и древнегреческом. Благодаря тому, что древнегреческий язык был хорошо известен, Ж.-Ф. Шампольону удалось расшифровать древнеегипетскую надпись. С 1802 года камень хранится в Британском музее.

Полуколонна с двужычной надписью (Мальта, II в. до н.э.)

ского» пунического языка не представляет трудностей, то неопуническая скоропись не всегда понятна в силу графического сходства некоторых букв, например В, D, R. Отдельные короткие пунические тексты были расшифрованы, поскольку дошли до нас в греческой и латинской транскрипциях. Самыми значимыми оказались латинско-пунические тексты. Речь идет о надписях на пуническом языке, но составленных при

Nom de la lettre	Phénicien (IX-VIle s. av. J.-C.)	Phénicien (IV-IIle s. av. J.-C.)	Punique (III-IIle s. av. J.-C.)	Neopunique (Ier av. - Ier ap. J.-C.)	Transcription	Prononciation approximative
Aleph	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃		Attaque vocalique
Beth	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	B	B ou V
Guimel	𐤈	𐤉	𐤊	𐤋	G	G
Daleth	𐤌	𐤍	𐤎	𐤏	D	D
Hé	𐤐	𐤑	𐤒	𐤓	H	H aspiré
Vav	𐤔	𐤕	𐤖	𐤗	W	W
Zayn	𐤚	𐤛	𐤜	𐤝	Z	Z
Heth	𐤟	𐤠	𐤡	𐤢	H	H aspiré forte
Tet	𐤣	𐤤	𐤥	𐤦	T	T emphatique
Yod	𐤨	𐤩	𐤪	𐤫	Y	Y
Kaf	𐤬	𐤭	𐤮	𐤯	K	K
Lamed	𐤰	𐤱	𐤲	𐤳	L	L
Mem	𐤴	𐤵	𐤶	𐤷	M	M
Noun	𐤹	𐤺	𐤻	𐤼	N	N
Samekh	𐤽	𐤾	𐤿	𐥀	S	S
Ayn	𐥁	𐥂	𐥃	𐥄		Laryngale
Pé	𐥅	𐥆	𐥇	𐥈	P	P ou F
Tsadé	𐥉	𐥊	𐥋	𐥌	S	S emphatique
Qof	𐥍	𐥎	𐥏	𐥐	Q	Q vélaire/glottale
Resh	𐥑	𐥒	𐥓	𐥔	R	R
Shin	𐥕	𐥖	𐥗	𐥘	S	Sh
Tav	𐥙	𐥚	𐥛	𐥜	T	T

Финикийский, пунический и неопунический алфавиты

помощи латинского алфавита посредством внесения в него некоторых изменений, в частности для обозначения звуков, не имеющих аналогов в латинском алфавите. Эти надписи, появившиеся двумя веками спустя после падения Карфагена, свидетельствуют о жизнеспособности пунического языка в Африке и главным образом в Триполитании, что подтверждается также классическими источниками. Так, Апулей (около 125–180 годов нашей эры) женился на богатой вдове из Оеа (Триполи) и утверждал, что его пасынок владел только пуническим языком (Апология. 98). Ав «Жизнеописаниях Августов» говорится, что императору Септимию Северу (193–211 годы нашей

Unités			Dizaine			Vingtaine		
 5	 4	 1	 c	 b	 a	 i	 h	 g
 9			 f	 e	 d	 l	 k	 j

Финикийская система нумерации

Unités – цифры от 1 до 9; *dizaine* – числа, кратные дюжинам;
vingtaine – числа, кратные двадцати

эры) пришлось испытать глубокое чувство стыда, когда обнаружилось, что его сестра, приехавшая из их родного города Лептис, едва могла произнести несколько слов на латинском языке (Жизнеописания Августов. XXVI, 7).

В официальных надписях числа писались словами и полностью, в некоторых случаях они дополнялись числами в цифровом выражении. Прямые черточки, сгруппированные по три, обозначали цифры от 1 до 9. Для чисел, кратных 12 и 20, 100 и 1000, использовались отдельные знаки.

ЯЗЫК

Пунический язык, как и его материнский язык, финикийский, принадлежал к северо-западной группе семитских языков, куда входили также иврит и арамейский языки. Семитские языки имеют одну особенность, которая заключается в том, что их консонантные корни служат основой для формирования словарного состава. В отличие, например, от индоевропейских языков, в них всегда легко выделить корни (так, КТВ = писать), точное значение и грамматические категории

формируются путем присоединения гласных и некоторых аффиксов, например: KiTaB — книга; KaTiB — писатель; KaTaBa — он писал; maKTaBa — библиотека и т.д.

В морфологии пунического языка и иврита много общего. В обоих языках имеется неопределенное местоимение (h' — множественное число, hmt — единственное число 3-го лица). Притяжательные и дополнительные местоимения образуются путем прибавления суффиксов к существительным и глаголам (' — единственное число и m и nm — соответственно множественное число мужского и женского родов). Относительным местоимением является 's, а указательное местоимение единственного числа — st (одна форма для мужского и женского родов) и 'l — множественное число. Определителем существительного является артикль h- (ha). Вопросительное местоимение m' (mi) — кто.

Образование имен существительных и прилагательных происходило, видимо, как и в других семитских языках. Существительные имели абсолютную и производные формы, а также формы единственного, двойственного и множественного числа. У пунических глаголов было два времени — завершённое и незавершённое и четыре формы, свойственных и ивриту: простая (иврит — Qal); с удвоением второго корня (Piel), имеющая к тому же фактитивное значение; каузативная (Hiphil) с префиксами u-, 'u-et' и форма с префиксом n- с возвратным и пассивным значением.

Чаще других встречаются следующие предлоги: b (в); l (для); m (n) (служит для образования именных конструкций, выражающих принадлеж-

ность, свойство предмета или явления, материал, из которого сделан предмет, и т.д.); 'l или 'lt (на). Винительный падеж (аккузатив) обозначался при помощи частицы 't, графическая форма которой совпадала с предлогом с. Единственной известной нам отрицательной частицей является частица 'l.

РЕМЕСЛО ПИСЦА

Профессия писца (Spr, произносится «со-фер»), существование которой подтверждается приблизительно тридцатью надписями, наиболее полно представлена в финикийской и пунической эпиграфиках. Любой исполняющий эти функции имел все основания для того, чтобы гордиться своим ремеслом, и писцы никогда не упускали возможности напомнить о себе, составляя надписи на votивных стелах. Но нам сложно сказать, в какой степени эта профессия была наследуемой, поскольку только в двух из обнаруженных нами текстов указывается, что сын продолжил дело своего отца. Внутри их корпорации должна была существовать иерархия, о чем свидетельствует титул *rab* Софрим (Rb Sprm), то есть глава писцов, встретившийся нам в двух надписях, найденных в Карфагене и на Кипре.

Нам немного известно о том, как происходило обучение этой профессии. Писцы использовали скоропортящиеся писчие и другие вспомогательные материалы: папирус, чернила, восковые таблички и т.д. Единственными свидетельствами, которыми мы располагаем, — это буквари, а упражнения заключались в гравировании букв, расположенных в алфавитном поряд-

ке, на керамических черепках (см. Воспитание и школа, гл. X). Входя в единую корпорацию с резчиками по камню, карфагенские писцы возвели свое ремесло в ранг искусства, обыгрывая каллиграфию и скоропись, что допускалось пунической формой письменности. И надо сказать, что писчим материалом им служил очень твердый камень.

Но сразу же после падения Карфагена начался закат школ писцов. И это выразилось в почти полном исчезновении прекрасной и монументальной пунической формы письменности, замененной той, которую филологи XIX столетия называли неопунической, то есть скорописью, оставшейся в веках благодаря тому, что ею были выгравированы надписи на прочных материалах (камнях, металлах). Ошибки гравировщиков стали встречаться чаще, буквы потеряли грациозность, а к их форме относились до такой степени с пренебрежением, что некоторые из них можно было перепутать.

Археология предоставила нам драгоценный образец работы писцов и резчиков по камню, датированный II столетием. В последней строке надписи, начертанной на votivной стеле из Константины (Алжир), можно прочесть: *wktbt 'rb'm wšlš msprm* — «и ты напишешь 43 буквы». И действительно, оказалось, что весь текст, не считая этой последней строчки, содержал 43 буквы. Она предназначалась для резчика по камню и не должна была быть представлена на стеле. Неграмотный резчик, не сумев прочесть и не поняв текста, который ему дали для перенесения на стелу, выгравировал все знаки, содержащиеся на папирусе или на табличке.

ПРИМЕРЫ НАДПИСЕЙ

Финикийская часть двуязычных надписей, начертанных на полуколоннах, обнаруженных на Мальте

В XVII веке были найдены две полуколонны, хотя их точное происхождение неизвестно. Каждая из них была высотой 1,05 м и имела форму колонны с утолщением в виде луковицы, украшенной у основания гирляндой из листьев аканта и покоящейся на кубическом постаменте. На одной из сторон колонны была выгравирована двуязычная надпись на греческом и финикийском языках. Если судить по характеру греческой надписи, обе они относились ко II веку. В XVIII столетии монументы были разделены, когда один из них, ныне хранящийся в Лувре, был преподнесен в дар Франции в благодарность за расшифровку финикийского языка Ж.-Ж. Бартеlemi.

1. L 'dnn lMlqrt B'l Šr 'š ndr	Нашему господу Милькарту, покровителю Тира, подношение
2. 'bdk 'bd' sr w'hy 'sršmr	(от) твоего раба Абдозира (слуга Озириса) и его брата Озиршамара (Озирис его защищал)
3. šn bn 'sršmr bn 'bd'sr k šm'	(оба) сыновья Озиршамара, сына Абдозира, да благословит он их, если услышал их голоса.

Пуническая часть надписи, обнаруженной в Пирги

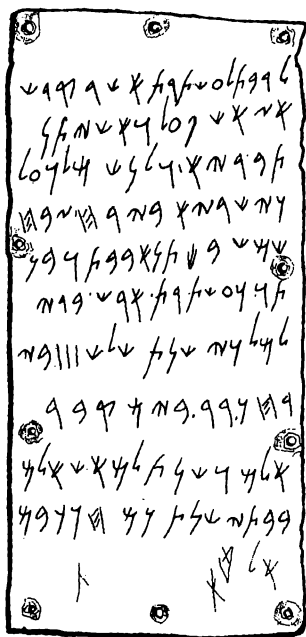
Надпись, которую нашли в 1964 году в ходе раскопок этрусского святилища в Пирги (современная Санта Севера на побережье Тирренского моря), была начертана на трех золотых пласти-

нах размером $9,2 \times 19,3$ см. Она состоит из текста на пуническом языке, выгравированном на одной из пластин, и текста на этрусском языке, выгравированном на двух других. Полного совпадения между текстами нет, что не позволяет отнести их к разряду двуязычных надписей. Исходя из палеографических критериев, ученые пришли к выводу, что текст был составлен приблизительно в 500-х годах. Все три пластины ныне хранятся в археологическом музее Вилла Джулия в Риме.

LRbt l'štrt 'šr qdš	Госпоже, Аштарт, священное место,
'z 'š p'l w's ytn	которое сотворил и которое принес в дар
Tbry' Wlnš mlk 'l	Тефарий Велиан, царь в
Kyšry' byrh Zbn	Цере (Церветери), в месяце
Zbn (пожертвований)	
Šmš bmtm 'bbt wbn	Sms как дар в храм (?) и он его построил,
Tw k 'štrt 'rš bdy	так как Аштарт его об этом попросила (?)
Imlky šnt šlš 3 by	в третий год своего правления в месяц,
Rh Krr bym qbr	Krr в день погребения
'lm wšnt lm's 'lm	божества и годы подношения (?) божества
bbty šnt km hkkbm	в его святилище, (которых много) как этих
'l	звезд.

Надпись, в которой воспроизводится каноническая формулировка votивных текстов тофетов, вырезана на стеле с так называемыми актротериями эллинистического типа. Фронтон, украшенный пальметтой, венчает ионическая капитель. Стоит обратить внимание на два ушка, изваянных

Репродукция пластины,
на которой выгравирован текст на пуническом языке
(Пирги, Этрuria, около 500 г. до н.э.)

на акротериях. Стела датируется периодом, предшествующим падению Карфагена (III—II века).

LRbt lTnt pn B'lw
L' dn lB'l Hmn 'š nd

r 'zrb'l bn Hn' bn 'z

rb 'l bn B'lytn k šm'

Ql' tbrk'

Госпоже Тиннит пане Баал и
господу Баал Хаммону все то,
что посвятил
Гасдрубал, сын Ганнона,
сын Гасдрубала,
сын Баалиатона, потому что
он слышал
ее голос.
Да благословит она его.

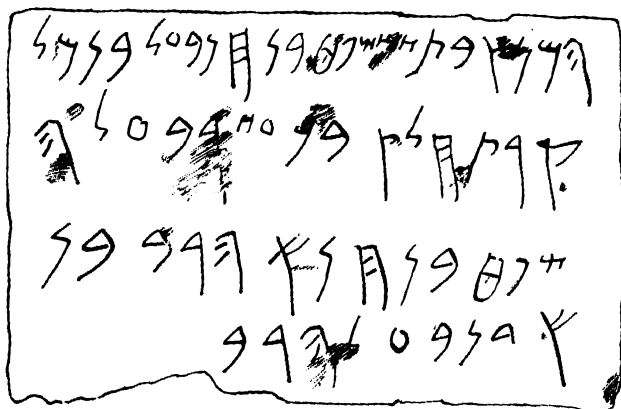

*Репродукция votивной стелы Гасдрубала
(Карфаген, III–II вв. до н.э.)
Vотивная надпись Гасдрубала*

Следует отметить, что гравировщик допустил ошибку, перепутав в конце четвертой строки айн (‘) из слова *šm* с алеф (‘).

Погребальная надпись, составленная по случаю кончины Шапота (špt), карфагенянина, умершего в Тире в III веке

Эта надпись была обнаружена в ходе подпольных раскопок (проводимых в регионе Тира), и

*Репродукция погребальной надписи,
составленной по случаю смерти Шапота (Тиф, III в. до н.э.)*

ныне она хранится в частной коллекции. В ней говорится не только о смерти одного карфагенянина, чьи предки указаны по именам и соответствующим им титулам, форма ее букв свидетельствует также о том, что она была составлена карфагенским писцом.

Hmnsbt z s Spt bn Hnb'l bn Ml

Эта стела принадлежит
Шапоту, сыну Ганниба
ла, сына Ми

Qrthls bn 'zrb'l h

картхиллеса, сына Гас-
друбала

Špt bn Hn' hrb bn

суффета, сына Ганнона
раба, сына

'dnb'l hrd

Гадонибаала раба.

VIII

ИСКУССТВА

В области искусства карфагеняне наследовали эклектизм своих финикийских предков, которые, оказавшись в точке слияния великих художественных течений (Египет, Месопотамия, Греция, Анатолия), с легкостью заимствовали отдельные элементы как у одних, так и у других. Но, не будучи пассивными созерцателями, они комбинировали формы и мотивы, создав самобытную эстетику, которую они распространяли в Греции и на западе Средиземноморья. Они были главными действующими лицами ориентального феномена, оказавшего между VIII и VII веками большое влияние на все Средиземноморье.

Даже невзирая на дебаты по поводу самобытности финикийского и пунического искусства, используемые материалы, технология и окончательная отделка произведений искусства отличались от способов их изготовления, зародившихся в Афинах. Разница в восприятии между греками и финикийцами, а затем и пунийцами особенно ярко проявилась в том, как они представляли и воплощали божество. С одной стороны, налицо попытка как можно точнее передать физические и психологические характеристики божества, с другой — полагали, что божество не может быть сведено к обычному образу, как бы совершенен он ни был. И тогда божество наделяли домом (бетил, который впоследствии станет часовней,

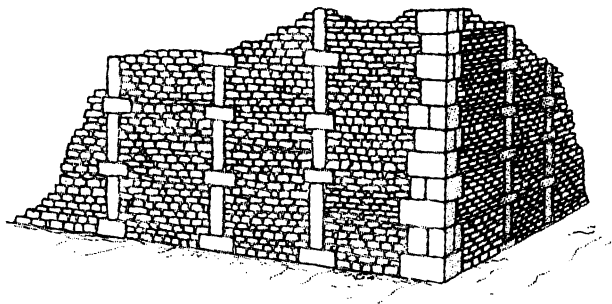

см. гл. VI) или тронем для его более полного воплощения. И неважно, восседала ли на нем статуя или нет. И как нам кажется, финикийцы, как и карфагеняне, использовали разные образы, символизирующие одно и то же божество, что породило трудности в определении единой иконографии для каждого из них, да и иконографии в целом.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что наиболее полное воплощение пунического искусство нашло не в скульптуре, а в так называемом искусстве малых форм: в ювелирном деле, в резьбе по кости, в глиптике. Но это не помешало финикийцам, а затем пунийцам восхищаться произведениями искусства греческих мастеров и закупать их в большом количестве.

АРХИТЕКТУРА

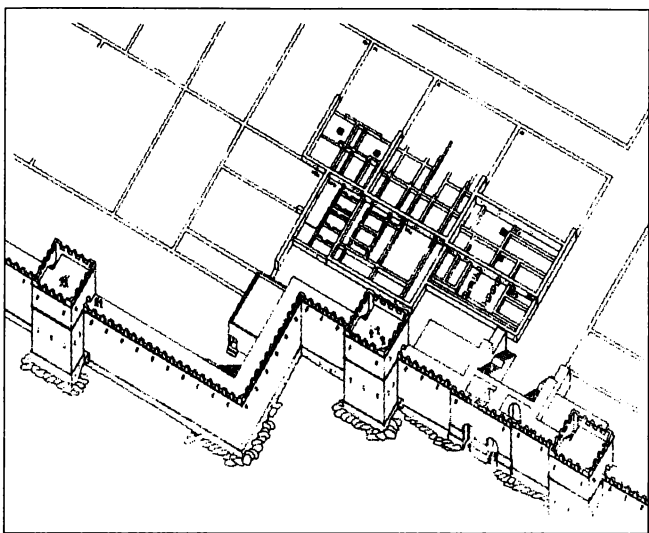
Пуническая архитектура позиционирует себя в качестве наследницы ближневосточной архитектуры на западе Средиземноморья. При возведении зданий использовались те же технологии (кладка, называемая «опус африканум», прямые террасные крыши) и те же материалы (блоки мягкого песчаника, необожженный кирпич, связующий раствор на основе извести), что и на Ближнем Востоке. Блоки песчаника доставлялись в Карфаген по морю из карьеров Эль Хавария, расположенных напротив, на оконечности мыса Бон. Стены возводились в соответствии с технологией, которую римляне окрестили «опус африканум». Она заключается в поочередном строительстве из каменных блоков вертикальных и горизонтальных опор, промежутки между

*Образец части стены, возведенной в Дугге (Тунис)
в соответствии с технологией «опус африканум»*

которыми заполнялись кладкой из песчанистого известняка. Но эта технология была не единственной: пунийцы иногда полностью возводили стены из камней одинакового формата. И в этом случае они строили стены из необожженного кирпича (возводили этажи зданий).

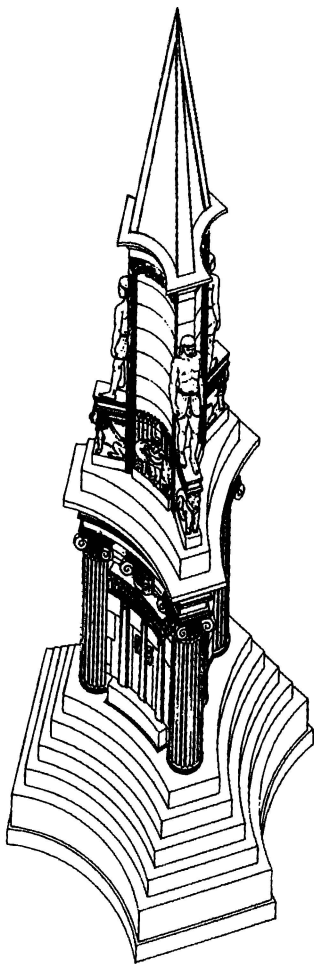
Как нам кажется, пунийцы предпочитали многоэтажные дома. В своем описании взятия города Аппиан упоминает о шестиэтажных зданиях (Ливийская книга. 128). И такие здания, которые вполне могли напоминать йеменские строения, были широко представлены в архитектуре Карфагена. И результаты раскопок, проводимых практически на всей территории, занимаемой когда-то пунийцами, свидетельствуют о наличии многоуровневых домов: в Керкуане были обнаружены руины лестниц, ведущих на верхние этажи. В ходе раскопок, проведенных в Карфагене в 70-х годах прошлого века, были найдены фрагменты плиточного покрытия лестниц и межэтажных помещений очень высокого качества, что свидетельствует о том, что они вели

*Реконструкция «квартала Магон» и фронтальной стены,
возведенной со стороны моря
(Карфаген, между V и III столетиями до н.э.)*

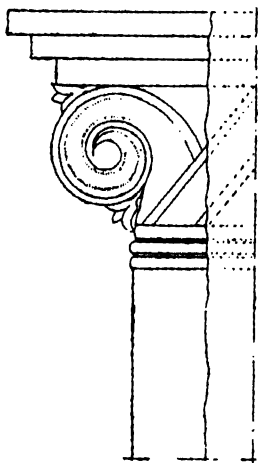
не только на террасы, хотя они являлись одним из главных элементов пунической архитектуры, которая почти не использовала черепицу для покрытия крыш. Ведь именно здесь — на побеленных известью террасах и во дворах — всегда царило оживление и протекала жизнь карфагенян (см. Жилище, гл. X).

И, по крайней мере, в эллинистическую эпоху Карфаген представлял собой образ города, живущего в полной гармонии со своим временем. Находясь в тесном взаимодействии с греческим и египетским мирами, пунические архитекторы развили технологии и разработали новые методы строительства. Дворы, полы залов и этажей зданий были покрыты так называемым «опус сиг-

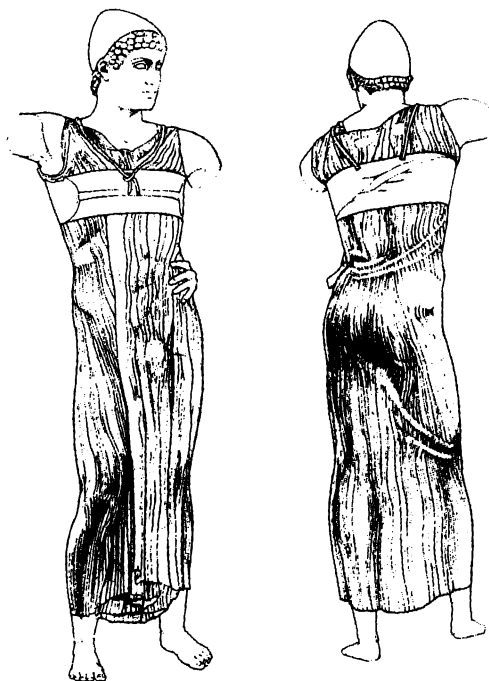
*Изображение в перспективе мавзолея В из Сабратхи
(Ливия, начало II в. до н.э.)*

нинум» (*opus signinum*), представлявшим собой бетон характерного красного цвета (получаемого в результате добавления в бетонную массу мелких

*Пиластра, увенчанная этрусской капителью
(начало II в. до н.э.)*

осколков черепицы из обожженной глины), в который были вкраплены кубики мрамора, известняка или фрагменты обсидиана. К слову сказать, именно в пуническом мире задолго до греческой Сицилии была разработана и доведена до совершенства мозаика на основе мозаичных кубиков. В ходе раскопок, проведенных в Керкуане и в Карфагене, были обнаружены фрагменты мозаичных изделий, относящихся к IV либо к V векам. Но пунийцы покрывали пол и мостили дворы не только при помощи бетона с включением черепицы. В Карфагене, как и в Керкуане, были обнаружены образцы настоящего плиточного пола, выполненного из обожженного кирпича, относящегося к той же эпохе. Другое нововведение заключалось в том, что вторично использовали отходы производства пурпура, то есть

Статуя молодого человека (вид спереди и сзади) из Мотьи (Сицилия). Головной убор и ступни ног реконструированы, вторая половина V в. до н.э.

пустые раковины моллюсков. Раздробленные и смешанные с известью, они служили в качестве покрытия домов небогатых граждан. Для покрытия более амбициозных зданий использовалась мраморная пудра. Немецким археологам удалось обнаружить подобную «штукатурку» со следами мрамора на фронтальной городской стене, возведенной вдоль морского берега. А Плиний Старший ссылаясь на шутливые замечания римлян, высмеивавших обычай карфагенян покрывать

стены смолой и обмазывать внутренность амфор для вина известью, в противоположность обычаю, принятому в римском мире. Известь действительно применялась при изготовлении карфагенского вина, но ею запечатывали амфоры с этим напитком (см. Сельское хозяйство, гл. IV). Что касается битумных покрытий в архитектуре, то они часто встречаются на Ближнем Востоке, начиная с самых отдаленных эпох. Битум служил отличной гидроизоляцией конструкций, и пунийцы, вне всякого сомнения, заимствовали эту технологию у североафриканских стран.

За исключением портов, от которых до нас дошли руины и описание Аппиана, о монументальной пунической архитектуре нам ничего не известно. И едва ли возможно утверждать, что в ней использовались различные элементы, заимствованные из египетской и греческой архитектуры (египетские карнизы с каннелюрами, эолийские, ионические и дорические капители и т.д.). И чтобы иметь представление об этой архитектуре, следует отправиться к нумидийцам или в Триполитанию. Дугга в Тунисе и Сабратха в Ливии являются единственными городами, где сохранились следы грандиозных мавзолеев, увенчанных пирамидой. И такие сооружения, построенные по образу и подобию монумента в Галикарнасе, видимо, были не редкостью в пуническом Карфагене.

СКУЛЬПТУРА И РЕЛЬЕФЫ ИЗ КАМНЯ

Обобщая, можно сказать, что, если не считать стел и саркофагов, скульптурные изображения относительно редко встречаются в пуническом мире. И только лишь на Сардинии и Сицилии

было найдено некоторое количество круглых скульптур, то есть с трехмерными объемами.

Среди этих произведений знаменитая статуя юноши из Мотии (Сицилия), обнаруженная в 1979 году, до сих пор вызывает множество вопросов относительно ее предназначения, заказчика, персонажа, которого она представляет, и т.д. Датированная Деонисием Старшим началом IV века (397 год), то есть периодом, имевшим место незадолго до разрушения Карфагена, эта большая мраморная статуя, выполненная одним или несколькими греческими скульпторами, настоящими мастерами своего дела, уникальна по многим причинам. У монумента нет аналогов в греческом мире, и, следовательно, он был выполнен для смешанной среды, характерной для Мотии. Голова, изваянная в строгом стиле, резко контрастирует с остальной частью тела, где чувствуется мягкость плоти и тонкость и прозрачность туники. Поза юноши также является собой загадку. Она породила множество гипотез, но главный вопрос, заключающийся в том, кто является прототипом скульптурного изображения (жрец, один из героев, возникший и т.д.), все еще остается открытым, даже если предположение, что это возникший, вызывает предпочтение специалистов. Ответ на этот вопрос помог бы нам понять, кто был заказчиком этого скульптурного портрета и к какой культурной среде он принадлежал (пунической, греческой, смешанной). Но в любом случае статуя является ярким свидетельством пунического эклектизма и подтверждает тот факт, что пунийцы не только высоко ценили греческое искусство, но и смогли подчинить его своим вкусам, вдохновляя мастеров на создание самобытных произведений искусства.

Такой активный интерес к греческому искусству нашел свое отражение и в многочисленных мраморных саркофагах, обнаруженных в Карфагене, в так называемом некрополе рабов, где нашли последнее пристанище представители карфагенской аристократии. В ходе раскопок, проводимых здесь с конца XIX до начала XX века отцом Делаттром, было найдено около пятнадцати саркофагов греческого типа с двускатной крышкой, датируемых IV—III веками. Эти мраморные саркофаги, во многом повторявшие саркофаги Афин и Южной Италии, не случайно оказались в Карфагене. Как нам кажется, здесь была открыта и функционировала мастерская, где греческие скульпторы изготавливали на заказ отдельные модели для пунических клиентов. В некрополе рабов было найдено четыре саркофага, крышки которых украшены статуями, выполненными в технике высокого рельефа. И среди них так называемый саркофаг жрицы, хранящийся ныне в музее Карфагена (см. иллюстрацию), является ярчайшим воплощением пунического эклектизма: на нем изображена женщина в египетских одеяниях, состоящих из туники с нисходящими от бедер крыльями и головным убором в виде головы грифа. И, видимо, также в этой мастерской был изготовлен саркофаг для Лариса Партуна, основателя одного этрусского рода, который был погребен в Тарквинии, в Этрурии. Его саркофаг, крышка которого украшена статуей мужчины, практически идентичен двум карфагенским саркофагам, один из которых хранится в Лувре.

Стелы являют собой другой вид работы по камню. Следует отметить, что в Карфагене только на самые древние из них наносился рельефный

Акварель с изображением крышки так называемого саркофага жрицы (Карфаген, IV–III вв. до н.э.)

декор. Стелам, датируемым эллинистическим периодом, была присуща богатая иконография, а декор на них вырезался. Но это не помешало им оставаться самым богатым хранилищем пунической иконографии.

КОРОПЛАСТИКА

Когда гончары вместо того, чтобы работать над изготовлением блюд и различных сосудов, принимались лепить самые разные предметы: ма-

Пуническая маска

ски, статуэтки и фигурки, вплоть до статуй, они становились мастерами коропластики. Они производили для святилищ, некрополей, а также для повседневного обихода всю необходимую утварь и изделия, на которые было так богато религиозное воображение пунийцев. С точки зрения технологии применялись два метода, которые были заимствованы у мастеров Востока: придание формы изделию на гончарном круге с последующей окраской и отливка в форме. Работа на гончарном круге осуществлялась исключительно вручную, поэтому этим способом изготавливались сложные фигурки, статуэтки и т.д.

Используя именно эту технологию, мастера Карфагена смогли увековечить две драгоценные для нас сценки из повседневной жизни, которые на удивление актуальны и поныне. Первая изображает некий персонаж, сидящий в ванне с широкими бортами. А вторая представляет пуни-

*Маска-гримаса, обнаруженная в одном из захоронений
Карфагена, VI-V вв. до н.э.*

ческую матрону, которая под пристальным взглядом своего ребенка, предвкушающего скорое угощение, собирается класть в печь из обожженной глины (современная табуна в Тунисе) хлебную лепешку.

Гамма изготавливаемых статуэток и фигурок была весьма разнообразной: от стилизованных колоколообразных изделий VI века, особо ценимых в Битийе, на Сардинии, до женских бюстов в мантии, напоминающих крылья, как у статуэток из Эс Куйерам, в Ибике. В эту же эпоху с введением культа Деметры, великой сицилийской богини Карфагена, получило развитие производство статуэток и курительниц для благовоний эллинистического типа. Что касается святилищ на мысе Бон, то здесь были обнаружены пре-

красные образцы скульптур из обожженной глины. Некоторые из них состояли из нескольких элементов, обжигаемых отдельно и затем собираемых в законченный ансамбль. Другие же представляли собой единое целое, например скульптурное изображение божества с головой льва, тело которого, как на мраморных саркофагах Карфагена и керамических изделиях из обожженной глины из Эс Куйерам, покрывают два свернутых крыла. Этот образ, видимо, соотносился с Тиннит.

Что касается некрополей, то в них было обнаружено множество женских бюстов, масок из глины, представляющих молодых женщин,

*Фигурка в манто, напоминающем два крыла,
которая была найдена в святилище Эс Куйерам
(Ибиза, IV в. до н.э.)*

убранство головы которых повторяет египетские (вуаль, клафт*, ниспадающий на плечи и оставляющий уши открытыми) или греческие головные уборы, а также мужские маски-гримасы, иногда покрытые красками. Эти изображения, датированные VII—VI веками, дают возможность составить некоторое представление о том, как выглядели карфагеняне или, по крайней мере, отдельная часть населения. Они делали ритуальные надрезы на коже, наносили татуаж, вставляли в нос неземы, то есть кольца, над которыми потешались греки и латиняне. В некрополях находились и другие предметы из обожженной глины, отсылающие к каждодневной жизни карфагенян: разнообразное имущество в миниатюре, фрукты, рожки для кормления младенцев в форме животных и снабженные наконечниками на ручке, чтобы ребенок мог напиться.

РЕЗЬБА ПО КОСТИ

Финикийцы с самых ранних времен умели обрабатывать кость зубов гиппопотама и слоновьих бивней, превращая этот материал не только в величественные инкрустации с изображением нильских образов, священных сцен и процессов, но и в предметы домашнего обихода. Это искусство быстро перекочевало на пунический Запад, в частности в Африку, где слоны местного вида (*Ixodonta africana*) «поставляли» прекрасные бивни. Эти бивни часто экспортировались в не-

* Клафт — полосатый головной убор египетских фараонов.

*Пластина из слоновой кости
с выгравированным рисунком, относящимся
к эллинистической эпохе (Карфаген, III–II вв. до н.э.)*

обработанном виде, на них наносилось только имя получателя, как на трех таких бивнях, обнаруженных в останках корабля, затонувшего в III веке недалеко от Карфагена (см. Торговля, гл. IV). Другие преподносились по обету, о чем свидетельствует случай кражи лейтенантом Мас-синиссы двух бивней, хранящихся в храме Аштарт в Тас-Силг (Мальта). В Карфагене резьба по кости была процветающим ремеслом, о чем можно судить по тому обилию туалетных принадлежностей (заколки, стилеты, ложечки и коробки для румян, расчески), амулетов, элементов декора (дощечки, шишечки, настенные светильники), инструментов для ткачества и шитья (веретена, иглы с ушками), аксессуаров и разнообразных предметов (ручки от зеркал, элементы шарниров, мебельные ножки, игральные кости, музыкальные инструменты и т.д.), обнаруженных в ходе раскопок.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ СТЕКЛА

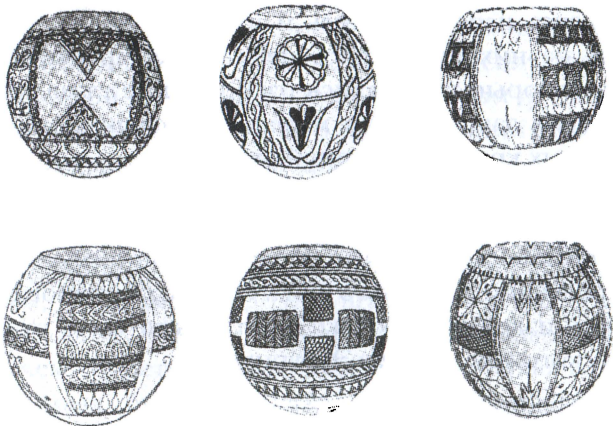
Плиний Старший (Естественная история XXXVI, 190—191) передал нам очаровательную легенду, в которой говорится о том, как было изобретено стекло. Финикийские торговцы селитрой, оказавшись на пустынном пляже, решили развести огонь. Не найдя камней, на которые они могли бы установить свою утварь, они достали из своих запасов несколько кусков селитры. Когда огонь разгорелся и расплавил песок и селитру, потекла прозрачная жидкость. Это было стекло. Но пальма первенства в изобретении стекла принадлежит не финикийцам, а египтянам, хотя именно они достигли совершенства в этой области. Карфагеняне стали достойными продолжателями мастерства египтян, производя предметы, в которых обыгрывались контрасты ярких красок, что явилось характерной чертой их изделий. Мастерские экспортировали флаконы для благовоний (или алабастроны) с декором из прерывистых линий на голубовато-зеленом фоне, а их подвески ярких цветов и бусы из мелких шариков с разноцветными бантами встречаются по всему Средиземноморью и даже на берегах Черного моря. Среди этих изделий маски из стеклянной массы считаются поистине уникальными. Они представляют собой мужские лица иногда с желто-оливковой кожей, контрастирующей с темно-синим или черным цветом бороды. Завитки прически и бороды изготавливались из стеклянных жгутов, прикрепляемых в горячем виде. Нос был плоским или крючковатым, большие глаза имели форму концентрических кругов. Обычно их носили на шее, подвесив за специаль-

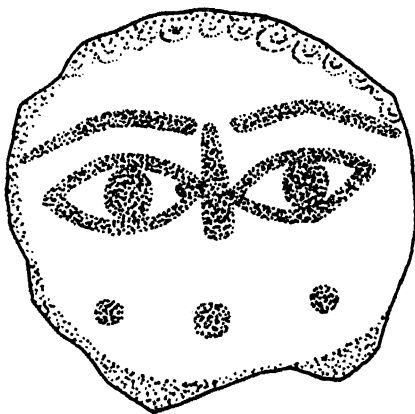
ное кольцо, расположенное на макушке маски. Будучи полыми внутри (отливались по каменной форме, которую вынимали по окончании изготовления изделия), они почти ничего не весили.

ЯЙЦА СТРАУСА

Начиная с VII века до н.э. появился обычай класть в карфагенские могилы яйца страуса, которым придавали совершенно очевидное символическое значение (яйцо как основной жизненный принцип). В захоронениях в Карфагене были найдены двенадцать экземпляров скорлуп либо с отверстием на вершине, либо разрезанные на три четверти или наполовину и, видимо, служившие емкостями. На некоторых из них до сих пор (то есть в момент их обнаружения) сохранился

Раскрашенные скорлупы яиц страуса, найденные в захоронениях Карфагена, Гурайи (Алжир), Ибицы и Вилларикоса (Испания, VII–V вв. до н.э.)

Маска, нарисованная на фрагменте скорлупы яйца страуса, обнаруженная в некрополе на холме Бирса, в Карфагене, середина VII вв. до н.э.

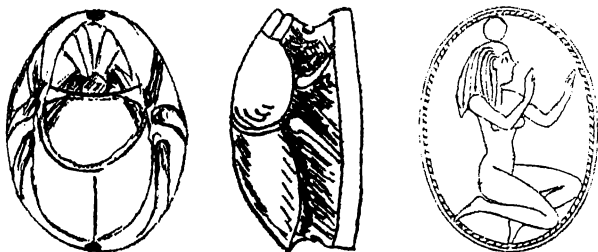
богатый геометрический узор и растительный орнамент.

Найденные в пунических некрополях яйца страуса использовались и в других целях: иногда из них вырезались небольшие фрагменты, на которые наносились изображение глаза (как символ защиты) или маленьких масок, нарисованных красной и черной охрой.

Скорее всего, именно в силу близости от источника поставок яиц североафриканские мастерские специализировались в производстве продукции подобного типа. Они экспортировали свои изделия не только в остальную часть пунического мира, но и в Этрурию.

ГЛИПТИКА

Ассоциировавшийся у древних египтян с жизненным духом и со становлением бытия скарабей

Изготовленный пуническими мастерами египетский скарабей, найденный в некрополе Арг эль-Газвани, в Керкуане (Тунис, IV в. до н.э.)

познал свои минуты славы в Египте, где амулеты в форме этого жесткокрылого жука изготавливались из покрытой эмалью глины, стеклянной массы или из камня. На плоской стороне гравировались воззвания к богу, изречения, титулы и имена владельцев, что давало возможность использовать эти изделия в качестве печатей. Prestиж египетских магии и религии был настолько высок у финикийцев и пунийцев, что они, в силу приписываемой египтянами этим предметам функции возрождения и в силу того, что они могли служить печатями, очень скоро заимствовали их.

В некрополях пунического мира было обнаружено множество экземпляров этого амулета, вырезанного из стеатита и из таких твердых камней, как яшма, сердолик, агат, горный хрусталь или оникс. Все они были местного производства, о чем свидетельствуют некоторые скарабеи, на которых были одновременно выгравированы иероглифы с названиями египетских божеств и имена их владельцев на пуническом языке. Благодаря тому, что здесь были сосредоточены залежи зеленой яшмы, Фарос на Сардинии с VI по

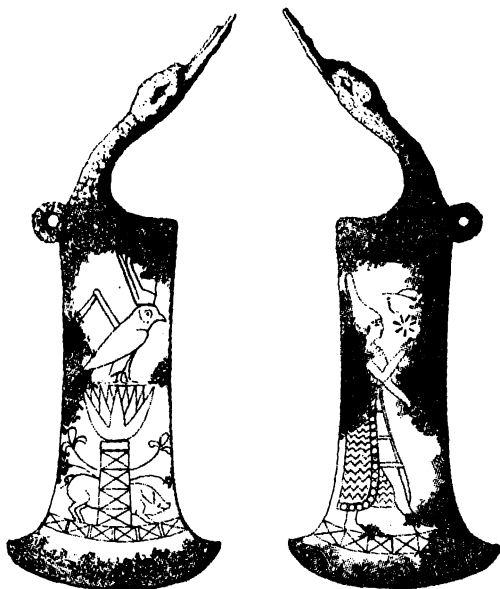

III век стал одним из главных центров по производству этих изделий. При изготовлении в его мастерских скарабеев, символика которых до этого момента была исключительно египетской, были введены некоторые новые элементы, например эллинистические образы.

БРИТВЫ

В некрополях Карфагена, Сардинии и Испании было обнаружено множество бритв, богато украшенных как египетскими, так и греческими мотивами, которые обычно размещали над саркофагом усопшего и возле его головы. У этих изделий, свойственных исключительно пуническому художественному производству, не было предшественников в финикийских городах, расположенных на востоке. На двух бритвах имеется надпись *mgld* (миглад), что является названием этого изделия на пуническом языке. По мнению некоторых авторов, они должны были бы напоминать об очищающей эпиляции покойного и отсылать к функции брдобрея богов (см. Служители культа, гл. VI). Принимая во внимание относительно небольшое количество этих предметов, обнаруженных на сегодняшний день, ученые пришли к выводу, что этот атрибут соотносился с определенным социальным классом.

Длиной от 4 до 20 см, они были обычно бронзовыми, а по форме напоминали топорик с заостренным концом, с другой стороны было стебло, располагавшееся наискось по отношению к оси лезвия и принимавшее в самых поздних моделях форму шеи лебедя. Стержень, вставлявшийся в отверстие или кольцо у основания бритвы, сви-

*Две стороны карфагенской бритвы,
обнаруженной в так называемом некрополе рабов
в Карфагене, IV в. до н.э.*

детельствовал о том, что она убиралась в деревянную ручку, которая, естественно, не сохранилась до наших дней. Начиная с V столетия эти изделия постепенно начали украшать гравировкой с изображением ближневосточных (бородастые персонажи с митрами на головах и топорами с отверстиями) или египетских мотивов (Гор, которого кормит грудью Изида, Гор с головой ястреба). В IV веке появляются греческие образы Геракла, Гермеса, Скиллы. В результате исследований всей совокупности этих изделий было установлено, что в Карфагене находился центр по производству бритв. Из его мастерских они распространялись по всему пуническому миру.

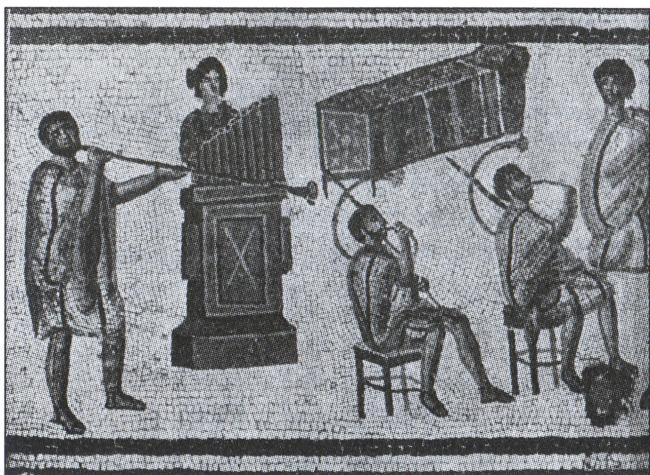
IX

ДОСУГ

На протяжении многих лет исследователи испытывали на себе влияние Плутарха, считавшего, что карфагеняне были суровыми людьми, поскольку им были чужды все радости жизни (Политические наставления. III, 6), и древних авторов, которым они безоговорочно доверяли и согласно которым карфагеняне убивали собственных детей. В Карфагене, как и во многих античных обществах, где рабов всегда было достаточно, у граждан было много свободного времени, чтобы они могли предаваться занятиям, дающим отдых душе и телу. Сведения, которыми мы располагаем, не всегда однозначны, но и они свидетельствуют о том, что карфагеняне, по крайней мере самые обеспеченные из них, любили философские размышления, высоко ценили музыку, поэзию, спортивные увлечения, например охоту, дальние путешествия, дрессировку животных и т.д.

ПРАЗДНИКИ

Из финикийских надписей, обнаруженных в Каратепе, нам известно, что у них было три праздника: новый год (zbh ymm), праздник обрезания деревьев ('t hrš), который отмечали на исходе зимы, и праздник сбора винограда ('t qsr). А из литературных источников мы узнали еще

Музыканты. Фрагмент мозаики

о двух праздниках, отмечаемых в Финикии: Адонай в Библие, который выпадал на 19 июля, и празднование смерти и возрождения божества (эгерсис), например Милькарта в Тире, который отмечали, по всей вероятности, в январе—феврале. В надписях, обнаруженных на Кипре, упоминается и о других праздниках: новолунии (hdš) и полнолунии (ks'). Особенно почитался праздник новолуния, выпадавший на месяц жертвоприношения Шамашу (бог солнца. — *Примеч. пер.*). В надписи, обнаруженной в Пирее, афинском порту, говорится о празднике Mrzh, который длился не менее четырех, а, скорее всего, пять дней. На пуническом Западе в надписи, найденной в Пирги, упоминается праздник погребения божества, отмечавшийся в месяц Krg, хотя расположение этого месяца в финикийском календаре не уточнено. Все эти праздники, а также множество других отмечались в Карфа-

*Музыкантша, играющая на лире
(Карфаген, IV–III века до н.э., обожженная глина)*

гене. В частично сохранившейся надписи в общих чертах упоминается ритуал, проводимый в праздник, длившийся пять дней, хотя как он назывался и в честь какого события отмечался, нам неизвестно.

Праздники обычно сопровождалась подношениями, строго определяемыми религиозными тарифами, проведением процессий, в ходе которых танцевали священные танцы, хотя детали праздничных церемоний, гимны или финикийские молитвы нам неизвестны. Но мы знаем, что по случаю праздников пекли особые лепешки.

МУЗЫКА И ТАНЦЫ

Музыка и танцы пронизывали все существование карфагенян. Они сопровождали большинство религиозных церемоний, в ходе которых играли на тамбурине, флейте или цитре, о чем свидетельствуют рельефы на стелах или из обожженной глины. Цимбалы, а также возможные детали струнных инструментов, найденных в карфагенских захоронениях, говорят о том, что этот род деятельности присутствовал и в частной жизни карфагенян и что они являются красноречивым опровержением оценки карфагенян, данной Плутархом. Свадьбы, рождения детей, а также праздничные церемонии, организуемые аристократами, сопровождались, по всей вероятности, музыкальными представлениями, танцами, декламацией поэтических произведений. Софонисба, красивая и высокообразованная аристократка, соблазнившая сначала Сифакса, а затем и Массиниссу, была хорошей музыкантшей. И как в греческом мире, куртизанки играли на музыкальных инструментах, о чем свидетельствует стела, воздвигнутая одной музыкантшей, играющей на цитре, которая была, по словам составителя надписи, «не слишком строгого нрава».

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ИГРЫ

Из источников нам известно, что финикийцы не были большими любителями коллективных игр. Вполне возможно, что они отличались от игр, организуемых римлянами. И также вполне возможно, что наряду со многими восточными

царствами в Карфагене и в целом в пуническом мире существовали общественные места (площади и т.д.), где устраивались акробатические представления, проводились силовые соревнования или выступления дрессировщиков животных. Хотя археологических или эпиграфических подтверждений этому у нас нет.

Достоверно известно, что пунийцы и главным образом представители военного сословия очень любили азартные игры, о чем свидетельствуют обнаруженные в могилах Карфагена игральные кости.

ВОДНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

Чистота для каждого карфагенянина имела большое значение, и это подтверждается оборудованием для омовений, обнаруженным как в Карфагене, так и в других местах, в частности в Керкуане, а также изображением из обожженной глины человека, принимающего ванну. В ходе раскопок, проведенных в «квартале Ганнибала» на холме Бирса, были найдены фрагменты маленьких переносных ванн из обожженной глины. В Керкуане практически все дома были оборудованы встроенными ваннами, дно которых было выложено кусками белого мрамора. Бассейны с водой, располагаемые рядом с ванными, давали возможность вдоволь насладиться водными процедурами. Устройство для подогрева воды было простым, но эффективным: печь, находящаяся снаружи дома, нагревала стену ванной комнаты.

Мы почти не располагаем сведениями, подтверждающими факт существования общественных бань. Единственные достоверные свидетель-

Ванная комната в Керкуане

ства были обнаружены в Керкуане, где некоторые помещения, в противоположность римским баням, в которых были оборудованы отдельные пространства (бассейны, залы), способствующие общению, имели строго функциональное назначение. Одно из таких помещений находилось в Керкуане, поблизости от святилища, что наводит на мысль о том, что здесь останавливались, прежде чем отправиться в святое место.

После купания карфагеняне умащивали свои тела маслами, приготовленными на основе благовоний, импортируемых из арабских и азиатских

стран (Геродот. III, 107). Плиний Старший (Естественная история. XIII, 6, 11–13) упоминает среди душистых масел галбаниум (миндальное масло), мендесион (эссенция ашкелонской лилии), телинум (сидонская хна) и т.д.

ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО

Мы практически ничего не знаем о рыболовстве и охоте с причинением смерти животным. Но нам хорошо известно, что карфагеняне отправлялись в путешествия за поимкой диких и

Охота. Мозаика из Джемилы

экзотических животных, которых они впоследствии перепродавали своим торговым партнерам, в частности римлянам, использовавшим их для организации представлений в амфитеатрах. И именно таким торговцем представляет Ганнона хитрый Мильфион в комедии Плавта «Пуниец». Для увеселения гостей и ради собственного удовольствия карфагеняне часто приручали диких животных. Кроме слонов, которые, вероятно, использовались не только в военных целях, в карфагенских зверинцах содержались обезьяны (бабуины), леопарды, рыси, львы, экзотические птицы (павлины, розовые фламинго, попугаи). Из античных источников до нас дошло имя некоего Ханнона, прозванного орнитологом, поскольку он научил своего попугая фразе «Ганнон — это бог!». И как говорят, другой Ганнон (если только речь идет не об одном и том же персонаже) приручал львов, за что получил прозвище укротителя этих хищников (Плиний Старший. Естественная история. VIII, 55).

КУХНЯ И ПИЩА

Источники, на которых мы основываемся, не позволяют с уверенностью сказать, как часто ели карфагеняне и принимали ли они пищу врозь или сообща. Вполне возможно, что члены одной и той же семьи ели раздельно. Скорее всего, мужчинам сервировали стол в парадных помещениях, а во время трапезы они возлежали на «пунических ложах» (*punicani lectuli*), упоминаемых древними авторами. И если принимать во внимание сцены с изображением яств, которыми были уставлены небольшие круглые столы на одной ножке, рас-

полагавшиеся перед гостями, устроившимися на своих ложах, то, видимо, начиная с IV столетия, в Карфагене появился обычай организовывать пиры в греческом духе. Что касается посуды и кухонной утвари, то до нас дошли только чаши из обожженной глины и несколько бронзовых сосудов для вина, хотя у аристократии, вне всякого сомнения, были столовые сервизы из драгоценных металлов. Пища подавалась в мисках и более или менее глубоких блюдах. В эллинистическую эпоху отмечалось преобладание блюд для сервировки рыбы с весьма характерным дном. Что касается жидкостей (вода, свежее или сквашенное молоко, вино), то их подавали в небольших чашках, бокалах, кувшинах или кубках.

О рационе питания карфагенян нам известно гораздо больше. Зерновые и бобовые (чечевица, горох) составляли его основу и в основном удовлетворяли потребности в пище самых неимущих слоев населения. Плиний Старший утверждает, что из пшеничной и ячменной муки пекли лепешки, которые римский грамматик Фест в своем труде «О значениях слов» назвал пуническими (*punicum*). Для их выпечки иногда использовали специальные формы, придававшие лепешкам неповторимый вид. Их пекли в печах из обожженной глины, о которых мы можем судить по их уменьшенным моделям, обнаруженным в Карфагене, Керкуане и на востоке. Эти очаги в форме усеченного конуса с отверстием на его вершине являются предками современной печи табуна в Тунисе. Их топили дровами, и, когда пламя гасло, на раскаленные стены бросали лепешки. Тесто пеклось жаром стен и тлеющих углей.

Рецепт приготовления пунической похлебки (Катон. О земледелии, 85): хорошо размешать ливр муки в воде, перелить в чистую емкость и добавить три ливра творога, пол-ливра меда и одно яйцо. Все хорошо размешать и томить на огне в новой посуде.

Из ячменной или пшеничной муки готовили одно блюдо, называемое *puls punica* (то есть крутая пуническая похлебка), о котором упоминал Катон Старший. Эта похлебка составляла основу рациона и приправлялась, в зависимости от материального достатка семьи, соусами, мясом, рыбой или разнообразными морскими продуктами.

Овощам и фруктам, выращиваемым на огородах, окружавших пунические города, отводилось, видимо, центральное место в рационе питания карфагенян. О них даже упоминается в тарифах по определению размеров религиозных подношений. В захоронениях встречались фиги, гранаты, миндаль, орехи, бахчевые культуры либо в их натуральном виде, либо в форме их копий из обожженной глины.

Оливковое масло потребляли в больших количествах. По мнению Диодора Сицилийского, его импортировали в течение V века. Впоследствии ситуация изменилась, о чем свидетельствует большое количество помещений, где устанавливали прессы для извлечения масла, обнаруженные в Тунисе. Молоку также отводилось почетное место, его преподносили в дар богам, хотя молочные продукты также являлись одной из составляющих рациона карфагенян. Его потребля-

ли в свежем виде или прошедшим ферментацию (йогурты, творог и сыр).

Рыба играла большую роль в питании карфагенян. У побережий Средиземного моря водились морской сом, мероу, дорада, морской язык и т.д. За тунцом отправлялись в Атлантику, на юг от Ликса, и ловили его в нескольких днях пути от портов. Затем его перерабатывали в цехах по засолке рыбы, откуда его экспортировали по всему Средиземноморью. На этих предприятиях, расположенных вдоль пунического побережья от Ликса и Кадикса до Триполитании, производили также и гарум, латинизированное пуническое название которого — кодлия (codlia). Изготовление этого соуса, используемого в качестве приправы, осуществлялось в больших емкостях, где в течение многих недель в соли с добавлением пряных трав происходила мацерация рыбьих внутренностей. Излишне говорить, что цеха по переработке рыбы, наряду с предприятиями по изготовлению кожи, выносились за пределы городов в силу тошнотворного запаха, издаваемого ими.

В жертвенных тарифах, которыми регулировалось распределение туш животных между осуществляющим жертвоприношение и служителями культа (см. Подношения и ритуалы, сопровождающие жертвоприношения, гл. VI), перечислялись многие виды мяса, потребляемого карфагенянами: говядина, телятина, козлятина, птица. Но в результате исследования костных останков были получены уточненные сведения. В ходе раскопок на холме Бирса, проведенных французскими археологами, было установлено, что часть потребляемых в пищу диких животных (кабанов, газелей, кроликов, куропадок и т.д.) была

относительно небольшой (около 3%). Основная же часть используемого в пищу мяса поступала с боен, где забивались домашние животные весьма преклонного возраста, когда у них снижались надой молока или когда они становились непригодными для сельскохозяйственных работ. Это были крупные животные, быки в холке достигали 1,33 м. Что же касается количественного потребления разных видов мяса, то, как нам кажется, козлятина (или баранина) и говядина составляли каждая более трети рациона. Дополнением служило мясо осли, конина и курятина. Если верить одному из замечаний Юстиниана (XIX, 1, 10–12), то в пищу использовалось также мясо собаки. Учеными было установлено довольно небольшое по количеству потребление рыбы, устриц и моллюсков. Но следует напомнить, что эти исследования проводились в самых нижних слоях холма Бирса, соответствующих периоду, когда карфагенская территория была небольшой, в связи с чем приходилось ограничивать размеры пастбищ, и когда у карфагенян не было выхода к морю.

Исследования костных останков, выявленных в ходе раскопок, проводимых немецкими археологами вдоль береговой линии, предоставили аналогичные результаты. Ими было подтверждено, что мясной рацион состоял из говядины, баранины, козлятины и свинины и что пропорции их включения в пищу варьировались с течением времени. Если в первые годы в Карфагене потребление свинины было небольшим, то в течение трех последних веков существования города оно значительно увеличилось и достигло в некоторых кварталах 21%. Рост потребления свинины

Сосуды в виде ослов или коней, везущих воду

связывают с пищевыми пристрастиями карфагенян, зависящими от регионов их происхождения (финикийцы и нефиникийцы). Другие авторы объясняют этот феномен окультуриванием семитов. Но вполне может быть, что увеличение потребления свинины напрямую зависело от введения культа Деметры, символическим животным которой, как нам известно, была свинья. И как бы там ни было, результаты исследований говорят о том, что карфагеняне употребляли в пищу свинину, что заставляет нас пересмотреть алиментарный запрет, приписываемый финикийцам, а следовательно, и карфагенянам (Геродиан. V, 6, 9; Порфирий. О воздержании. I, 14; Силий Италик. III, 22–23), соблюдение которого было внушено отсутствием упоминания о свинине в жертвенных тарифах (см. Религиозные запреты, гл. VI).

Как и рыба, мясо не всегда сразу употреблялось в пищу. Его консервация давала возможность формировать запасы, поставлять на экспорт и включать в рацион моряков. Результаты анализа

амфор, обнаруженных в ходе раскопок в бухте на севере от местечка Нора (Капо ди Пула; на юге Сардинии), свидетельствуют о том, что в них содержались говядина и ягнятина, сохраняемые в виноградных выжимках.

Древних авторов, как нам кажется, весьма впечатлило трепетное отношение карфагенян к своим виноградникам. И если верить Плинию Старшему (Естественная история. XXXVI, 166; XIV, 81), из винограда они получали два вида вина. Одно было обычным и доступно каждому, а второе, называемое пассум (*passum*), было, как нам кажется, высшего качества. Карфагеняне были большими любителями вина, поскольку Платон сообщает, что у них был закон, ограничивающий его потребление; в частности, его должны были соблюдать солдаты и их командиры на период военных действий (Законы. 674 a-b; Книга II. 674a). Но на самом деле этот закон не действовал, поскольку Диодор Сицилийский сообщает, что во время осады Сиракуз в 396 году Гимилькон открыл не только лавки по продаже хлеба, но и вина. А позднее, во время Пунических войн, галлы, служившие в карфагенских армиях, не имели, как нам кажется, недостатка в вине (Диодор Сицилийский. XXIII, 21; Полибий. XI, 3, 1).

ПУТЕШЕСТВИЯ

Будучи хорошими коммерсантами, карфагеняне много путешествовали. Они не чуждались незнакомого, если не сказать враждебного, окружения. Они свято чтити соблюдаемый во всем античном мире обычай выставять напоказ дружеские связи, которые объединяли путешествен-

ника и семью, принимавшую его в незнакомом городе. Эти связи, нашедшие свое материальное выражение в тессерах (*tessera hospitalis*), напоминавших что-то вроде визитных карточек, обеспечивали иностранцу гостеприимство и защиту. В одной из комедий Плавта, латинского автора III века, разрабатывается именно эта тема. Один старый карфагенянин по имени Ханнон, набравшийся жизненного опыта в долгих деловых путешествиях, оказался в Риме в поисках своих племянниц, похищенных много лет тому назад. Его первым движением было продемонстрировать свою тессеру, чтобы его препроводили к человеку, с которым его объединяли, как он полагал, дружеские связи. Одна из таких тессер была извлечена из карфагенского захоронения, датируемого VI веком. Она представляет собой дощечку из слоновой кости, на которой начертана этруская надпись: *mi puinel karthazie* — «я пуниец из Карфагена». Плавт наделяет своего вероломного персонажа коварством и изворотливостью, например, он притворяется, что не понимает местного языка, чтобы не быть втянутым в небезопасные для него дискуссии. Но на самом деле Ханнон мог рассчитывать на помощь карфагенской диаспоры в Риме. Эта последняя должна была быть относительно большой и сравнимой по размерам с итальянской колонией, обосновавшейся в Карфагене накануне Третьей пунической войны. Но также известно, что карфагенская колония существовала и в Сиракузах. По словам Диодора Сицилийского (XIV, 46, 1), она была истреблена в 398–397 годах. Члены этих диаспор могли предоставить оказавшимся проездом в чужих странах соплеменникам любую помощь, которая могла им понадобиться.

В поисках новых источников сырья, новых рынков эти коммерсанты иногда пробирались нехоженными тропами, и самые отважные из них выбирали караванные пути, соединяющие Северную Африку с ее субсахарской территорией, чтобы доставлять по частям или сразу золото, слоновую кость, яйца страуса — словом, все то, что можно обнаружить в карфагенских захоронениях. Некий Магон хвастался, что он пересек пустыню, не выпив ни капли воды. Какими же путями шли Магон и его товарищи? Сложно ответить на этот вопрос, но можно предположить, что маршруты, по которым продвигались арабские торговцы, а затем европейские миссионеры, были проложены очень давно.

Геродот (IV, 42) сообщает о путешествии вокруг Африки, предпринятом финикийскими морями в правление фараона Нехао (610—595). Их карфагенские потомки осуществляли исследовательские экспедиции не только вдоль африканских, но и вдоль европейских берегов.

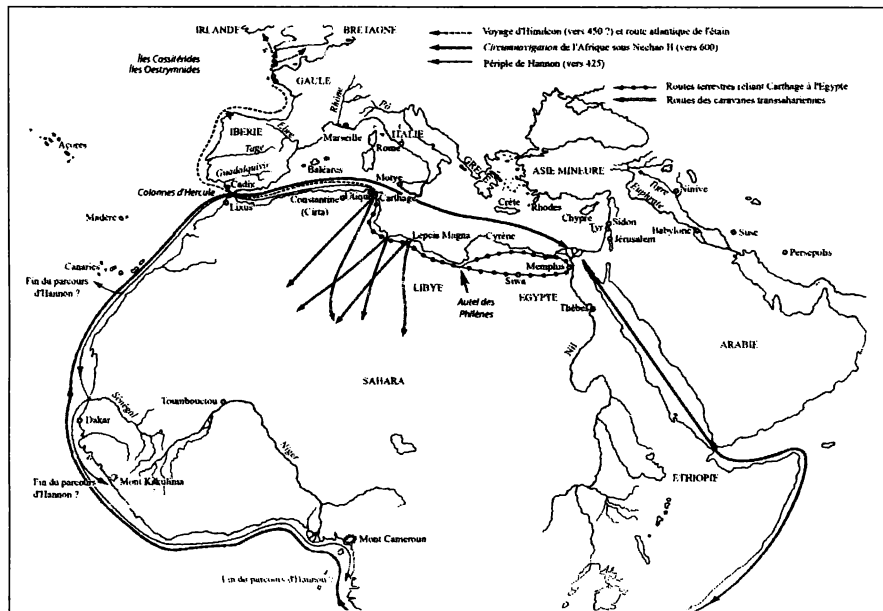
Благодаря переводу на греческий язык одного карфагенского рассказа, датированного, по всей вероятности, V веком, который был, как это указано в тексте, вывешен в храме Кроноса (Баал Хаммона), нам стало известно, что некий Ганнон возглавил экспедицию вдоль Атлантического побережья Африки. Отправившись из Карфагена во главе флотилии из 50 галер, он захватил на борт в Ликсусе проводимых и двинулся дальше к тропикам. В рассказе говорится, что члены экспедиции видели извержение вулкана и что им пришлось сразиться с гориллами. По словам Плиния Старшего (Естественная история. VI, 200), шкуры двух из них были преподнесены в храм Юно-

ны (Тиннит) в Карфагене в знак подтверждения приключений, выпавших на долю Ганнона, и оставались там до падения города. Беря за основу этот отрывок, некоторые специалисты считали, что флотилия достигла Гвинейского залива. Но в ходе недавних исследований удалось определить некоторые детали странствия, которые имели мало общего с реалиями данной местности, имеются в виду, в частности, морские течения, в связи с чем было установлено, что конечным пунктом их путешествия был вулканический архипелаг Канарских островов. Само собой разумеется, что эти острова наряду с Мадейрой были хорошо известны карфагенским первооткрывателям.

Другой рассказ о путешествии, упоминаемый Плинием Старшим, был передан нам Авиеном в поэме *Ora maritima*, «Описание морского берега», римским поэтом и эрудитом, жившим в IV веке нашей эры. В нем говорится, что некий карфагенянин по имени Гимилькон отправился в исследовательскую экспедицию с целью отыскать залежи олова. Конечным пунктом его путешествия стали Эстримнидские острова. Идентифицируемые с Ирландией и Корнуоллом в Британии, они скорее всего располагались в Галиции, на северо-западе Испании. Этот регион уже давно и хорошо был известен финикийцам. Некоторые поселения на португальском побережье появились, видимо, еще в VII веке (это относится и к местечку Абул, в устье Садо, на юг от Лиссабона).

Пунийцы путешествовали не только с торговыми или исследовательскими целями. Иногда они были готовы пройти сотни километров, отправляясь в паломничество. Знатные люди

*Путешествия
и исследовательские
экспедиции, предпринятые
финикийцами и
карфагенянами*

Пунктирная стрелка:

Путешествие Гимилькона
(около 450 года) и атланти-
ческий «оловянный» путь.

Жирная стрелка:

Путешествие вдоль африканских берегов в правление фараона Нехао II (около 600 года)

Тонкая стрелка:

*Странствие Ганнона
(около 425 года)*

Стрелка с точками:

*Маршруты, проложенные
по суше и соединяющие
Карфаген с Египтом
Двойная стрелка: Транс-
сахарские
караванные пути*

Двойная стрелка: Транс-

сахарские
караванные пути

Ориентиры карфагенян

У карфагенян, как и у их левантийских предков, географическое восприятие мира было обусловлено ходом солнца. В надписи, обнаруженной в тофете Карфагена, восток определяется термином Mṣ' Ḥšmš (буквально «выход или восход солнца»), а запад назывался Mb' Ḥšmš (буквально «закат солнца»). Север и юг в их абсолютном проявлении соотносились с этой осью: если смотреть на восток, то север находился слева, а юг — справа. И точно так же определялись основные направления в другом семитском языке, арабском. Но иногда бывало, что уникальный рельеф местности становился точкой отсчета, и это было свойственно населению сирийско-палестинского побережья. У финикийцев и евреев название Сафон, которое носила гора (современная Джебель эль-Акра), расположенная в 40 км на север от Угарита, в Сирии, стало обозначением севера еще до того, как появился его более поздний синоним «север». Оно присутствует и в современном иврите.

из Сульчиса или Каглиари могли долго идти по труднодоступной местности, чтобы добраться до Антаса, где находилось святилище Цида (Sid BBY). Другие отправлялись в Дельфы, в святилище Аполлона и, разумеется, в Тир, в святилище Милькарта. В этом городе была обнаружена погребальная надпись, составленная по случаю смерти одного карфагенянина, скончавшегося, ви-

димо, во время паломничества на земле своих предков (см. Надписи, гл. VII). И наконец, карфагеняне иногда вынуждали обстоятельства сниматься с насиженных мест, чтобы искать убежища в других городах; так произошло с Гисконом, сыном Гамилькара (потерпевшего поражение при Гимере), который нашел приют в Селинунте. Иногда они отправлялись в другие страны для продолжения образования, как, например, Гасдрубал / Клитомах, обучавшийся в Афинах (см. Литературные жанры, гл. VII).

Х

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Что мы знаем о поведении карфагенян в повседневной жизни? По правде говоря, немного, если не считать материальных свидетельств, имен, жилищ или одежды. Древние авторы интересовались преимущественно внешней историей Карфагена, а их внутренние дела оставляли их равнодушными. Что касается мировоззрения и взглядов карфагенян, то их характеризовала резкость суждений. И в этом случае трудно себе представить, какой была семейная жизнь, как относился карфагенинин к жене (или к женам). Его сексуальная жизнь также вызывает много вопросов. Он упоминал о ней крайне редко, и было ли это обусловлено его восточным целомудрием или религиозными запретами?

ИМЕНА КАРФАГЕНЯН

В Карфагене, как и в остальной части семитского мира, имя человека состояло из его собственного имени и имени по отцу (X bn Y, то есть X сын Y), а иногда и деда. Этому чередованию имен была свойственна паппонимия или часто встречающаяся передача имени от деда к внуку (X, сын Y, сына X).

Среди всей совокупности пунических имен было много как теофорных (то есть таких, в состав которых включались наименования того

или иного божества), так и мирских имен (соотносящихся с названиями животных, предметов и т.д.). Среди имен, относящихся к первой категории, встречались выражения, характеризующие качество либо действие божества, направленное на носителя имени (Баракбаал — Баал благословил), а также термины, обозначающие родственные связи с божеством: «`b» (отец), «`m» (мать), «`h» (брат), «`ht» (сестра), «`rst» (невеста или жена) и т.д. Иногда эти имена употреблялись в сокращенной форме, так, имя Абдбаал (Слуга Баала) становилось Абдо или Баало. Мирские имена встречались гораздо реже и соотносились либо с моментом или обстоятельствами рождения (Bnhds — сын месяца, то есть рожденный в новолуние), либо с животными (Nml — муравей; `kbr — мышь; Hld — крот), либо с растениями (Sblt — початок). Некоторые имена обуславливались профессией его носителя или, что бывало чаще, профессией его предков (Glb — брадобрей). К еще одному типу имен относились такие, которые происходили от национальности главы рода. В надписях на карфагенских стелах сохранилось большое количество имен типа Египтянин или Египтянка (Mṣṣy или Mṣrt), Сардинец (Ṣrdny) и т.д. Существовали также и иностранные имена — ливийские, греческие, анатолийские и пр.

Как правило, род в пунических именах был выражен достаточно хорошо. Но были имена, которые имели одинаковую форму для мужских и женских имен. Так, знаменитое имя Ганнибал (Hnb'l — *Баал благословил*) носили многие карфагенские женщины, и они даже могли требовать присвоения себе родового имени, по крайней мере в том случае, если они были благородного

происхождения. Было также установлено, что некоторые из них сообщали одновременно свою собственную генеалогию наряду с генеалогией своего мужа (см. Семья, женщина, дети).

Пунийцы, видимо, любили прозвища; из классических источников до нас дошло их великое множество (Ганнон-рыба, Ганнон-орнитолог, Ганнон-укротитель львов). Но самое знаменитое из них, являющееся производным от Bṛq — молния, получил Гамилькар (Габдмилкарт) Барка.

В более позднюю эпоху произошло внедрение иностранных теонимов в пунические имена, например Изиды ('Abd's), Озириса ('Abd'sr). Впрочем, карфагеняне, как и финикийцы, не испытывая никаких угрызений совести по этому поводу, либо меняли свои имена (Гасдрубал стал Клитоммахом), либо дословно переводили его на иностранный язык, когда им приходилось переселяться за границу (в одном двуязычном тексте, найденном в Пирее, в Греции, упоминается некий Абдтиннит, имя которого звучало на греческом языке как Артемидорос).

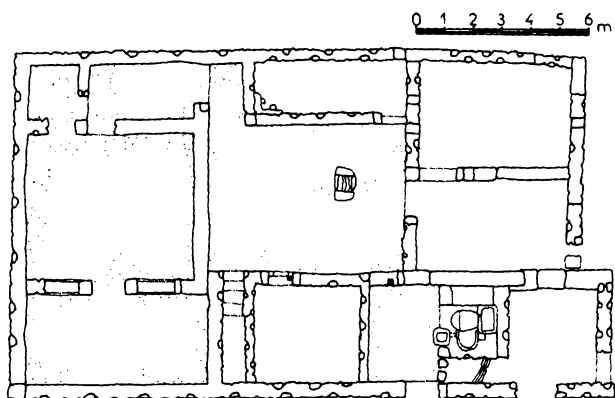
ЖИЛИЩЕ

С точки зрения технологии их возведения и расположения пунические дома были продолжателями ближневосточных архитектурных традиций. Мы уже видели, что пунийцы почти никогда не использовали черепицу для покрытия кровель своих зданий. Плоские крыши их домов давали возможность надстраивать один или несколько этажей, либо устраивать на них залитые солнцем террасы, где можно было сушить белье, шкуры животных, вялить продукты. Они были также

местом отдыха, а в весенне-летний период здесь располагались спальные помещения.

В ходе раскопок, проведенных в Карфагене и в Керкуане, было установлено, что, начиная с V века, пунические жилые комплексы возводились вокруг центрального двора. В некоторых домах, несомненно, испытывающих греческое влияние, встречались дворы с портиками по типу домов с перистилем. Чтобы с улицы попасть во двор, нужно было пройти по длинному коридору, изгибающемуся в форме буквы «г», придающему еще больше интимности всей атмосфере дома. Во дворе, как правило, вымощенном бетоном с вмонтированной в него черепицей, обнаруживаются развалины колодца или водоема, откуда черпали воду, необходимую для хозяйственных надобностей, мельницы для обмолота зерновых и печи для выпечки хлеба по типу табуны, которую предпочтительнее было устраивать на открытом воздухе. Со двора попадали в дом и в помещение для купаний, а на верхние этажи поднимались по лестницам. Пол в залах для купаний также был покрыт характерным бетоном, инкрустированным черепицей, что способствовало быстрой эвакуации использованной воды и облегчало уборку помещения. В зависимости от имеющегося в наличии свободного пространства и материального достатка владельца дома ванны были либо передвижными из обожженной глины, либо встроенными (как в Керкуане). В этом случае нагревательное устройство располагалось с внешней стороны стены помещения для омоений. Для стока использованной воды применялись водосточные желоба, которые отходили от помещения для купаний, далее шли по двору

*План дома на улице Сфинкса в Керкуане
(Тунис, первая половина III века до н.э.)*

вдоль входного коридора, и вода по ним отводилась либо непосредственно на улицу (как в «квартале Ганнибала» в Карфагене), либо в городской водосток (как в Керкуане). Кухня чаще всего была весьма скромных размеров. Ее местоположение определяется по наличию некоторого оборудования, расположенного вокруг печи или жаровни. И, наконец, крыло здания, где проживали владельцы дома, находилось, как правило, напротив входа. Его характеризовали тщательность отделки (покрытие стен и пола). Здесь находились вестибюль, зал для приема гостей, спальня, но это встречалось не во всех домах, в некоторых был лишь парадный зал.

За исключением всего вышеперечисленного, нам, в силу отсутствия убедительных доказательств, трудно определить назначение других комнат: возможно, это были помещения для ночлега или подсобные помещения. Что касается определения количества лиц, проживающих в

каждом из таких домов, то это все еще остается проблематичным.

Если и можно с полным основанием предположить, что пуническая семья была многочисленной и что, следовательно, она располагала большим количеством рабов (обычно их было в избытке), то в этом случае может показаться, что площадь здания была весьма скромной и что пунийцы жили скученно. Разумеется, встречались и большие жилые дома, например площадь некоторых зданий в «квартале Магона» Карфагена могла достигать 1000 м². Но такие дома были скорее исключением. Площадь жилых зданий в «квартале Ганнибала» с трудом достигала 100 м². Самый большой дом, обнаруженный в Керкуане, по площади был не более 250 м² (хотя следует признать, что этими подсчетами не учитываются размеры крытых помещений, расположенных на верхних этажах зданий).

И наконец, мы почти ничего не знаем о том, какими были мебель и декор пунических зданий. Хотя можно тем не менее предположить, что стены домов покрывали шкуры экзотических или домашних животных (в зависимости от состояния владельцев домов), либо тростниковые циновки в самых скромных строениях. Большие сундуки или лари из кедра или кипариса, некоторые образцы которых, превращенные в саркофаги, были нами обнаружены в захоронениях, служили шкафами. В них хранили хрупкие и особенно ценные для семьи предметы. В дополнение к вышесказанному можно привести пример весьма характерной планировки в доме на улице Сфинкса в Керкуане: парадная комната была отделена от спальни хозяина двумя перегородками, про-

странство между которыми, скрытое от посторонних глаз декором, также могло служить для хранения отдельных предметов.

СЕМЬЯ, ЖЕНЩИНА, ДЕТИ

История Карфагена, начиная от Элиссы, его основательницы, которая предпочла сгореть живо на костре, чем увидеть гибель своего города, и до Софонисбы, положившей свою красоту и притягательность на алтарь дипломатии, знает немало примеров исключительных женщин. Однако не стоит заблуждаться, карфагенское общество, как и множество других обществ, семитских или латинских, населяющих бассейн Средиземноморья, было патриархальным.

Литературные источники обходят молчанием жизнь обычных женщин, и только археология дает возможность иметь некоторые представления об их происхождении, статусе или образе жизни. Наши сведения относительно положения пунических женщин почерпнуты нами из двух археологических источников: из раскопок в тофетах и в некрополях. Но даже в большей степени, чем захоронения и погребальные надписи, в них обнаруженные, тофеты стали именно тем местом, которое помогло нам понять роль карфагенской женщины как матери. Впрочем, большинство надписей, легших в основу исследований по изучению положения карфагенянок, проведенных А. Ферджави, были сосредоточены именно в тофетах.

В результате этих исследований было установлено, что карфагенские женщины пользовались некоторой свободой, потому что они могли от

Скульптурное изображение богини с младенцем

себя лично осуществлять жертвоприношения. И те же самые надписи свидетельствуют о том, что женщины, каково бы ни было их происхождение, высокое или низкое, никогда не упускали возможности указать своих предков по восходящей линии. Кроме дочерей и жен *рабов* и суффетов, встречались женщины из семей ремесленников (врачей, поваров, плотников, столяров, парфюмеров и т.д.), вольноотпущенников и даже рабов.

А. Ферджави отметил, что в противоположность эпитафиям, в которых покойницы идентифицируются по отношению к их мужьям и отцам, в надписях, составленных женщинами на votivных стелах, указывалась исключительно их соб-

ственная генеалогия, имена и предки со стороны супруга встречались крайне редко. Эта характерная особенность породила несколько гипотез, некоторые из них были основаны на предположении, что эти посвящения были составлены по случаю принесения в жертву ребенка. Итак, если согласиться с той точкой зрения, что тофет был предназначен для захоронения останков детей, умерших до достижения взрослого возраста, что подтверждается археологическими данными и эпиграфикой, то тогда можно допустить, что мужчины, составлявшие посвящения, были отцами умерших детей и осуществляли ритуал от имени семьи и что посвящение составлялось женщиной только в том случае, если муж отсутствовал или скончался.

Но что бы мы ни думали по этому поводу, факт остается фактом: карфагенские женщины имели право осуществлять и осуществляли религиозные ритуалы в общественных местах, что свидетельствует о том, что они пользовались некоторой степенью свободы. И отдельные эпиграфические данные только укрепляют нас в этом мнении. Среди votivных стел, многие из которых были воздвигнуты женщинами, в посвящениях указывались лишь предки по женской линии. Полагают, что этот феномен может быть связан со священной проституцией, но это верно не во всех случаях.

Судя по редким надписям, упоминающим профессии или функции, которые могли исполнять женщины, можно сказать, что сфера приложения их сил было достаточно широкой. Кроме того что они могли быть служанками, то есть выполнять самые разные обязанности (простой

Пуническая женская статуэтка

служанки, кормилицы, кухарки и т.д.), карфагенские женщины были заняты и в религиозной сфере, их обязанности простирались от «служанки божества» до руководства жреческими коллегиями («верховная жрица», возглавлявшая не только жриц, но иногда и жрецов, если только это последнее утверждение не обусловлено ошибкой переписчика), не говоря уж о том, что среди них было большое количество обычных

жрец. В одной достойной упоминания надписи говорится о некой Шибуле, которая была «городской торговкой». Этот род занятий, вне всякого сомнения, считался престижным в карфагенском обществе, если уж о нем решили сообщить в эпитафии, составленной по случаю кончины этой уважаемой дамы.

Следует признать, что о браке нам почти ничего не известно. Мы даже не можем однозначно ответить на вопрос, были ли карфагеняне моногамны или полигамны. Действительно, во многих карфагенских захоронениях были обнаружены моногамные супружеские четы, хотя как обстояло дело внутри семейных кланов, тем более что в одной эпитафии на погребальной урне содержится упоминание о случае двоеженства, мы не можем сказать. Как нам кажется, супругам карфагенских мужчин не было свойственно держаться в тени своих мужей и жить исключительно интересами семьи, о чем, в частности, свидетельствует их стремление сообщать их собственную генеалогию на votивных стелах. Благодаря целой серии надписей из тофета нам стало известно, что смешанные браки были широко распространенным явлением в Карфагене. Проанализировав 767 из них, А. Ферджави пришел к выводу, что в 50 надписях упоминаются иностранки или родившиеся от смешанных браков. Этот феномен подтверждается и литературными источниками, в которых упоминаются множество случаев заключения смешанных браков, которые, как нам кажется, были продиктованы политическими соображениями.

В Карфагене, как и в остальном пуническом мире, женщина была инструментом, поставленным на службу амбициозных устремлений ее ро-

дителей. Так произошло с Софонисбой, которая сначала была обещана Массиниссе, а затем, преследуя дипломатические цели, вышла замуж за его соперника Сифакса, после чего опять вернулась к Массиниссе, когда тот одержал победу над ее мужем.

Беглое знакомство с античными литературными источниками может навести на мысль, что карфагеняне не испытывали никаких чувств к своим детям. Но ничего подобного не происходило. Даже судя по тем немногим материальным свидетельствам, которыми мы располагаем, мы можем сказать, что карфагенское общество, наряду с другими средиземноморскими обществами, проявляло по меньшей мере внимание и заботу по отношению к своим новорожденным детям. И само существование тофета говорит о том, что они наделялись отдельным статусом в Карфагене. А исповедание культа куротрофных божеств (то есть кормящих грудью), таких, как Деметра или Тиннит, и обнаружение в захоронениях рожков для младенцев и игрушек свидетельствуют о неослабном внимании, уделяемом детям, их благополучию, образованию и т.д.

СЕКСУАЛЬНОСТЬ

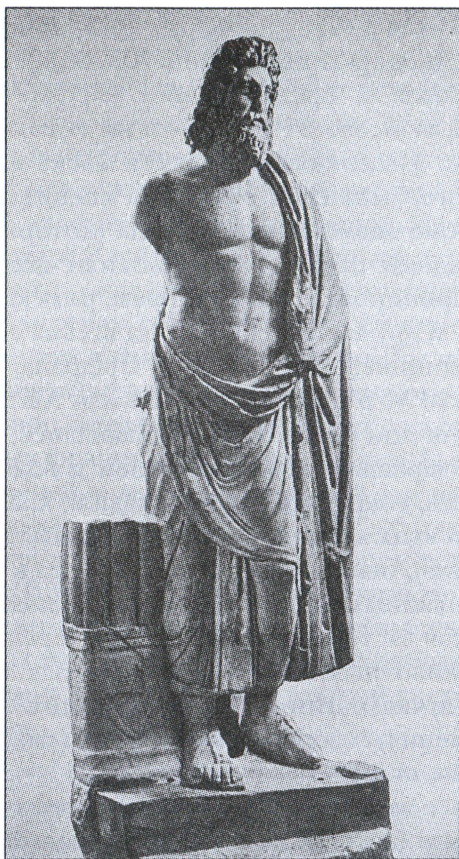
Сложно говорить о сексуальной морали карфагенян, поскольку, за исключением священной проституции, относящейся скорее к религиозной сфере, о ней практически не упоминается ни в иконографических, ни в эпиграфических, ни в классических литературных источниках. И можно ли в таком случае доверять Корнелию Непоту, моралисту, жившему в I веке, утверждавшему, что

в Карфагене существовала должность *praefectus morum*, на которого была возложена обязанность следить за нравами населения и пресекать случаи гомосексуализма (Гамилькар. III, 2)? Скорее всего, что нет. Но совершенно бесспорно, что отказ от этой тематики в иконографии и эпиграфике был обусловлен запретами, окружавшими сексуальную жизнь в карфагенском обществе. Ограничение проституции и гомосексуализма религиозными рамками объясняется стремлением направить в нужное русло сексуальные практики, считающиеся, видимо, отклонением от норм. Хотя нам кажется вполне очевидным, в частности, для эллинистического периода, что, несмотря на табу, в Карфагене существовали различные типы сексуальности. И об этом свидетельствует посвящение одной музыкантши, играющей на цитре, которая была, по словам знаменитого филолога Ж.-Ж. Феврие, «не слишком строгого нрава».

ЗДОРОВЬЕ И МЕДИЦИНА

Изучение костных останков, обнаруженных в слоях разрушения города, свидетельствует о том, что население Карфагена было скорее молодым, активным и здоровым. В то же время отмечалось наличие таких заболеваний, как артрозы, анемии и главным образом случаи недостаточного питания, что может показаться вполне естественным после трех лет осады римлянами города, когда все эти люди оказались лишенными самого необходимого. В целом можно сказать, что в Карфагене встречались широко распространенные патологии, начиная от заболеваний зубов до пороков развития, включая бесплодие. Детская

Скульптурное изображение Эскулапа

смертность была также очень высокой. Наконец, эпидемии, быстро распространявшиеся не только в армии, участвующей в военных действиях, но и в городах, причиняли огромные опустошения. Диодор Сицилийский (XV, 84) упоминает о молниеносных эпидемиях, которые истребили население Карфагена в 379 и в 196 годах до н.э. Он сообщает также, что когда Дионисий атако-

вал Мотию в 398 году, в Африке разразилась эпидемия (Диодор Сицилийский. XIV, 45).

Здоровье в представлении карфагенян напрямую зависело от религиозных и магических практик. Исцеляющих божеств было много, и у каждого была своя отдельная специализация. Так, кроме знаменитого Эшмуна (который в более поздний период частично или полностью идентифицировался с Асклепием, римским Эскулапом), и другие божества были весьма сведущими в медицине; имеются в виду Шадрapa, Решеф, Шед, Baal Mgr' (Баал-целитель) или Аштарт, помогавшая при родах. К ним обращались, их умоляли, отправляясь за исцелением к водным источникам, вокруг которых возводили храмы в их честь. В этих храмах, например в храме Эшмуна в Сидоне (Ливан) или в храме Амрита в Сирии, оборудованных бассейнами, проводились для паломников настоящие «сеансы гидротерапии». От укусов животных, в частности ядовитых, не было ничего лучше магии. От них защищали амулеты и подношения, совершенные по обету (см. Магия и суеверия, гл. VI).

Но все же карфагеняне уповали не только на амулеты и божеств в случае заболеваний. Врачи (Rp', произносится, по свидетельству Плавта в «Пунийце», как «руф») пользовались неизменным уважением в обществе, что подтверждается многими оставшимися от них надписями. В одной из них, найденной в некрополе, где упокоились представители высшего карфагенского общества, говорится о наследственной передаче этой профессии, поскольку в ней упоминается врач, сын врача. И они уже располагали богатой фармакопеей и знаниями, заимствованными у их вос-

точных предков. В фармакопею входили различного рода наркотические вещества и пряности, в частности мак, известный и использовавшийся на протяжении веков в Анатолии. Эти врачи проводили и некоторые операции, о чем свидетельствуют медицинские инструменты, найденные в одном карфагенском захоронении. Некрополи Финикии и Карфагена укрепили нас во мнении, что врачи обладали знаниями и умением лечить зубы. В черепках, обнаруженных в финикийских захоронениях в Ливане, были выявлены необычайно сложные устройства по типу «мостов», поддерживающих зубы-резцы. А во время раскопок, проводимых французскими археологами, был найден залеченный и запломбированный с помощью материала на основе медного сплава зуб (резец).

И наконец, обрезание, о котором говорит Геродот (II, 104) и которое было широко распространено в Карфагене, осуществлялось в религиозных рамках и, может быть, «храмовыми брадобреями», упоминаемыми в одной киприотской надписи.

КУРТУАЗНОСТЬ

Греки и римляне считали, что пунийцам и вообще всему населению Востока было свойственно чрезвычайное раболепие перед сильными мира сего. Разумеется, инстинкт самосохранения диктовал всяческие унижения перед победителем, но разве славные римские legionеры не прошли под кавдинским ярмом (то есть приняли кабальные для себя условия), будучи окруженными воинами-самнитами? Следует отметить, что у древних, в частности у римлян, появилась тен-

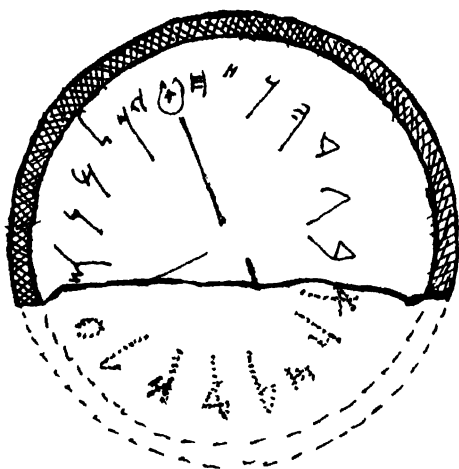

денция воспринимать необычайно сложную восточную куртуазность как рабскую покорность. Но тем не менее они заимствовали из всей совокупности их лицемерных уловок формулу приветствия. Нам известно, что карфагеняне приветствовали друг друга выражением Hw' (Хаве или Аве), иногда дополняемым 'dny (донни), что означает «Здравствуй, господин» (Hw' 'dny). Первое слово этой формулировки перешло в латинский язык, став знаменитым «Аве»!

ВОСПИТАНИЕ И ШКОЛА

Нам немного известно о карфагенской системе образования, но совершенно очевидно, что умение читать и писать было доступно не всем. Для приобретения этих навыков нужно было быть аристократом или рабом аристократа, или нужно было, чтобы мать доверила воспитание ребенка жрецам.

Эти последние давали своим ученикам базовое образование, заключавшееся в умении читать и писать. В результате археологических раскопок были обнаружены несколько образцов школьных упражнений, заключавшихся в том, что ученики гравировали на глиняных черепках 22 буквы пунического алфавита. Самые способные из них, видимо, становились впоследствии писцами (см. Ремесло писца, гл. VII). Другие, более склонные к теологическим рассуждениям, должны были совершенствовать свое образование в самых известных в финикийско-пуническом мире храмах, в частности в храме Милькарта в Тире, библиотека которого, по словам древних авторов, была впечатляющих размеров.

*Факсимиле и реконструкция буквара,
обнаруженного в Карфагене, IV в. до н.э.*

Судя по литературным источникам, представители карфагенской знати получали образование, во многом превосходившее образование греческих или римских аристократов. Отлично образованная Софонисба хорошо разбиралась в литературе, играла на музыкальных инструментах. Воспитателем Ганнибала был лакедемонянин, выучивший его не только языку, но и преподававший ему философию и греческую историю. А по словам Ямвлиха, в Карфагене существовала знаменитая пифагорейская школа, которой руководили поочередно такие ученые, как Мильтиад, Анф, Годий и Леокрит (О пифагоровой жизни. XXVII, 128; XXXVI, 267). И именно в такой школе учился Гасдрубал / Клитомах, где постиг философию и сделал первые шаги на преподавательском поприще, прежде чем иммигрировал в Афины. Но до своего укоренения на карфагенской по-

чве эллинистические философия и литература столкнулись с консерватизмом отдельной части аристократии. Юстиниан отразил в своих произведениях дебаты по этому поводу, имевшие место в обществе в конце V века до н.э. Он сообщает, что воспользовавшись темной историей по обвинению в измене одного из главных политических деятелей, а именно Сунната (Сунйатона), сообщавшего военные планы карфагенян Дионисию Сиракузскому, карфагенский Сенат запретил в IV в. до н.э. изучение греческого языка и литературы (Юстиниан. XX, 5).

КОСТЮМ И УКРАШЕНИЯ

Как нам кажется, карфагенянин оставался верен манере одеваться, свойственной его предкам. Его одеяние состояло из длинного платья, которое носили без пояса, или манти. И отсутствие этих деталей одежды стоило ему сарказма Мильфиона из комедии Плавта «Пуниец», который спрашивал, не потерял ли он их в бане. Судя по рельефам на саркофагах и осууариям, обнаруженным в Карфагене, это длинное платье в противоположность льняным туникам жрецов Кадикса шили из плотной грубой ткани. На саркофагах представлена также и эпитагия (полоса ткани, которую носили на плече). Являлась ли она частью традиционного костюма или была атрибутом высшего жреческого сословия или чем-то иным, нам неизвестно. Вторая гипотеза нам кажется предпочтительнее, поскольку были обнаружены следы красной краски на этих эпитагиях, обнаруженных на саркофагах. А из древних источников нам известно, что туники жрецов украшались

пурпурной полосой ткани (Силий Италик. III, 236; Геродиан. V, 5, 10; Юстиниан. XVIII, 7, 9), в то время как, судя по этим же источникам, туники военачальников были целиком выкрашены в пурпурный цвет (Юстиниан. XVIII, 7, 9).

Мужчины, изображенные на саркофагах, чаще всего были без головных уборов, хотя это относилось не ко всем карфагенянам. На рельефах представлено множество головных уборов, начиная от тиары, форма которой напоминает современную феску, до конической шапочки, включая и тюрбан. У карфагенян было несколько видов обуви, они носили, разумеется, сандалии, а также ботинки и туфли на толстой подошве, напоминающие сабо. Мужские украшения состояли из колец и серег. Первые были не просто драгоценностями, на оправленных камнях гравировались печати, становившиеся своеобразной маркой их владельца. Что касается серег, которые носили вплоть до падения Карфагена, то они также явились для героя Плавта объектом шуток: он спрашивал, разве у карфагенян нет пальцев, если они вдевают себе в уши кольца? Но Мильфион едва ли удержался бы от смеха, встретить он карфагенянина с неземом в носу, то есть с кольцом, которое носили жители Ханаана (о чем говорится в Библии) и которое также встречается в масках из обожженной глины.

По сравнению с мужчинами карфагенские женщины были не столь консервативны. Если на плохо сохранившемся рисунке на вотивных стенах они представлены в длинном прямом платье с вуалью на голове и иногда в мантии, то на других изображениях, появившихся по меньшей мере в IV веке, мы их видим в платьях из тонкой льня-

ной (?) ткани, стянутых на талии поясом. В IV—III столетиях встречается новый элемент — нечто вроде пелерины, состоящей из трех полос ткани. Благодаря тому что на некоторых рельефах из камня или из обожженной глины сохранились краски, мы пришли к выводу, что карфагенские женщины любили яркие цвета, особенно голубой (или синий) и красный. Они также любили украшать свою одежду перьями экзотических птиц, о чем свидетельствует изображение жрицы на саркофаге из Карфагена, чьи бедра и ноги скрывали два крыла. Что касается убранства волос, то оно характеризовалось разнообразием. Иногда волосы свободно падали на плечи, иногда их закладывали за уши или стягивали на затылке в пучок. Карфагенские женщины любили демонстрировать свои украшения. Серьги с коническими подвесками, которые носила жрица, изображенная на саркофаге, найденном в Карфагене, были очень тонкой работы. Диадемы, колье, кольца, браслеты, надеваемые на запястья и лодыжки, а также богато декорированные пояса дополняли ее одеяние. А если судить по статуям на крышках саркофагов, то из обуви они предпочитали сандалии на более или менее толстой подошве. И наконец, коробочки для румян, встречающиеся в захоронениях, свидетельствуют о том, что самым кокетливым из них не было чуждо стремление приукрасить свою внешность!

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ХРОНОЛОГИЯ

Около 1200. Нашествие на сирийско-палестинское побережье племен, которых называли «народами моря», в результате которого города побережья разграблены. Это событие, перевернувшее жизнь левантинского берега (падение Хеттской империи, окончательное разрушение Рас-Шамра—Угарита), явилось началом финикийской экспансии на Западное Средиземноморье.

Между 1100 и 1000. Финикийские мореплаватели достигают границ известного мира, то есть Геркулесовых столбов (Гибралтарский пролив), за пределами которых они основывают города Кадикс и Ликс на Европейском и Африканском континентах соответственно. В Центральном Средиземноморье, на левом берегу Меджерды, в Тунисе (античная Баграда), они основывают Утику.

Конец IX века. Первые археологические подтверждения финикийского присутствия в Испании и на Сардинии (стела из Норы, датируемая 800 годом).

814 г. Общепринятая дата основания Карфагена; 753 год — общепринятая дата основания Рима.

Вторая половина VIII столетия. Колонизация Грецией юга Италии (Великая Греция) и Сицилии.

Конец VIII века. Первые археологические подтверждения пребывания финикийцев в месте

строительства будущего Карфагена: эвбейские керамические изделия в архаических жилищах, в тофете и древних захоронениях. Первые постоянные поселения финикийцев в Андалузии, на Сардинии, Сицилии и Мальте.

VII век. Набеги ассирийцев на финикийское побережье. В 671 году Асархаддон разрушает Сидон и осаждает Тир. Их вторжение продлится до конца правления Ашшурбанипала* (669—630).

Вторая половина VII века. Продолжение процесса колонизации: 654 год — основание Ибицы (карфагенянами или финикийцами?); 650 год — основание Могадора (Эсавиры); открытие торгового отделения в Абуле в устье Тахо; основание Лептис-Магны; основание греками из Феры Кирены в Ливии.

Около 600. Основание фокейскими греками Массалии (Марселя), которые поселяются также в Эмпорионе (Ампурия, в Каталонии); карфагеняне обязуются осуществлять военный контроль над расположенными в глубине страны территориями сардов, основание Монте Сираи. Если верить Юстиниану, в середине VI столетия этот процесс сопровождался военными кампаниями Малха, а затем кампаниями под руководством Магонидов, Гасдрубала и Гамилькара. Основание пунических поселений на Сицилии (Палермо, Солонт).

Первая половина VI века. Вавилонское вторжение на сирийско-палестинское побережье; 587 год — захват Иерусалима и депортация евреев в Вавилон; 573 год — захват Тира Навуходоносором II.

* Ашшурбанипал — царь Ассирии, сын Асархаддона.

Приблизительно середина VI века. Миграция фокейцев в сторону западного бассейна Средиземного моря; 565 год — поселения фокейцев в Алалии (Алерия на Корсике); 545 год — захват фокейцев персами, миграция фокейцев к Центральному Средиземноморью; около 540 года — морская битва при Алалии, фокейцы снимаются с насиженного места под одновременным давлением карфагенян и этрусков.

510. Спартанец Дорией предпринимает две попытки колонизации «карфагенских земель», сначала в Ливии, а затем на Сицилии, откуда он был моментально изгнан.

509. Становление республики в Риме и подписание первого договора между Римом и Карфагеном.

Около 500. Освящение царем Тарквинии Тефарием Велианом в Пирги храма, посвященного Аштарт-Уни. В ознаменование этого события была составлена двуязычная надпись на этруском и финикийском языках, начертанная на трех золотых листках.

480. Битва при Саламине, афиняне одержали победу в морской битве над персидским флотом, состоявшим по большей части из финикийских моряков и адмиралов. В этом же году Гелон Сиракузский и Ферон Агригентский разбили в сражении при Гимере на Сицилии армию Гамилькара Магонида.

Середина V века. Карфаген проявляет интерес и начинает разрабатывать «задворки своей империи», то есть африканские территории; в источниках сообщается, что ему удалось освободиться от уплаты ежегодной дани ливийцам; в связи с раскрытием факта шпионажа карфаген-

ский Сенат (Совет старейшин) запрещает преподавание греческого языка. В течение долгого времени считалось, что этот период характеризовался некоторым застоєм, но в ходе повторного изучения археологических материалов, относящихся к этому времени, эта точка зрения была подвергнута относительной корректировке.

Конец V века. Карфаген вновь начинает проявлять интерес к Сицилии; захват и разрушение греческого города Селинунта и повторное взятие в 409 году Гимеры; подписание в 405 году договора с Дионисием Старшим Сиракузским.

Первая половина IV века. Захват и разрушение в 405 году Мотии (Моции) Дионисием Старшим Сиракузским. Контрнаступление карфагенян было мгновенным, войска Гимилькона были приведены к стенам Сиракуз, но ему не удалось овладеть городом. Строительство на западной оконечности Сицилии нового бастиона Лилибея (современная Марсала), считавшегося неприступным и оказавшего достойное сопротивление Дионисию Старшему, Пирру и римским армиям. Введение в Карфагене культа сицилийских богинь Деметры и Коры после эпидемии, вызванной фактом разрушения и разграбления карфагенскими солдатами их сиракузского святилища.

Вторая половина IV века. 348 год — подписание второго договора между Римом и Карфагеном; 342 год — поражение при Кримисе. Карфагенские войска были разгромлены армией Тимолеона. Агафокл Сиракузский нападает на Африку, опустошает мыс Бон, захватывает Тунис и осаждает Карфаген (310—307). После нескольких неудач карфагеняне собрались с силами и изгнали тирана с территории Африки; 309 год — одержав

победу над Агафоклом, Бомилькар совершает попытку государственного переворота; 306 год — подписание третьего договора между Римом и Карфагеном.

Около 275. Пирр, царь Эпира, проиграв сражение при Лилибее, выступает в Италию, оставляя свободное поле деятельности для карфагенян, которые практически завладели всей Сицилией.

264. По просьбе мамертинских наемников, обосновавшихся в Мессине, Рим вводит войска на Сицилию. Это стало началом Первой пунической войны (264—241); 260 год — победа римлян в морском сражении при Милах (современный Милаццо, на востоке от Мессины), Регул высаживается в 256 году в Африке, повторяя путь, пройденный Агафоклом, и осаждает Карфаген. Город был спасен спартанским «кондотьером» Ксантиппой. Поражение в морском сражении возле Эгадских островов в 241 году, Карфаген обращается с просьбой о перемирии и окончательно теряет Сицилию, несмотря на победы, одержанные на суше Гамилькаром Баркой.

246. Рождение Ганнибала из рода Баркидов.

С 241 по 238 г. Война наемников; Гамилькар Барка подавляет восстание наемников в карфагенской армии, которые попытались взять город приступом. Именно это событие ляжет в основу романа Г. Флобера «Саламбо». Рим, воспользовавшись внутренними карфагенскими проблемами, аннексировал Корсику и Сардинию.

237—229 г. Гамилькар Барка закладывает, по всей вероятности, с согласия карфагенского Сената удаленную базу на испанском Леванте (север Андалусии и регион Валенсии); по словам Диодо-

ра Сицилийского, в 231 году он основывает город Акра Левка (Аликанте?) и управляет этой территорией по модели эллинских царств.

Около 228 г. Основание Нового Карфагена Гасдрубалом, зятем и преемником Гамилькара Барки, который погиб при переходе через реку Джукар в 229 году.

221 г. Ганнибал наследует Гасдрубалу, убитому через девять лет после его прихода к власти.

219 г. Осада и взятие Ганнибалом Сагунта; этот эпизод послужил толчком для развязывания Второй пунической войны (218–202); 218 год — в течение зимы Ганнибал и его армия совершают переход через Альпы. В этом же году он одерживает победу в битвах при Тесине и Требии; 217 год — победа в битве на Тразименском озере; 216 год — победа при Каннах, Капуя переходит на сторону карфагенян; 215 год — подписание союзного договора между Ганнибалом и Филиппом V Македонским. Ганнибал контролирует всю Италию и почти доходит до Рима (211 год). Взятие и потеря Тарента. Захват Сиракуз и смерть Архимеда.

209 г. Победы П. Корнелия Сципиона, будущего Сципиона Африканского, в Испании. Он положил конец владычеству пунийцев на полуострове. Затем он направляется в Африку, где одерживает первую победу при Кампи Магни над армиями союзников — карфагенян и нумидийцев (204 год).

202 г. Битва при Заме; Ганнибал, вернувшись из Италии, выступает против Сципиона. Поражение карфагенян и заключение мирного договора, согласно которому у Карфагена оставались только африканские территории, кроме того, он лишался флота. Договором предусматривалось осуществление Римом политического контроля

и опеки над городом, а также уплата ему громадной дани.

196 г. Ганнибал Барка, избранный суфкетом, предпринимает меры по оздоровлению политической жизни в Карфагене. Город, свободный от бремени войны, быстро достиг процветания. Осуществляется ряд широкомасштабных работ: урбанизация квартала Бирса, строительство и оборудование торгового и военного портов. Но Ганнибалу предстоит удалиться в изгнание, чтобы избежать козней своих врагов в Сенате, которые пытаются выдать его римлянам (195 год).

183 г. Смерть Ганнибала; смерть Сципиона Африканского.

150 г. Доведенные до отчаяния посягательствами нумидийцев на их территорию, карфагеняне в ответ начинают военные действия против Массиниссы. Предлога, чтобы раз и навсегда покончить со своим соперником, Рим ждал довольно долго.

149 г. Рим объявляет войну Карфагену; смерть Катона Старшего.

148 г. Смерть Массиниссы в возрасте 90 лет после долгого правления, продлившегося 55 лет.

Весна 146 г. После трехлетней осады Сципион Эмилиан, племянник Сципиона Африканского, совместно с Полибием захватывают и разрушают Карфаген.

122 г. Гай Семпроний Гракх, внук Сципиона Африканского и самый молодой из Гракхов, избирается в 123 году трибуном от плебса. Он продолжает политику, проводившуюся его старшим братом, и предпринимает безуспешную попытку основать колонию римских граждан в Карфагене.

46 г. Цезарь решает вновь построить Карфаген, но его проект приостановлен в связи с его убийством в 44 году.

29 г. Октавиан, будущий Август, вновь строит Карфаген и дает ему название *Colonia Iulia Concordia Carthago*; туда переезжают 3 тысячи колонистов.

2. КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

Агафокл (361—289)

Сиракузский тиран (Сицилия). Этот амбициозный горшечник родился в городе Термы (Гимерские) на пунической территории и со временем стал заклятым врагом карфагенян. Он беспрестанно воевал с ними сначала на Сицилии, а затем и в Африке, где он провел военную кампанию между 310 и 307 годами. Высадившись в Эль Хаварии, он опустошил тунисский мыс Бон, что впоследствии повторил Регул, и дошел практически до ворот Карфагена. Оказавшись на осадном положении в Тунисе, он сбежал, тайно пробравшись на корабль, и предоставил своим командующим право вести переговоры о выводе армии. Дело закончилось тем, что в 306 году он подписал мирный договор с Карфагеном.

Гамилькар Барка (до 247—229)

Глава клана Баркидов, на исторической арене он впервые появился в 247 году во время Первой пунической войны. В качестве главнокомандующего флотом, а затем сухопутными силами в битве при Эриксе он измотал римскую армию, продемонстрировав все, на что были способны его воины, и обеспечил тем самым достойное отступление своим войскам. Впоследствии он был призван для организации подавления мятежа наемников. И, видимо, в связи с этим получил прозвище Молния (Барка). Осуществляя вместе со своим соратником и зятем захват Испании, он

установил господство Карфагена в Андалусии и на Средиземном побережье Иберийского полуострова. Основав столицу в Акра Левке (современный Аликанте?), он случайно утонул при попытке перейти реку Жукар во время отступления его армии в битве с кельтиберами.

Ганнибал Барка (246—183)

Первый ребенок-мальчик в семье Гамилькара. Отправившись с отцом в Испанию, он покинул Карфаген в возрасте девяти лет. Его воспитателем был спартанец Сосил, ставший впоследствии его биографом. Как только Ганнибал научился владеть оружием, он приступил к службе в армии под началом своего отца, а затем и зятя Гасдруба-

Ганнибал Барка

ла. Он пришел к власти после смерти последнего (221 год) и постарался использовать все возможности, предоставляемые «царством» Баркидов в Испании, для реализации своего плана завоевания Италии. Его интуиция стратега, помноженная на редкую выносливость, позволила ему перейти Пиренеи и Альпы во главе разношерстной армии и опустошить Италию, нанеся непоправимый урон римским войскам. Но стойкость Рима и его колоний восторжествовала над его усилиями, и он вынужден был вернуться в Африку, чтобы дать отпор легионам Сципиона. Лишенный поддержки нумидийской кавалерии, перешедшей вместе с Массиниссой на сторону римлян, в 202 году потерпел сокрушительное поражение в битве при Заме. В 196 году, будучи избранным суффетом в Карфагене, он предпринял попытку оздоровить финансовую систему республики. Но вскоре вынужден был покинуть город, чтобы не попасть в руки своих противников, намеревавшихся выдать его Риму. Скрываясь некоторое время в Тире, затем нашел убежище у царя Вифинии Прусия. Но неумолимо преследуемый римлянами, в возрасте 63 лет он покончил жизнь самоубийством (183 год).

Гамилькар Магонид (до 484—480)

Сын карфагенянина Магона и, по утверждению Геродота (VII, 165—166), жительницы Сиракуз, в период между 484 и 480 годами он исполнял должность суффета. Когда в 483 году Ферон, тиран Агригента, захватил Гимеру, он собрал в Палермо колоссальную армию численностью почти в 300 тысяч человек, в состав которой входили пунийцы, ливийцы, иберийцы, сарды и

корсиканцы, и переправил ее к месту боев на 3 тысячах кораблей. Ферон, вне себя от ужаса, привлек на свою сторону Гелона, тирана Сиракуз, и греков. Коалиционным войскам, несмотря на численное превосходство карфагенян, удалось одержать над ними победу. Геродот сообщает, что вместо того чтобы руководить битвой, Гамилькар пытался заручиться поддержкой богов, осуществляя жертвоприношения. Когда он узнал о поражении своей армии, он бросился в костер. И, по словам все того же Геродота, карфагеняне впоследствии причислили его к лику святых, возведя в его честь большое количество монументов. Но это кажется маловероятным, принимая во внимание участь, часто уготовленную полководцам, потерпевшим поражение. Впрочем, если верить Диодору Сицилийскому, его сын Гискон был изгнан из Карфагена.

Ганнибал Магонид (до 425 — около 406)

Внук Гамилькара, потерпевшего поражение в 480 году при Химере на Сицилии, в 409 году он вновь обратил свои взоры к этому острову. Покорив Селинунт и взяв в кольцо осады Гимеру, он, если верить Диодору Сицилийскому (XIII, 62, 2), захватил и принес в жертву маннам своего деда 3 тысячи жителей этого города. На следующий год он в сопровождении своего двоюродного брата Гимилькона вновь вернулся на Сицилию и направился к Агригенту. Но он пал жертвой эпидемии, опустошившей карфагенскую армию.

Гасдрубал Барка (умер в 207)

Второй сын Гасдрубала, он был губернатором Испании в период военного похода Ганнибала в

Италию. В 211 году он одержал победу над дядей и отцом будущего Сципиона Африканского, от которого впоследствии потерпел поражение. Затем он примкнул к Ганнибалу, перейдя в свою очередь Пиренеи и Альпы. Но еще до воссоединения со своим братом он был убит во время битвы при Метавре в 207 году.

Гасдрубал Боэтарх (до 152 — после 146)

Боэтарх, то есть «командующий дополнительными войсками». Он был главой демократической партии и последним защитником Карфагена. После его избрания в 152 году возобновил борьбу с Массиниссой, настраивая, в частности, крестьян против него и пытаясь организовать восстание. Потерпев поражение, он удалился в изгнание, хотя впоследствии был реабилитирован решением карфагенской ассамблеи, когда ее члены узнали, что римляне собираются разрушить город. Римские историки описывают его как жестокого человека, устраивавшего показательные пытки пленных на крепостных валах, и как труса и изменника, поскольку в ходе последней битвы за город, когда его жена и дети бросились в огонь, чтобы избежать рабства, он сдался Сципиону. Окончил свою жизнь в Риме, оставаясь свободным человеком (Полибий. XXXVII, 7, 11).

Гасдрубал, прозванный Прекрасным, зять Гамилькара Барки (до 238—221)

Друг, соратник, а затем и зять Гамилькара Барки, он сопровождал его в Испании. Возглавив командование флотом после смерти своего тестя, в 229 году он был избран войсками главнокоман-

дующим армией, заменив на этом посту Гамилькара Барку. Он упрочил автономию протектората Баркидов, придав ему черты эллинистической монархии, и построил, в частности, роскошный дворец, который привел в восхищение Полибия (Полибий. X, 10, 9). В большей степени политик, чем полководец, он укрепил свою власть, заключив союзные договоры с представителями местной знати, женившись на дочери одного из них. Около 228 года он предпринял строительство Нового Карфагена. Расположенный на полпути между Андалусией и Каталонией и в центре региона, где находились залежи полезных ископаемых, город вскоре приобрел важное стратегическое значение. Он построил в нем судоверфи, а также промышленные и военные сооружения. Убитый в 221 году, он оставил Ганнибалу укрепленный плацдарм и богатое, хорошо структурированное «царство», обеспечившее ему наилучшие условия для завоевания Италии.

Гасдрубал-философ (около 186 — около 109)

Изучая философию на своем родном языке в Карфагене, в возрасте сорока лет он эмигрировал в Грецию, чтобы продолжить образование у Карнеада. Изучал философию под именем Клитомаха и возглавил Новую академию в 127/126 году. Составил послание с соболезнованиями в адрес своих соплеменников, когда узнал о разрушении его родного города в 146 году.

Гиерон

Гиерон I, тиран Гелы, потом, с 478 года, Сиракуз. Он развязал военные действия сначала против этрусков, а потом против карфагенян; Гие-

рон II (306—215), царь Сиракуз, привлек на свою сторону карфагенян, чтобы изгнать из Мессины кампанских наемников-мамертинцев. Ему пришлось оттуда убраться, когда римляне, чьим верным союзником он стал, обосновались на этой территории. Отныне их тень пала на его когда-то процветающий город.

Гимилькон Магонид (до 407 — около 392)

Став после смерти своего двоюродного брата Ганнибала командующим карфагенскими вооруженными силами на Сицилии, он сумел в 406 году захватить Агригент, а затем и Гелу. Он простер контроль Карфагена на всю территорию острова, за исключением Сиракуз, которые он заключил в кольцо осады. Но принимая во внимание последствия эпидемии, ослабившей его армию, он предложил Дионисию I прекратить военные действия. Он вернулся сюда в 397 году, когда Деонисий подошел со своей армией к Мотье. К сожалению, Гимилькону ничего не удалось сделать, чтобы спасти население города, состоявшее как из греков, так и из карфагенян, от истребления. И только на следующий год он смог его захватить. В этом же году он начал строительство нового города — Лилибея (Марсала), предназначенного для развертывания карфагенских военных сил на западе Сицилии. Затем он направился в Сиракузы, которые он безуспешно пытался атаковать. Ослабленная еще одной эпидемией, его армия была разбита (Диодор, XIV 56, 1—62). В классических источниках сообщается, что он бежал в Карфаген с несколькими карфагенянами, оставив на поле брани своих союзников и африканских солдат. Говорят, что он окончил свои дни, отка-

завшись принимать какую-либо пищу (Диодор. XIV, 76; Юстиниан. XIX, 3, 12).

Гискон (начало III века — 241)

Карфагенский полководец, участвовал в подписании мирного договора с Римом, которым была узаконена потеря Карфагеном Сицилии (Диодор. XXIV, 13). Впоследствии он руководил эвакуацией Лилибея (Полибий. I, 66, 1—4). В начале войны наемников он отправился в стан восставших для проведения переговоров, которые жестоко расправились с ним и отказались выдать его тело.

Иарбант (Гиарбас) (IX век)

Ливийский принц, царь макситанов (нумидийское племя, поселившееся на берегах Тунисского залива). Согласно легенде, рассказанной Юстинианом (XVIII, 6, 1), именно вследствие предложения руки и сердца, поступившего от Иарбанта (Гиарбаса), Элисса, основательница Карфагена, бросилась в пламя костра, чтобы сохранить верность своему первому супругу.

Катон Старший (234—149)

Политический деятель, был рьяным защитником традиционных римских добродетелей и одним из самых ярких представителей консервативного крыла римского Сената. Заклятый враг Карфагена, который он посетил в 152 году, он неоднократно предлагал разрушить его до основания и не успокоился даже тогда, когда город был стер с лица земли.

Ксантиппа (середина III века)

Спартанский офицер, рекрутированный карфагенскими служащими наряду с другими наем-

никами для отпора Регулу, развязавшему военные действия в Африке (256—255 годы). Он смог максимально использовать возможности пунической кавалерии и боевых слонов, заманив противника на ровную местность. Поражение, которое он нанес римлянам, на полвека отбило у них охоту воевать на африканской земле. Гамилькар Барка, служивший под его началом, многому научился у этого военачальника. Щедро вознагражденный, Ксантиппа здоровым и невредимым покинул Африку, несмотря на клеветнические измышления некоторых авторов, что будто бы карфагеняне пытались его устранить. Позже о нем упоминалось в связи с его службой у царя династии Лагидов Птолемея III.

Магониды

Клан «патрициев», определявший всю политическую жизнь в Карфагене между серединой VI и началом IV века. Его прародитель Магон, живший, видимо, в VI столетии, был, по словам Юстиниана (XIX 1, 1), основателем империи.

Магон-агроном (III век)

Считается отцом «деревенской науки», поскольку написал трактат по сельскому хозяйству, состоявший из 28 книг. Плиний Старший (Естественная история. XVIII, 22) сообщает, что они были переведены на латинский и греческий языки за счет римского Сената. А по мнению Варрона (Руководство по сельскому хозяйству. I, 1, 10), перевод книг был выполнен Кассием Дионисием из Утики.

Магон Баркид (до 219 — около 203)

Офицер и младший брат Ганнибала. Посланный во главе вспомогательной армии, он сумел

высадиться в Лигурии, но так и не смог воссоединиться со своим братом. Был вынужден повернуть назад, когда Сципион прибыл в Африку. Скончался от ран, полученных в сражениях во время перехода.

Малх (VI век)

Имя карфагенского военачальника, в жизнеописании которого вымысел сочетается с правдой (Юстиниан. XVIII, 7). Одержав ряд побед на Сицилии, он, видимо, отправился на Сардинию для воцарения здесь мира и спокойствия. Но после разгромного поражения был приговорен к изгнанию. Отказавшись подчиниться решению карфагенского Сената, он подверг осаде собственный город и без колебаний распял на кресте своего сына Карфалона, отказавшегося встать на его сторону (Юстиниан. XVIII, 7, 7–15). Обвиненный в измене родине и в причинении смерти, был убит.

Массинисса (Массиниссан, около 240—148)

Был сыном царя массилов (Восточная Нумидия) Гайи и сражался в Испании под командованием Гасдрубала, зятя Гамилькара. Когда он был в Испании, его отец скончался, и двое его преемников находились у власти всего лишь в течение нескольких месяцев. Массиниссе пришлось вернуться в Африку, чтобы наследовать царство, но был низложен Сифаксом, союзником карфагенян. И тогда он, перейдя на сторону Сципиона Африканского, одержал первую победу над Сифаксом и захватил Цирту (Константину). И именно здесь он возобновил отношения с карфагеняжкой Софонисбой, женой Сифакса. В 203 году Сципион

признал его царем Нумидии. Поддержка, оказанная его кавалерией в 201 году во время битвы при Заме, имела решающее значение. Разгром карфагенян оказался необычайно выгодным для него, поскольку в результате ему удалось сформировать большое царство, простирающееся от западных территорий современного Алжира до Триполитании. Открытый средиземноморским влияниям, он всячески способствовал укреплению итальянской и греческой колоний в Цирте, столице его государства. Его посетил Птолемей VIII Эвергет, Массинисса бесплатно поставлял хлеб в Делос, в благодарность скульпторы этого города возвели множество его статуй. Его сын Мастанабал принимал участие в Панафинейях (празднествах в честь богини Афины). Его посягательства на карфагенскую территорию, и так уже уменьшившуюся в результате поражения при Заме, оказались причиной развязывания Третьей пунической войны. Но, как и Катон, он не участвовал в разрушении вражеского города. Умер в 148 году, оставив огромное царство своим наследникам. В одной из его столиц, в Дугге, в его честь был возведен храм, о чем говорится в двуязычной надписи, составленной на ливийском и пуническом языках.

Миципса (Микивсан, до 148—118)

Старший сын Массиниссы и наследник его престола. Но Сципион Эмилиан с подозрением относился к сосредоточению власти над такой территорией в руках одного человека и поэтому вынудил его поделить царство с двумя братьями — Мастанабалом и Гулусой (Glwsn). Не принимая участия в сражениях, он оказал поддержку Риму

во время Третьей пунической войны, послав ему на помощь войска. В 139 году, после смерти своих братьев, он оказался единоличным правителем. Он сохранил хорошие отношения с Римом, развивал сельское хозяйство и способствовал эллинизации Нумидии, в частности Цирты. В результате его кончины в 118 году разгорелась борьба за власть между его сыновьями Гадарбаалом и Гиемпсалом и племянником Югуртой, усыновленным им несколькими годами ранее (Саллюстий. Югурта, 6—10). Как и его отцу, ему после смерти воздавали почести, о чем свидетельствует надпись на пуническом языке, найденная в Шершеле (Алжир).

Нар Гавас (III век)

Нумидийский принц. Примкнув в начале войны наемников к восставшим, впоследствии перешел на сторону карфагенян, воссоединившись во главе отряда из 2 тысяч всадников с армией Гамилькара, и оказал тем самым неоценимую услугу Карфагену, повлиявшую на дальнейший ход войны. Полибий (I, 78, 8) говорит, что Гамилькар обещал ему в жены свою дочь.

Пирр (319—272)

Царь Эпира и двоюродный брат Александра Великого. По просьбе жителей Тарента высадился в 280 году в Италии. Благодаря своим слонам, он выиграл множество сражений как на Сицилии против карфагенян, так и в Италии против римлян, которые, впервые увидев слонов, окрестили их «луканскими быками». Но его авторитарность, а также понесенные им поражения при Лилибее (современная Марсала) на Сицилии или

при Беневенте вызвали отчуждение греков, проживавших в Италии и на Сицилии, в связи с чем он вынужден был удалиться от дел.

Регул (Марк Атилий Регул, до 257 — около 250)

Полководец и политический деятель эпохи республиканского Рима, старший брат Г. Атилия Регула, одержавший в 257 году победу над карфагенянами в морском сражении при Тиндарисе. Избранный в 256 году консулом, он предпринял, после нанесенного им поражения Ганнону на мысе Экном, военный поход против Карфагена. Высадившись на мысе Бон, он захватил Аспис (Келибию), опустошил этот регион (во всей вероятности, именно по этой причине пунический город Керкуан был окончательно разрушен) и чуть было не завладел Тунисом. Благодаря спартанскому наемнику Ксантиппе, Карфагену удалось захватить его в плен и, таким образом, отодвинуть угрозу. Некоторые авторы сообщают, что, будучи посланным в Рим с целью передачи римскому Сенату карфагенских условий мирного урегулирования, он, видимо, уговорил сенаторов отклонить их и, верный своему обещанию, вернулся в Карфаген, где умер в страшных мучениях.

Сципион Африканский (235—183)

С самого раннего возраста он принимал участие в сражениях при Тесине и Каннах, где изучил военную тактику Ганнибала. Не будучи избранным консулом, он получил в 210 году в Испании проконсульский империй и добился здесь небывалого успеха, захватив Новый Карфаген,

Публий Корнелий Сципион Африканский

столицу пунической Испании. В 205 году он был избран консулом и получил согласие на проведение военных операций в Африке, где, благодаря поддержке кавалерии Массиниссы, одержал победу над Ганнибалом. Освободив Рим от его самого опасного врага, он с триумфом возвратился домой, бурно приветствуемый народом на всем протяжении обратного пути. Если верить Титу Ливию (XXX, 45), он был первым полководцем, получившим прозвище по названию покоренного им народа (Африканский). Впоследствии в качестве легата своего брата Луция, получивше-

го позднее прозвище Азиатский, он в 198 году принимал участие в победоносной войне римлян против Антиоха III Великого и чуть было не захватил Ганнибала, состоявшего советником при царе Селевкиде. Ему также пришлось еще раз посетить Карфаген для урегулирования пограничного конфликта с Массиниссой. Будучи тяжело больным и удрученным разбирательствами, инициированными его врагами в Сенате, он закончил свои дни на вилле в Кампании.

Сципион Эмилиан (184—129)

Сын Павла Эмилия, усыновленный одним из сыновей Сципиона Африканского. Он принимал участие в военных кампаниях в Македонии и Испании, сражаясь бок о бок со своим отцом. В качестве военного трибуна в Африке урегулировал раздел царства Массиниссы между тремя его сыновьями (148 год). В 147 году, когда он еще не достиг возраста, установленного для исполнения этой должности, комициями (народным собранием) он был избран консулом. Кроме того, на него было возложено командование войсками в Африке. В сопровождении своего друга и историка Полибия он руководил последним сражением за Карфаген. Стоя перед охваченным пламенем городом, он будто бы со слезами на глазах декламировал отрывок из Илиады: «Будет некогда день, как погибнет высокая Троя, древний погибнет Приам и народ копьеносца Приама» (Илиада, IV, 164—165, пер. Н.И. Гнедича). Его карьера на этом не закончилась: в 133 году он захватил и разрушил Нумансию, последний плацдарм кельтиберов в Испании.

Софонисба (Сафонибаал, около 235—203)

Дочь Гасдрубала, карфагенского полководца, который в период с 214 по 203 год проводил военные операции в Испании и Африке. Обещанная сначала в жены Массиниссе, она в конечном итоге стала супругой дряхлеющего Сифакса, видимо, для того, чтобы заручиться его поддержкой и хорошим расположением по отношению к Карфагену. Прекрасно образованной и утонченной красавице удалось очаровать нумидийского царя и держать его в поле зрения карфагенян. В свою очередь Массинисса также подпал под ее чары, когда в 203 году завладел Циртой (Константиной), восточной столицей своего противника. Втайне передав яд, он помог ей, воплотившей лучшие черты карфагенского характера, окончить жизнь самоубийством, чтобы избежать унижительного участия в торжествах по поводу триумфа Сципиона. Трагическая судьба этой женщины вдохновляла многих художников и поэтов, посвятивших ей бесчисленные произведения. И в этой связи нельзя не упомянуть Корнеля и его трагедию «Софонисба» (1663).

Сифакс (до 214—201)

Царь масаэсилов (Западная Нумидия), столица которых находилась в Сиге. Его первое столкновение с карфагенянами произошло в 214 году. Позже, в 206 году, когда к его границам подошли карфагеняне и римляне, он, видимо благодаря действиям Софонисбы, перешел на сторону первых. После чего он простер свое владычество на восточную Нумидию и захватил ее столицу Цирту (Константину). Когда Сципион Африканский высадился в Утике, он пытался стать посредником

для обеих воюющих сторон, но его лагерь был разрушен римлянами в 203 году. Некоторое время спустя он потерпел поражение от Массинисы, который завладел Циртой, выдал его Риму и, воспользовавшись случаем, вернул себе свою супругу Софонисбу. Депортированный в Рим, он окончил свои дни в Тиволи и был похоронен за счет римского государства в 201 году.

Элисса / Дидона (IX век?)

Тирская принцесса и легендарная основательница Карфагена. Ее брат Пигмалион приказал убить ее мужа Сик(х)арбаса, жреца Милькарта, с целью завладения его богатствами. Но Элисса, собрав сокровища своего мужа, бежала в сопровождении нескольких верных друзей. Она направилась в Африку через Кипр, где она осуществила

*Прощание Энея с Дидоной в Карфагене.
Художник К. Лоррен*

Юба II

жертвоприношения богам и захватила с собой на корабль юных девушек. По словам древних авторов (Тимей), именно в Африке она получила имя Дидоны. Прибыв на место будущего Карфагена, она добилась того, чтобы ей предоставили территорию, размер которой могла покрыть одна шкура быка. Разрезав шкуру животного на тонкие полоски, она заняла довольно большую площадь. Впоследствии, не имея возможности отказать царю ливийцев, предложившему ей руку и сердце, она бросилась в заранее ею подготовленный костер и, таким образом, осталась верной памяти своего мужа.

Юба

Юба I (до 63—46): сын Гиемпсала II, царь Нумидии с 50 по 46 год. Его царство простиралось до Лептис-Магны и Зама, одной из его столиц, где потерпел поражение Ганнибал. Цирта (Константина) также входила в его владения. В противостоянии с Цезарем и его соратниками он перешел на сторону Помпея. Умер у ворот Зама по окончании битвы при Тапсе (46 год).

Юба II (до 46—23), сын Юбы I, царь Мавретании с 25 по 23 год. Участвовал в африканском триумфе Цезаря и воспитывался Октавианом (будущим Августом) в Италии. Его покровители женили его на Клеопатре Селене, дочери знаменитой Клеопатры и Антония. Возведенный на трон волей Августа, он избрал Иолу столицей своего царства, присвоив ей новое название Цезария (Шершель в Алжире). Будучи образованным человеком и владея не только латинским, греческим, но и пуническим языками, он написал «Историю Африки», не дошедшую до наших дней (Плутарх. Антоний. 36; Плиний Старший. Естественная история. V, 16).

3. ГЛОССАРИЙ

Некоторые пунические слова и варианты их произношения (приводятся в порядке расположения букв в пуническом алфавите)

'b	(абу) отец
'dm	(адом) человек
'dn	(адон) сеньор, господин, хозяин
'dr	(аддир) великий, могущественный, сенатор
'gdr	(агаддир) финикийское название Кадикса в Испании
'h	(аху) брат
'hd	(ахад) один, каждый
'ht	(ахот) сестра
'ht'm	(ахотамма) тетка по материнской линии (буквально «сестра матери»)
'Ybšm	(Ибуш им) финикийское название Ибицы
'Yksm	(Икошим) финикийское название Алжира
'Ynšm	(Иноцим) Соколиный остров — финикийское название островка Сан-Пьетро на юго-западе от Сардинии
'Yrnm	(Ироним) финикийское название Пантеллерии на западе от Сицилии
'lm	(Илим) Бог (мн. ч. 'lnm — Алоним)
'm	(амма) мать
'nk	(анек) я
'rb'm	(арбаим) сорок
'rn	(арун) ящик, саркофаг, погребальная урна
'rš	(арц) земля, страна, территория (мн. ч. 'ršt — арсот)
'rš	(ариш) жених (невеста: 'ršt, аришат)
'š	(иш) человек (мн. ч. 'šm — ишим)
'šr hqdš	(ашир хакодеш) святое место, название,

	даваемое тофетам в пунических надписях
'št	(ишат) женщина, супруга кого-либо
Bn	(бин) сын
B'l	(баал) господин, владелец, собственник, глава, гражданин
B't	(биат) «тариф», устанавливающий долю жертвенного животного, причитающуюся жрецу
Brzl	(барзал) железо
Brk	(барак) благословлять
Bt	(бит) дом, храм (битт) девушка
Gbl (Губал)	Библ
Gwl	(Гаул, Гавл) финикийское название острова Гозо на Мальте
Glb	(галлаб) брадобрей
Grm	(гурим) юноши, молодые священны е рабы, занимающиеся проституцией в пользу храма
Zbh	(забах) жертвоприношение (Заббах) жертвователь
Hdš	(хадаш) новый, новая луна, восстанавливать
Hmš	(хамиш) пять
Hrš	(харуц) золото
Hrš	(харраш) ремесленник, рабочий, фабрикант (мн.ч. Hršm)
Ym (иам)	море
(иом)	день
Yrh	(ирах) луна, месяц
Ytn	(иатон) давать
Kbs	(каббас) сукновал
Khn	(кухен) жрец (мн. ч. куханим; жрица — кухенет)
Kkb	(каккаб) звезда (мн. ч. каккабим)
Kl	(кол) все
Klb	(калб) собака, священный раб, занимающийся проституцией в пользу храма (мн. ч. калбим)

Ks'	(касса) ночь полнолуния, трон
Ksp	(кассаф) серебро
Krw'	(Коруа) пуническая транскрипция греческого божества по имени Кора (Персефона)
Krtn	(Киртан) пуническое название ливийского происхождения современной Константины в Алжире
Krly	(Карали) финикийское название современного Каглиари на Сардинии
Ktb	(Катаб) писать, вписывать, читать
Lbnn	(Либнан) название региона, когда-то принадлежавшего финикийцам, который соответствует современному Ливану
Lbnt	(лубанат) ладан
Lkš	(Лукош) финикийское название Ликса, современного Лараша в Марокко
M't	(миат) сто
Mb' Hšmš	(мбу хашамаш) заход солнца, запад
Mglb	(миглаб) бритва
Mzbh	(мазбах) алтарь
Mhnt	(маханат) армия
Mhzm	(махазим) «инспектора рынка», римские эдилы
Mhšbm	(мхашбим) счетоводы
Mtw'	(Мотуа) финикийское название современного островка Мотье, расположенного на западной оконечности Сицилии
Mym	(майим) вода, воды
Mktrm	(Мактарим) пуническое название современного Мактара в Тунисе
Mlk	(милк) царь, правление (молк) род жертвоприношения
Mnšbt	(манцабат) стела
Mš Hšmš	(мца хашамаш) восход солнца, восток
Mqdš	(микдаш) часовня
Mqm	(макам) площадь, место, святое место в широком смысле
Mrzh	(марзах) религиозная община

Mršm	(марцим) стадии (мера длины)
Mš	(меш) статуя
Ngr	(наггар) столяр, плотник
Ndr	(нидар) подношение, дар
Nhšt	(нхашат) бронза
Nsk	(насак) литье (металла), литейщик
N'm	(наим) хороший, приятный, счастье, благо
Shr	(сохер) торговец (сохерет — торговка)
Slky	(Сулки) финикийское название островка Сант-Антонио на юго-западе от Сардинии
Spr	(софер) писец, секретарь
'bd	(абд) служитель, раб
'lm	(уллам) вечность
'lmt	(уламат) юные девушки, предназначенные для священной проституции в пользу храма
'm	(ам) народ, народное собрание
'šrm	(ашрим) двадцать
'šrt	(ашарат) десять
P'l	(паал) делать, производить (поэл) фабрикант, производитель
Sdn (Цидон)	Сидон
Syš	(Циц) финикийское название современного Палермо на Сицилии
Šr	(Цор) Тир
Qbr	(кабар) могила, захоронение
Qds	(кадош) святой
Ql	(кол) голос
Qrt	(карт) город
Qrt Hdšt	(Карт Хадашт) новый город, Карфаген
R's	(руш) голова, мыс
R's'dr	(Рушаддир) укрепленный мыс, финикийское название современной Мелиллы в Марокко
Rb	(раб) глава (ж. р. раббат, переводится как «дама»)
Rp'	(руфе) лекарь, врач
Rqh	(раках) благовоние, духи
Šl šm	(шлюшим) тридцать
Šmn	(шман) масло

Šm'	(шамаа) слышать
Šmš	(шамаш) солнце
Šnm	(шним) два
Špt	(шгфет) суффет
Šph	(шиппах) семья
Šql	(шекель) мера веса
Šrdn	(шардан) финикийское название Сардинии
Šš	(шиш) шесть
Št	(шат) год (мн. ч. шанут)
Tbgg	(Тубгар) пуническая транскрипция современного названия города Дугга в Тунисе
Tht	(тахат) под
Tšk't	(Тушкат) название округа, расположенного в 150 км от Карфагена и являющегося частью пунической территории (регион современного Мактара)
Tš'	(тишаа) девять

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
КАРФАГЕН.....	7
I. История.....	9
II. Город и его «империя».....	76
III. Политическая и социальная организация... ..	125
IV. Экономическая жизнь	193
КАРФАГЕНЯНЕ	229
V. Время	231
VI. Религия	243
VII. Литература	288
VIII. Искусства.....	304
IX. Досуг	326
X. Частная жизнь	346
ПРИЛОЖЕНИЯ	367
1. Хронология.....	367
2. Краткий биографический справочник	375
3. Глоссарий	394

Научно-популярное издание

Гиды цивилизаций

Дриди Эди

**КАРФАГЕН
и Пунический мир**

Выпускающий редактор *Е.С. Лазарев*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *И.М. Сорокина*

Художественное оформление *Е.А. Забелина*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-71, 940-48-72, 940-48-73.

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.60.953.Д.000452.01.09 от 27.01.2009 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 04.09.2009. Формат 84 × 108 1/32.

Гарнитура «NewBaskervilleC». Печать офсетная.

Бумага офсетная. Печ. л. 12,5. Тираж 3000 экз. Заказ В-1307.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru

Эди Дриди

Карфаген и Пунический мир

Величественный, мрачный и могучий город, грозный владыка морей, средоточие кровавого культа Молоха — таков Карфаген в расхожем мнении современного человека, в романах и кинофильмах. Насколько обоснован такой образ? Автор этой книги на обширном историческом и археологическом материале воссоздает иную, но ничуть не менее впечатляющую картину поистине великой культуры, незаслуженно забытой, фактически уничтоженной Римом. Нераскрытой тайной веков предстает перед читателем погибшая литература Карфагена, возможно, хранившая ключи к загадкам Атлантиды. Да и религия Молоха оказывается на поверку не столь зловещей...

ISBN 978-5-9533-3781-6

9 785953 337816

